

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 23.

ДЕКАБРЬ. — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Сужденія о. Владиміра Геттэ о новѣйшей дѣятельности г. В. Соловьева въ пользу соединенія Церкви восточной съ западною (окончаніе). *С—ва*. . . . . 715—746

Религіозно-нравственное развитіе Императора Алесандра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковского Университета *В. Надлера*. . . . . 748—786

Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной Академіи *П. Целъткова*. . . . . 787—790

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Метафизическій анализъ идеальнаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной Академіи *В. Нудряцева*. . . . . 478—501

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). *И. Корсунскаго*. . . . . 502—528

III. ЛИСТОКЪ ДЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ (продолженіе).—Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1888.

“ВѢРА И РАЗУМЪ”

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Подуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ся изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πιστεὶ νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Декабря 15 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Сужденія о. Владиміра Геттэ

о новѣйшей дѣятельности г. В. Соловьева въ пользу соединенія Церкви восточной съ западною *).

РОССІЯ И ЕЯ ЦЕРКОВЬ.

Открытое письмо о. Владиміра Геттэ г. В. Соловьеву по поводу его брошюры подѣ названіемъ „Русская идея“ (L'idee russe).

I.

М. Г.! Вы издали въ Парижѣ брошюру подѣ названіемъ „Русская идея“. Я удивляюсь, что ваши французскіе друзья не предупредили васъ, что подобное названіе, представляя смыслъ неустойчивый, неопредѣленный, туманный и очень неясный (ethere), не можетъ быть допущено на французскомъ языкѣ. Ваше заглавіе брошюры хотеть имѣть смыслъ равносильный слѣдующему заглавію по-французски: идея о Россіи (idee sur le Russie). Идея же—это результатъ разсужденія существа мыслящаго. Она не можетъ быть ни русскою, ни французскою, развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что бываетъ высказана или русскимъ человѣкомъ, или французомъ. Множество-же людей, или народъ, не имѣя (индивидуально-коллективнаго) разума, исключительно принадлежащаго этому народу, не можетъ имѣть своей *идеи*. Если большая

---

*) Первая статья о. Владиміра Геттэ подѣ этимъ общимъ заглавіемъ см. въ ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 22.

часть людей, составляющихъ этотъ народъ, вполне согласно представляютъ какую-либо идею, имъ принадлежащую, то рассуждая объ этой идеѣ, ее конечно можно признать коллективную; но вы хорошо знаете, что ваша идея не признается достаточно большимъ числомъ русскихъ, чтобы ее можно было усвоить всей Россіи и сдѣлать изъ нея національную идею.

Итакъ ваше заглавіе: *русская идея*, означаетъ лишь: *идея одного русскаго человека*. Именно *вашу идею* вы изложили въ своей брошюрѣ. Такимъ образомъ вашу идею я хочу подвергнуть критикѣ.

По вашему мнѣнію, идея, которую надобно имѣть о какомъ-либо народѣ, не есть та, которая принадлежитъ людямъ правящимъ этимъ народомъ или ученымъ, но та, которая принадлежитъ самому Богу объ этомъ народѣ. Эта мистическая мысль имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что будто-бы Богъ сообщаетъ людямъ познаніе о своей идеѣ. Но конечно Онъ не далъ откровенія по этому предмету. А въ такомъ случаѣ вы обязаны уже искать эту идею въ исторіи народа. Такимъ образомъ мы обязаны прійти къ слѣдующему выводу: идея, которую надобно имѣть о какомъ-либо народѣ, именно и есть та, которую люди, наиболѣе свѣдущіе въ исторіи народа, извлекаютъ изъ событій его исторіи. Въ этомъ лишь смыслъ идея, принадлежащая Богу, не отличается отъ идеи, выражаемой людьми просвѣщенными, философами-историками.

Но такъ какъ люди никогда не бываютъ безусловно согласны между собою, то вы никогда не узнаете идеи Божіей о народѣ, также точно, какъ никогда не узнаете идеи Божіей объ индивидуальномъ человѣкѣ.

Быть можетъ, вы спросите меня, по какому праву я пишу къ вамъ это открытое письмо? Я хочу объясниться по этому поводу.

Вы хорошо знаете, г. Соловьевъ, что мы идемъ двумя противоположными путями. Вы отиравились изъ Россіи, чтобы прибыть въ Римъ. Я же отправился изъ Рима, чтобы прибыть въ Россію, и чрезъ нее во вселенскую Церковь православнаго Востока.

Почему-же мы столь противоположными путями идемъ къ одной и той-же цѣли въ дѣлѣ достиженія истины?

Я написалъ около пятидесяти томовъ въ доказательство того, что Ватиканъ не есть центръ христіанства; что онъ есть гнѣздо заблужденій и чудовищныхъ ересей. Вы не приняли во вниманіе эти сочиненія, которыя человѣкъ серьезный, какъ вы, конечно долженъ былъ-бы изучить прежде, чѣмъ принять такое или другое рѣшеніе. Ваша брошюра доказываетъ, что въ этихъ сочиненіяхъ вы не нашли достаточно сильныхъ доказательствъ противъ Рима. Моя-ли это вина, или ваша? Таковъ вопросъ, который каждый изъ насъ можетъ предложить себѣ. Итакъ не удивляйтесь, что я прямо обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ, что вы серьезнаго можете противопоставить сочиненіямъ, которыя я написалъ противъ Рима, и въ защиту Церкви православной вообще и Церкви русской въ частности? Вы высказали въ своей брошюрѣ причину, почему вы направились къ Риму. Очень естественно послѣ всего, написаннаго мною по этому предмету, что и я скажу вамъ, почему вы должны были остаться въ Россіи.

Я не имѣю чести знать васъ лично. Если-же я уже былъ занятъ извѣстными вашими положеніями, по поводу которыхъ паписты надѣлали столько шума, и говорилъ о вашей бесѣдѣ у княгини Сайнъ-Виттгенштейнъ, то это только изъ-за вашихъ друзей, которые по большей части суть открытые и фанатическіе враги Россіи и православія. Я рѣшительно не былъ увѣренъ, что эти люди вѣрно передали ваши идеи; теперь-же, когда вы сами издали брошюру съ изложеніемъ этихъ идей, я пользуюсь случаемъ высказать вамъ самимъ то, что думаетъ объ этомъ человѣкъ состарѣвшійся въ изученіи религіозныхъ вопросовъ, и который никогда не могъ ни притворяться въ своихъ мысляхъ, ни скрывать результата своихъ изслѣдованій.

И прежде всего, я съ полною откровенностію скажу вамъ, м. г., что никогда не должно давать оружіе врагамъ своего отечества. Если вамъ не все нравится въ вашемъ отечествѣ, если вы остаетесь въ немъ человѣкомъ непонятымъ, то это очень возможно; если вы

имѣете намѣреніе или желаніе преобразовать то, что вамъ кажется неудовлетворительнымъ, то и это я понимаю; но когда вы, безъ сомнѣнія, въ виду холодности, поразившей васъ, ополчаетесь съ врагами вашего отечества противъ него, чтобы поражать его и Церковь, сдѣлавшую васъ христіаниномъ, то этого я уже не понимаю.

Быть можетъ, вы замѣтите мнѣ, что и я поступилъ подобнымъ же образомъ. Если вы скажете это, то будете вѣрны истины.

Я всегда любилъ самую глубокою и самую искреннею любовью французскую церковь, въ нѣдрахъ которой я рожденъ и исторію которой я написалъ, работая каждый день четырнадцать часовъ, въ теченіи семнадцати лѣтъ. Ту великую церковь, которая до начала настоящаго столѣтія, держала хоругвь православія на Западѣ и которая была отдѣлена отъ Церкви вселенской восточной лишь по вопросамъ, давно рѣшеннымъ вѣрнѣ противозаконнаго вліянія папства,—эту славную церковь я уважаю и почитаю. Теперь-же, когда я ее вижу задавленною подъ туфлею ватиканскаго царя, я встаю противъ тѣхъ, которые покрыли ее папскимъ позоромъ; и если я бичую панизмъ, эту чудовищную ересь, то я бичую его во имя великой галликанской церкви, которую я люблю, которую почитаю и которой удивляюсь.

Если-бы вы сказали о Церкви русской: я люблю ее, какъ мою мать, я защищаю ее противъ тѣхъ, которые хотѣли-бы ее обезславить, я намѣренъ указать только на тѣ недостатки, которые существуютъ въ ней,--тогда я понималъ-бы васъ. Тогда существовала-бы аналогія между вашимъ положеніемъ и моимъ; тогда даже тѣ, которые не раздѣляютъ вашихъ идей, должны были-бы уважать васъ. Но дѣло стоитъ иначе. Вы прибыли за-границу, чтобы найти злыхъ враговъ Россіи и Церкви православной, и вы сказали мнѣ: „я вашъ“.

Вотъ на самомъ дѣлѣ то, что значитъ ваша брошюра подъ заглавіемъ: *русская идея*. Я читалъ эту брошюру съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ. И я надѣюсь опровергнуть ее. Итакъ, я приведу безъ всякой системы нѣсколько выдержекъ, замѣченныхъ

мною при чтеніи лишь по мѣрѣ того, какъ я встрѣчалъ ихъ. Вы сами убѣдитесь въ этомъ.

II.

„Такъ какъ я русскій человѣкъ, то во имя какихъ національныхъ мнѣній я долженъ поступиться своими субъективными идеями? Во имя-ли мнѣній официальной и офиціозной Россіи, *Россіи нынѣшней*, или-же мнѣній, исповѣдуемыхъ многими милліонами нашихъ старовѣровъ, этихъ истинныхъ представителей традиціонной Россіи, *Россіи прошедшаго времени*, для которой наша современная Церковь и наше современное государство есть царство антихриста, или же я долженъ усвоить себѣ мнѣнія нигилистовъ, которые, быть можетъ, представляютъ Россію будущаго“. (стр. 9—10).

„Послѣ продолжительнаго ряда бѣдствій, народъ русскій, оскотинившійся отъ рабства, удаленный отъ міра цивилизованнаго, едва доступный посланникамъ *главы христіанства*, впалъ въ состояніе *грубаго* варварства, усиленнаго національною гордостью, *глупою и невѣжественною*. Когда-же московское благочестіе, забывши истинное христіанство св. Владиміра, пристрастилось къ безразсуднымъ спорамъ объ обрядовыхъ разностяхъ и когда *милліоны людей орубъли* до того, что придавали слишкомъ большое значеніе *типографскимъ ошибкамъ* въ старинныхъ церковныхъ книгахъ: тогда внезапно *изъ этого хаоса варварства и оскуднѣнія* выступаетъ колоссальная и единственная фигура Петра Великаго“. (стр. 15).

„Что другое мы можемъ принести въ Константинополь, какъ не *языческую идею абсолютнаго государства, начало цезаро-папизма*, которыя мы унаслѣдовали отъ грековъ и которыя уже погубили восточную имперію? Не эта Россія, которую мы видимъ теперь, Россія невѣрная своимъ лучшимъ воспоминаніямъ, Россія пораженная *слѣпымъ націонализмомъ и необузданнымъ обскурантизмомъ*,—не эта Россія можетъ нѣкогда возвыситься до втораго Рима и покончить съ роковымъ восточнымъ вопросомъ... Если

Россія будетъ продолжать идти путемъ *репрессивнаго обскурантизма*, на который она вступила, то она будетъ замѣщена на Востокѣ... болгарами“. (стр. 17—18).

„Россія еще свободно можетъ отказаться отъ этой политики эгоизма и національнаго оскорбленія, которая по необходимости удаляетъ насъ отъ нашей исторической мисси“. (стр. 18).

„Человѣчество не имѣетъ другой цѣли бытія, кромѣ реализованія субстанціальной формы своей въ христіанствѣ, во *вселенской Церкви*. Итакъ принадлежность ко вселенской Церкви, развитіе великой христіанской цивилизаціи, участіе во всемъ этомъ по мѣрѣ своихъ силъ и своихъ частныхъ способностей—вотъ единственная и истинная цѣль, единственная и истинная миссія каждаго народа... Съ точки зрѣнія христіанской нельзя оспаривать этой совершенно элементарной истины въ примѣненіи ко всему человѣчеству, которое есть живое тѣло Христа“. (стр. 20—21).

„Народъ русскій есть народъ христіанскій и слѣдовательно, чтобы знать истинную русскую идею, недостаточно спрашивать о томъ, что Россія можетъ сдѣлать сама собою и для себя самой, но надобно спрашивать о томъ, что она *должна сдѣлать* для христіанскаго принципа, признаваемого ею, и для *вселенскаго христіанства*, къ которому она признаетъ себя принадлежащею. Для исполненія своей мисси, она должна по совѣсти и по сердцу вступить въ *общую жизнь міра христіанскаго* и употребить все національныя силы для реализованія, въ согласіи съ остальными народами, того совершеннаго и вселенскаго единства рода человѣческаго, котораго *непоколебимое основаніе намъ дано въ Церкви христіанской*. Но духомъ національнаго эгоизма не такъ легко пожертвовать; онъ нашелъ у насъ возможность укрѣпиться безъ открытаго однако-же отрицанія религіознаго характера, присущаго русской національности. У насъ не только признаютъ, что народъ русскій есть народъ христіанскій, но съ напыщенностію провозглашаютъ, что онъ есть народъ христіанскій по преимуществу, и что церковь есть

истинное основаніе нашей національной жизни; но это провозглашаютъ только для того, чтобы заявить, будто *Церковь существуетъ только у насъ* и будто мы владѣемъ монополіей вѣры и жизни христіанской. Такимъ образомъ *Церковь, которая во истину есть непоколебимая скала единства и вселенской солидарности*, стала для Россіи палладіумомъ узкаго національнаго партикуляризма и даже часто страдательнымъ оружіемъ *политики эгоистической и ненавистной*“.

„*Наша религія, какъ она проявляется въ вѣрѣ народа и въ богослуженіи, совершенно православная. Церковь русская, по скольку она сохраняетъ истину вѣры, непрерывное преемство апостольское и законность таинствъ, участвуетъ въ единствѣ церкви вселенской, основанной Христомъ. Если-же къ несчастію это единство существуетъ у насъ въ состояніи скрытомъ и не достигаетъ живой дѣйствительности, то это потому, что въ цѣпи вѣковъ тѣло нашей церкви прикрѣплено къ нечистому трупу, который душитъ его, разлагаясь*“.

„Оффиціальное устройство, охраняемое нашимъ церковнымъ правительствомъ и нашею богословскою школою, и во что бы-то ни стало удерживающее свой исключительный и партикуляристическій характеръ, по-истинѣ не есть живая часть истинной вселенской Церкви, основанной Христомъ“.

Въ этомъ мѣстѣ, г. Соловьевъ, вы приводите Аксакова въ доказательство вашего мнѣнія. Мы видѣли въ Москвѣ этого превосходнаго православнаго человѣка. Онъ хотѣлъ только одного: реформированія и умственнаго развитія русскаго духовенства; если-бы онъ былъ еще живъ, то очень мало былъ-бы польщенъ, увидѣвши, что вы ссылаетесь на него въ подтвержденіе вашихъ убѣжденій. Тоже надобно сказать и объ ученомъ и скромномъ Погодинѣ, которому я имѣлъ честь быть представленнымъ и который тоже питалъ къ Церкви православной самое искреннее и самое глубокое уваженіе.

Я продолжаю цитаты:

„Церковное устройство, оставленное духомъ истины, не мо-

жетъ признаваться истинною церковію Божіею. Чтобы признать это, *не надобно отрекаться отъ религіи нашихъ отцовъ, не надобно отказываться отъ благочестія народа православнаго, отъ его священныхъ преданій, отъ вѣсѣхъ святыхъ предметовъ, почитаемыхъ имъ.* Напротивъ очевидно, что единственный предметъ, которымъ мы должны пожертвовать для истины—это *ложно-церковное устройство, имѣющее основаніемъ своимъ рабство и матеріальные интересы, а средствомъ—дѣйствіе обмана и жестокости*“.

„Каковы-бы ни были внутреннія качества русскаго народа, онѣ не могутъ проявляться нормальнымъ образомъ, пока его совѣсть и его мысль остаются парализованными *режимомъ жестокости и обскурантизма.* Дѣло идетъ прежде всего о томъ, чтобы дать свободный доступъ чистому воздуху и свѣту, снять искусственныя преграды, удерживающія религіозный духъ нашего народа въ изолированности и въ инертномъ состояніи. Дѣло идетъ о томъ, чтобы открыть ему прямой путь къ *полной и живой истинѣ*“.

„Но истины боятся, *потому что истина католическая, т. е. вселенская.* Во что бы то ни стало хотятъ имѣть религію частную, *въру русскую, церковь императорскую.* Заботятся не о самой Церкви, а заботятся объ ней только какъ объ атрибутѣ, или санкціи исключительнаго націонализма. Но тѣ, которые не хотятъ пожертвовать національнымъ эгоизмомъ въ пользу *вселенской истины,* не могутъ и не должны называться христіанами“.

„У насъ готовятся торжественно праздновать 900-лѣтіе христіанства въ Россіи; но кажется этотъ праздникъ преждевремененъ (стр. 29—31). По мнѣнію нѣкоторыхъ патріотовъ, крещеніе св. Владиміра, столь дѣйствительное для самого князя этого, было для народа его только *воднымъ крещеніемъ и намъ надобно во второй разъ креститься духомъ истины и огнемъ любви.* И во-истину это второе крещеніе безусловно необходимо если не для всей Россіи, то по крайней мѣрѣ для той части нашего общества, которая въ наше время дѣйствуетъ и говоритъ. Чтобы

стать христіанскою, эта часть общества должна отказаться отъ новаго идолопоклонства, менѣе грубаго, но не менѣе абсурднаго и гораздо болѣе гибельнаго, чѣмъ идолопоклонство нашихъ язычествовавшихъ предковъ, которое было отвергнуто св. Владиміромъ. И разумѣю то новое идолопоклонство и то эпидемическое безуміе націонализма, которыя заставляютъ народъ почитать свой собственный образъ, *вмѣсто того, чтобы чтить высочайшее и всемірное Божество*“.

Позвольте мнѣ, г. Соловьевъ, мимоходомъ замѣтить вамъ, что народъ, крещенный вмѣстѣ съ св. Владиміромъ, принялъ христіанское крещеніе, сохраняющее свое дѣйствіе навсегда. А когда вы говорите о немъ такъ, какъ выражаетесь вы, то впадаете въ большую ересь, столько-же съ точки зрѣнія Запада, какъ и Востока.

Продолжаемъ цитаты:

„Это тиранническое обрусеніе (Польши), самымъ тѣснымъ образомъ соединенное еще съ болѣе тиранническимъ уничтоженіемъ греко-уніатской церкви, есть по-истинѣ національный грѣхъ, обременяющій совѣсть Россіи и парализирующій ея моральныя силы“, (стр. 33).

„Начало прошедшаго, или *отечество* осуществляется въ церкви чрезъ *священство*, духовныхъ отцевъ, старцевъ или старѣйшинъ по преимуществу (пресвитеръ значитъ старецъ), представляющихъ на землѣ Небеснаго Отца, ветхаго деньми. И для церкви всеобщей или католической должно существовать всеобщее, или же международное старѣйшинство (священство), *централизованное и объединенное въ лицо общаго отца всѣхъ народовъ, вселенскаго первосвященника*. Въ самомъ дѣлѣ очевидно, что національное священство, какъ таковое, не можетъ представлять отечества всеобщаго, долженствующаго равно обнимать собою все народы. Что-же касается объединенія различнаго національнаго духовенства въ одно вселенское тѣло, *то это можетъ совершиться только посредствомъ международного центра, реальнаго и пребывающаго, обладающаго правомъ и возможностью*

противостоятъ вѣсьмъ партикуляристическимъ стремленіямъ“.

„Реальное единство семейства не можетъ существовать законо и твердо безъ общаго отца или кого-бы то ни было, кто его замѣняетъ. Для составленія изъ индивидуумовъ и народовъ одного семейства, реального братства, отеческое начало религій должно быть реализовано здѣсь на земль въ церковной монархіи, которая дѣйствительно могла-бы соединить вокругъ себя вѣсь народныя и индивидуальныя элементы, и всегда могла-бы служить для нихъ живымъ образцомъ и свободнымъ орудіемъ небеснаго отечества“.

„Вселенская церковь, управляемая посредствомъ священническаго сословія объединеннаго въ верховномъ первосвященникѣ религій и всеобщаго отечества, въ этомъ великомъ и вѣчномъ прошедшемъ человѣческаго рода, не исключаетъ однако-же существующаго различія народовъ и государствъ“ (Стр. 27—28).

„Чтобы достигнуть идеала совершеннаго единства, надобно утвердиться на единствѣ не совершенномъ, но реальномъ. Прежде объединенія въ свободѣ, надобно объединиться въ повиновеніи; чтобы возвыситься до всемірнаго братства, — народы, государства и государи должны прежде всего подчиниться всемірному объединенію, признавши нравственный авторитетъ всеобщаго отца. Забвеніе душевныхъ расположеній, обязательныхъ для народа въ отношеніи къ религіозному прошлому человѣчества, служитъ очень дурнымъ предзнаменованіемъ для его будущаго. Когда сѣютъ нечестіе, то не соберутъ братства“.

„Истинное будущее человѣчества, ради котораго мы должны трудиться,—это есть вселенское братство, вытекающее изъ вселенскаго отечества, при посредствѣ нравственнаго и непрерывнаго социальнаго объединенія. Это будущее, которое для реализованія полнаго идеала, должно согласить интересы жизни современной съ правами прошлаго, — во вѣсь времена было представляемо въ Церкви Божіей посредствомъ истинныхъ пророковъ. Союзъ Божества съ людьми или Вселенская Церковь (въ широкомъ смыслѣ слова), имѣя въ священствѣ основной органъ сво-

его религіознаго единства, а въ свѣтской власти—органъ своей національной множественности во времени,—должны также обнаружить свою абсолютную *цѣлостность*, свое свободное и совершенное единство посредствомъ *органа пророковъ*, добровольно возбуждаемыхъ *Духомъ Божиимъ* для просвѣщенія народовъ и ихъ *государей* въ дѣль уясненія предъ ними *полнаго идеала* *человѣческаго союза*“.

„Такимъ образомъ, три грани соціального бытія находятъ одновременно свое выраженіе въ истинной жизни *вселенской церкви*, руководимой одновременно *слѣдующими* тремя главными дѣятелями: *духовною властію вселенскаго первосвященника* (*непогрѣшимого главы священства*), представляющаго *истинное пребывающее прошедшее* *человѣчества*; *свѣтскою властію національнаго государя* (*законнаго главы государства*), сосредоточивающаго въ себѣ и олицетворяющаго *интересы, права и обязанности* *настоящаго*; наконецъ *свободною дѣятельностію пророка* (*вдохновеннаго главы* *человѣческаго общества въ его цѣлостности*), указывающаго на *реализированіе идеальнаго будущаго* *человѣчества*. Согласіе и гармоническое дѣйствіе этихъ трехъ главныхъ факторовъ составляетъ первое условіе истиннаго прогресса. Верховный первосвященникъ есть представитель истиннаго *вѣчнаго отечества*, а не *ложнаго отечества*, того языческаго Хроноса (Времени), который пожиралъ собственныхъ дѣтей. Это отечество, напротивъ, обрѣтаетъ свою жизнь только въ жизни дѣтей. *Вѣрно сохраняя и утверждая неизмѣнное единство* *преданія*, *вселенскій первосвященникъ* не имѣетъ *надобности* *исключать* ни *законныхъ интересовъ современности*, ни *благородныхъ поисковъ совершеннаго идеала*; для вѣрнаго сохраненія *прошедшаго*, онъ не имѣетъ *надобности стѣснять* *настоящее* и *закрывать* *двери будущему*. Съ своей стороны глава національнаго государства, если только онъ достоинъ своей власти, долженъ *мыслить и дѣйствовать*, какъ *истинный сынъ вселенской церкви* (*представляемой верховнымъ первосвященникомъ*), и тогда онъ будетъ *образцемъ* и *органомъ* *истиннаго Сына* и *вѣчнаго Царя*, *образцемъ* и *орга-*

номъ Того, Кто творилъ волю Отца, а не Свою, и Который искалъ прославленія въ славу Отца. Наконецъ, свободный предначинатель прогрессивнаго социальнаго движенія, пророкъ, если только онъ не измѣняетъ своему великому призванію, если онъ согласуетъ свое индивидуальное вдохновеніе съ вселенскимъ преданіемъ, и свою свободу — истинную свободу чадъ Божіихъ — съ сыновнимъ благочестіемъ въ отношеніи къ священной власти и съ справедливымъ почитаніемъ законныхъ властей и правъ, — становится истиннымъ органомъ Духа Святаго, Который говоритъ чрезъ пророковъ и Который одушевляетъ вселенское тѣло Христа, побуждая его стремиться къ абсолютному совершенству. Чѣмъ полнѣе одновременно проявляется единство этихъ трехъ представителей прошедшаго, настоящаго и будущаго человечества, тѣмъ рѣшительнѣе побѣда вселенской церкви надъ роковымъ закономъ времени и смерти; тѣмъ тѣснѣе связь, соединяющая наше земное существованіе съ вѣчною жизнію божественной Троицы“. (Стр. 39—42).

Я не хочу касаться вашей теоріи божественной Троицы, служащей образцомъ человѣческой троицы, то есть: непогрѣшимаго первосвященника, свѣтскаго государя и пророка. Я не хочу, г. Соловьевъ, допустить въ отношеніи къ вамъ пререваній ни схоластическихъ, ни грамматическихъ.

Я оканчиваю цитаты слѣдующими немногими словами:

„Въ настоящее время Россія есть единственная христіанская страна, гдѣ національное государство безъ всякаго ограниченія сохраняетъ свой исключительный абсолютизмъ, дѣлая изъ церкви національный атрибутъ и страдательное орудіе свѣтскаго правительства, и гдѣ это подавленіе божественной власти не вознаграждается (по скольку это возможно) свободой человѣческаго духа“. (Стр. 44).

„Русская Имперія, изолированная въ своемъ абсолютизмѣ, есть угроза для христіанства, угроза борьбы и безконечныхъ войнъ“. (Стр. 45).

III.

Я цитировалъ васъ продолжительно, г. Соловьевъ, страницу за страницей, безъ всякой системы, заботясь лишь о томъ, чтобы дать вамъ самимъ возможность изложить свои идеи.

Я резюмирую эти идеи слѣдующимъ образомъ:

1) Существуетъ лишь одна вселенская церковь и эта церковь есть та, которая имѣетъ папу непогрѣшимымъ главою;

Священство поглощается папою. Папа одинъ безусловнымъ образомъ царствуетъ въ церкви;

2) Всѣ государи должны подчиняться папѣ и повиноваться его непогрѣшимому авторитету;

3) Въ случаѣ столкновения,—пророки, возбуждаемые Богомъ, подадутъ свои совѣты;

4) Россія и ея Церковь находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи; они преслѣдуютъ греко-уніатовъ, пугундистовъ и раскольниковъ. Они признаютъ лишь право силы и отрицаютъ всякую религіозную свободу.

Думаю, м. г., что вы не можете оспаривать ни одного изъ этихъ положеній; они буквально содержатся на страницахъ, которыя я привелъ. Я могъ-бы указать еще другія страницы, гдѣ положенія эти развиты очень полно.

По моему мнѣнію, національныя церкви должны слиться въ одномъ великомъ цѣломъ, которое вы называете *вселенскою церковію*. Такая всеземская церковь, какую вы представляете себѣ, никогда не существовала; кромѣ того, ваша теорія церковнаго управленія абсолютно противоположна божественному устройству Церкви и учрежденію, данному ей вселенскими соборами. Въ началѣ христіанства различныя церкви группировались вокругъ различныхъ центровъ, бывшихъ свѣтлыми очагами, отъ которыхъ вѣра просіяла на нихъ. Съ теченіемъ времени эти церкви стремились отдѣлиться отъ этихъ центровъ. Вопросъ объ этомъ предложенъ былъ первому вселенскому собору великою апостольскою церковію александрійскою. Соборъ утвердилъ пра-

ва этой славной церкви надъ другими церквами, коихъ она была матерью. Почтенное собраніе основало свое рѣшеніе на обычаѣ и засвидѣтельствовало, что этотъ обычай существовалъ и въ другихъ церквахъ, и въ частности въ римской, которая пользовалась правами митрополіи въ отношеніи къ итальянскимъ церквамъ, получившимъ отъ нея апостольское ученіе. Это рѣшеніе послужило основаніемъ церковнаго устройства. Великіе апостольскіе центры, какъ Антиохія, Римъ, Ефесъ, стали поэтому центральными церквами. Образцомъ для церковнаго устройства приняли организацію государства. А имперія имѣла три столицы: Римъ для Запада, Александрію для Египта, Антиохію для Азіи. За Іерусалимомъ, по причинѣ религіозныхъ воспоминаній, соединяемыхъ съ нимъ, также признана степень столицы. Когда-же Константинополь сталъ второю столицею имперіи, то его епископъ былъ возведенъ вторымъ вселенскимъ соборомъ на вторую степень въ епископатѣ. Мало по-малу другія апостольскія церкви слились съ большими центрами, епископы которыхъ были признаны патріархами. Однакоже нѣкоторыя церкви сохраняли свою автономію; такова была въ частности церковь африканская, группировавшаяся вокругъ епископа карфагенскаго, который, не имѣя титула патріарха, пользовался однако-же всѣми его правами. Кромѣ того, церкви существовавшія въ государствахъ, не принадлежавшихъ къ имперіи, составляли церкви національныя; такимъ образомъ каждое государство имѣло свою церковь; даже церкви, зависѣвшія отъ патріарховъ, пользовались извѣстною автономіею. Такъ церковь галликанская до половины нынѣшняго столѣтія боролась за свои преданія и за свою свободу, когда наконецъ была поработана, по крайней мѣрѣ повидимому.

Таково было устройство, сообщенное вселенской Церкви вселенскими соборами.

Вы, м. г., возстаете противъ этого столь почтеннаго и столь полезнаго устройства, желая слить всѣ церкви въ одномъ центрѣ—въ Римѣ. Вселенскіе соборы стремились къ тому, чтобы все-

ленская Церковь состояла изъ многихъ автономныхъ церквей; вы рѣшаете, что это устройство ошибочно, и что надобно всю Церковь подчинить одному непогрѣшному главѣ. Думаете-ли вы, что вы правы, когда возстаете противъ этого великаго устройства первоначальной Церкви, утвержденнаго семью вселенскими соборами? Одною простымъ взглядомъ на современное состояніе церквей достаточно было-бы для убѣжденія васъ въ томъ, что вы ошибаетесь.

На Востокѣ церкви остались въ своемъ первоначальномъ состояніи и онѣ сохранили православіе. На Западѣ-же римскіе патріархи *per fas et nefas* (всѣми правдами и неправдами) добились подчиненія всѣхъ западныхъ церквей своей противохристіанской власти и эти церкви утратили православіе, однѣ *протестуя* противъ притязаній и заблужденій римскихъ, а другія признавая эти притязанія и заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это сказалъ св. Григорій Великій, называемый на Востокѣ св. Григоріемъ Двоесловнымъ, если Церковь отождествляется въ лицѣ одного епископа, то вмѣстѣ съ нимъ она можетъ и пасть. Именно это и случилось. Римскіе епископы поглотили западную церковь, и эта церковь вмѣстѣ съ ними впала въ множество ересей.

На Востокѣ такъ быть не могло. Всѣ церкви, соединенныя вѣрою подъ епископскимъ наблюденіемъ, находятся въ необходимыхъ сношеніяхъ между собою, совершенно сохраняя свою автономію. Если-бы одна изъ нихъ впала въ какое-нибудь сектантство, то всѣ другія возстали-бы противъ нея. И тогда еретичествующая церковь была-бы осуждена всѣми остальными церквами и превратилась-бы въ сектантское скопище.

Автономія различныхъ церквей есть гарантія въ дѣлѣ сохраненія чистоты православнаго ученія; слѣдовательно, она есть самое прочное основаніе единства въ вѣрѣ. Вотъ почему восточныя церкви сохранили православіе, между тѣмъ, какъ церкви западныя, не смотря на свой видимый центръ единства, впали въ анархію и въ ересь.

Церковь русская, ставши весьма значительною, поставила во главѣ своей патріарха, съ согласія остальныхъ восточныхъ патріарховъ. Позже она замѣнила патріарха правительствующимъ Синодомъ. Со своимъ-ли патріархомъ, или со своимъ правительствующимъ Синодомъ, эта Церковь все-же осталась въ состояніи каноническомъ. Она составляетъ автономную Церковь, находящуюся въ еднениіи съ остальными восточными церквами, патріархальными ли то, или-же синодальными. Такимъ образомъ она находится въ условіяхъ устройства, опредѣленнаго вселенскими соборами.

Вы, г. Соловьевъ, упрекаете ее въ этомъ. Позвольте мнѣ сказать, что вы ошибаетесь и что ваше мнѣніе не можетъ пересилить рѣшенія вселенскихъ соборовъ, на которыя Церковь русская справедливо опирается. Вы полагаете, что, оставаясь національною Церковію, русская Церковь обособляется отъ предполагаемой вами великой вселенской церкви и что она не составляетъ болѣе части тѣла Христова. Развѣ тѣло Христово, представляемое христіанствомъ, имѣетъ одинъ лишь членъ? Развѣ тѣло не состоитъ изъ различныхъ членовъ, имѣющихъ свои особенныя отправления? По ученію православному, эти различныя члены и суть различныя церкви; а эти различныя церкви имѣютъ своимъ центромъ вѣру, которая есть само Слово, Слово, признаваемое и исповѣдуемое всѣми вѣрующими. Вы не желаете сохранять этого удивительнаго понятія о Церкви, и вы предполагаете, что всѣ члены тѣла должны обезразличиться въ предполагаемомъ вами центрѣ. Но не усматриваете ли вы, что этотъ центръ былъ-бы чудовищнымъ? Да, христіанство есть символическое тѣло Христово; вотъ почему необходимо, чтобы всѣ члены его были раздѣльны, чтобы имѣли свое собственное отправление, но подъ управленіемъ *Единой главы: Самого Христа*. Национальныя церкви суть члены тѣла Христова. Что же касается вашей предполагаемой вселенской церкви, въ которой всѣ члены сливаются въ одинъ, то такая церковь никогда не существовала и всегда будетъ чудовищемъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ

лишь ненормальнымъ обстоятельствамъ. Такова ваша *вселенская* церковь, которая вся объединяется въ одной *главѣ*. Этой то главѣ вы дарите непогрѣшимость. Вы слишкомъ щедры.

Непогрѣшимость существуетъ во вселенской Церкви, а не въ этой чудовищной главѣ, которую вы воображаете.

Всѣ члены тѣла Христова т. е. всѣ церкви имѣютъ своихъ представителей въ лицѣ своихъ епископовъ. Эти епископы составляютъ тѣло, котораго всѣ члены *солидарно* обладаютъ епископатомъ, по выраженію св. Кипріяна. А этотъ епископатъ представляетъ апостольское тѣло. На этомъ то апостольскомъ епископатѣ Церковь и основана. Этотъ же епископатъ *надзираетъ* надъ Церковію, возвѣщаетъ объ опасности въ случаѣ посягательства на истинное ученіе. Онъ же на соборѣ подаетъ голосъ за всѣ церкви и такимъ образомъ свидѣтельствуетъ о вѣрѣ *всегда признаваемой и всегда исповѣдуемой*. Этому то епископскому свидѣтельству о вѣрѣ всѣхъ церквей и принадлежитъ непогрѣшимость. Вотъ, г. Соловьевъ, гдѣ пребываетъ непогрѣшимость, которою вы одаряете чудовищную главу;—главу, въ которой вы хотите слить все христіанство. Какимъ же образомъ вы забываете епископатъ въ томъ устройствѣ, которое вы даете вашей вселенской церкви? Развѣ вы не знаете, что епископатъ есть основаніе *божественнаго устройства* Церкви? Въ этомъ пунктѣ ученія существуетъ согласіе между Востокомъ и Западомъ; и если на Западѣ преувеличиваютъ папскія преимущества, то все же не смѣютъ оспаривать епископскій принципъ и довольствуются лишь перетолкованіемъ его въ пользу новой системы. Не поставляя же епископата основаніемъ *божественнаго устройства* церкви, вы становитесь *еретикомъ* какъ для Востока, такъ и для Запада.

Въ томъ устройствѣ, которое вы выдумали, нѣтъ болѣе мѣста ни для національныхъ церквей, ни для епископата. Вы признаете папу вождемъ и непогрѣшимымъ главою всей церкви, съ которою онъ отождествляетъ себя; рядомъ съ нимъ вы ставите государей, представителей государствъ,—государей, которые должны подчиниться папѣ. А между папою и государями вы поста-

вляете *пророковъ*, которые будутъ всѣхъ ихъ просвѣщать и открывать имъ будущее; такимъ образомъ въ отношеніи къ Россіи,—которой вы главнымъ образомъ занимаетесь, русское государство будетъ имѣть своимъ представителемъ царя, который долженъ будетъ униженно цѣловать туфлю папы; а царь и папа должны будутъ подчиняться вашимъ внушеніямъ, такъ какъ вы, конечно, будете пророкомъ. Теорія эта очень проста, только въ своемъ примѣненіи она встрѣтитъ нѣкоторыя затрудненія, о которыхъ нѣтъ надобности распространяться; всякій пойметъ эти затрудненія очень легко.

Не думайте, что я навязываю вамъ теорію, не принадлежащую вамъ. Мнѣ стоитъ только указать на цитаты, которыя я выше привелъ.

Такимъ образомъ очевидно, что вы абсолютно не знаете ни божественнаго учрежденія Церкви, ни устройства, даннаго ей вселенскими соборами. Вы принимаете идею, которую папы и ихъ приверженцы имѣютъ о христіанской Церкви; вы полираете ногами всѣ документы, которые первоначальная Церковь намъ передала; вы кладете самое чудовищное заблужденіе, которое когда-либо было измышлено духомъ ереси, въ основаніе центра единства и истины, и вы приглашаете Россію и ея Церковь слѣдовать за вами по этому прискорбному пути. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что вы приглашаете ее идти за вами во имя свободы и ненависти къ цезаро-папизму. Этого цезаро-папизма, м. г., нѣтъ въ Россіи. Онъ существуетъ именно въ той измышленной вами вселенской церкви, которую вы такъ превозносите, не зная ея. Я знаю ее, — эту церковь — лучше васъ; я былъ ея священникомъ въ теченіи семнадцати лѣтъ, и отъ меня зависѣло стать однимъ изъ ея епископовъ. По-истинѣ скажу вамъ, что если вы хотите найти *цезаро-папизмъ*, которымъ вы такъ справедливо гнушаетесь, то вы именно найдете его въ измышленной вами *вселенской* церкви.

IV.

Вы полагаете, что цезаро-папизмъ существуетъ въ Россіи; но вы не представили на это никакихъ доказательствъ. Русская Церковь не имѣетъ вождемъ своимъ Императора. Вы знаете, что Императоръ Павелъ I одинъ только принялъ титулъ ³вождя Церкви; вы знаете также, что онъ былъ побужденъ къ этому безсознательному самозванству іезуитами, которые завладѣли имъ; вы знаете, что эти іезуиты имѣли цѣлю властвовать надъ Церковію русскою при помощи указа о воображаемомъ господствѣ царя въ Церкви; вы знаете, что, потерпѣвъ неудачу въ своемъ проектѣ, они постарались распространить ту ложь, будто русскій Императоръ есть вождь Церкви своей имперіи. Эта ложь была распространена ихъ эмиссарами, и они такъ хорошо успѣли прокричать о ней, что даже самые свободные мыслители приняли ее. Теперь начинаютъ отказываться отъ нея; люди серьезные отвергаютъ ее, но слабоумные и невѣжды продолжаютъ еще думать, будто она неопровержима.

Русскій Императоръ не есть вождь въ христіанской Церкви своей имперіи; онъ есть лишь почтительный сынъ и покровитель Церкви. Государи всѣхъ христіанскихъ государствъ пользовались и пользуются такими-же правами, какъ и русскій Императоръ въ своемъ государствѣ.

Сами папы, съ цѣлю усилить свое собственное вліяніе въ національныхъ церквахъ, уговаривались съ государями посредствомъ конкордатовъ, для усвоенія этимъ государямъ правъ, на которыя русскій Императоръ никогда не заявлялъ притязанія. Они предоставили этимъ государямъ право избранія епископовъ, и это право въ силу древнихъ конкордатовъ составляетъ даже одно изъ преимуществъ президента французской республики. Въ Россіи епископы избираются Св. Синодомъ, который предлагаетъ Императору нѣсколькихъ кандидатовъ, и онъ между ними избираетъ того, кого предпочтетъ. Можно сказать, что Императоръ русскій въ церковныхъ дѣлахъ усвоитъ себѣ меньше правъ,

чѣмъ папистическіе государи, и даже президентъ республики. Можете-ли вы, м. г., указать хоть на одинъ фактъ, что русскіе Императоры требовали у церковной власти незаконныхъ рѣшеній, и что епископы православной Церкви дѣлали имъ антиканоническія уступки?

Если вы захотите вспомнить исторію древнихъ французскихъ королей и даже болѣе новую исторію Наполеона I, то вы найдете въ ней доказательства, что эти государи имѣли въ церкви своего государства болѣе большую власть, чѣмъ та, которую вы осуждаете въ русскихъ Императорахъ.

Однако-же и папистическіе государи не заявляли притязанія на титулъ вождя церкви; ихъ нельзя обвинять въ *цезаро-папизмъ*. Тѣмъ съ меньшимъ правомъ можно обвинять въ этомъ русскихъ Императоровъ.

Но если вы хотите найти эту чудовищную теорію, то ступайте въ Римъ, въ Ватиканъ. Тамъ найдете вы епископа, который усволяетъ себѣ божественную власть надъ всѣмъ міромъ, и надъ государствами, и надъ церквами; который подъ лицемѣрнымъ смиреніемъ своихъ формулъ воображаетъ себя Богомъ на землѣ, преемникомъ Христа, правителемъ всѣхъ церквей; для котораго государи суть только намѣстники въ дѣлахъ свѣтскихъ, а епископы—въ дѣлахъ духовныхъ; который присволяетъ себѣ надъ всѣмъ міромъ божественное господство, предъ коимъ должны преклониться разумъ, смыслъ, наука, гений; который облекъ себя титуломъ *государя-первосвященника*, подобно языческимъ императорамъ древняго Рима; который осуждаетъ всякую свободу, какъ разума, такъ и совѣсти.

Вотъ *цезаро-папизмъ* въ самой своей грубой формѣ, и вы хотите привести Россію къ столь возмутительной нелѣпости, чтобы этимъ избавиться отъ отеческаго покровительства ея царя, столь свободнаго и столь христіанскаго! Который первый среди всѣхъ преклоняетъ свое величественное чело подъ благословеніе епископа! Который подаетъ своему народу примѣръ благоговѣнія къ Церкви!

Вы говорите, что русскій Императоръ принялъ отъ Византіи заблужденіе *цезаро-папизма*. Вы ошибаетесь. Вы найдете въ Византіи, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, императоровъ, домогавшихся очень большого вліянія въ вопросахъ религіозныхъ, но вы не найдете тамъ цезаря-папу. Вы найдете это только въ языческомъ Римѣ и у языческихъ императоровъ, божьихъ нами оказались достойными преемниками.

Вы упрекаете русское духовенство въ его раболѣпствѣ въ отношеніи къ государству, и вы позорите людей, управляющихъ дѣлами и господствующихъ, по вашему мнѣнію, въ Церкви. Я не стану защищать ихъ отъ вашихъ поношеній, которыя не достигаютъ ихъ, но я замѣчу только вамъ, м. г., что нападая на нихъ, вы нападаете на самого Императора, потому что онъ избираетъ ихъ и руководитъ ими. Они первые подданные Государя. Такимъ образомъ въ ихъ лицѣ вы нападаете на Императора. Нѣсколько похвальныхъ словъ, удѣляемыхъ вами Государю, не могутъ изгладить тяжелаго впечатлѣнія, производимаго вашими хуленіями, изъ которыхъ нѣкоторыя такого рода, что цивилизованный человѣкъ не могъ-бы позволить ихъ себѣ. Само собою разумѣется, что великій и могущественный русскій Государь не придаетъ никакого значенія подобнымъ хуленіямъ, откуда-бы они не исходили; но тѣ, которые глубоко уважаютъ и почитаютъ его, оскорблены въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ тѣми несправедливыми выраженіями, которыя могутъ быть внушены лишь постыдными чувствами.

Когда вы говорите, м. г., что духовное правительство въ Россіи хочетъ поработить духовенство, то вы говорите неправду. Если вы хотите найти тиранновъ въ епископатѣ и рабское духовенство, то вы найдете все это на Западѣ.

Вы не говорите также правды и тогда, когда утверждаете, будто церковное правительство отличается духомъ преслѣдованія.

Вы объявляете себя великимъ сторонникомъ религіозной свободы; однако-же она осуждена въ церкви, которую вы выставля-

ете за образецъ для Россіи. Вы хотите свободы для раскольниковъ, для уніатовъ, для штундистовъ, для всѣхъ въ мірѣ, кромѣ Императора, который не долженъ имѣть права охранять добрый порядокъ въ своей странѣ и подавлять замыслы, скрывающіе политическую цѣль подъ религіозною маскою.

Но раскольники, оставшіеся смиренными, не были преслѣдуемы; между ними существуютъ даже такіе, которые составляютъ часть официальной Церкви и которые безъ всякихъ стѣсненій пользуются своими старыми книгами и сохраняютъ свои древніе обычаи. Мирные уніаты тоже никогда не были преслѣдуемы. Кстати объ *уніатахъ*. Почему, говоря о нихъ, вы не упомянули о ихъ происхожденіи? И однако-же вамъ извѣстно, что первоначально они были православными. И хотя они признали папу вождемъ Церкви, но имъ оставили ихъ вѣру, ихъ обряды, ихъ Символъ безъ прибавленія „и Сына“ (*Filioque*), ихъ женатыхъ священниковъ, ихъ православную литургію на славянскомъ языкѣ. И даже при этихъ уступкахъ, польской аристократіи и іезуитамъ удалось навязать имъ папу лишь посредствомъ жесточайшей тираниіи. Интриганы, враги Россіи, пользовались ими для своихъ заговоровъ, и вотъ причина, почему многіе изъ нихъ были преслѣдуемы. Другіе-же изъ нихъ возвратились и продолжаютъ возвращаться къ православію очень свободно. Но вы, м. г., не хотѣли сказать обо всемъ этомъ изъ опасенія повредить своему тезису. Вамъ удобнѣе было прокричать, что свобода подавлена и что правительство отличается духомъ преслѣдованія. Если вы хотите найти правительство, преслѣдующее свободу, то ищите его на Западѣ среди тѣхъ государствъ, которыя слѣдовали внушеніямъ папъ. Во всѣхъ этихъ странахъ вы найдете костры, на которыхъ сжигали всѣхъ, просившихъ немножко свободы; вы найдете землю, обогренную потоками крови, начиная отъ избіенія альбигойцевъ и кончая драгоннадами во время тѣхъ ужасныхъ войнъ, которыя извѣстны подъ именемъ *религіозныхъ* и которыя были возбуждены папами и подчиненными имъ государями. Въ Парижѣ, гдѣ вы находитесь теперь, вы можете найти

исторію Варволомеевской ночи, этого ужаснаго и гнуснаго избіенія, которое папа отпраздновалъ пѣніемъ: „Тебя Бога хвалимъ“ (Te Deum).

И вотъ на Западѣ, переполненномъ жестокостями папъ, ихъ агентами и ихъ инквизиторами, вы шумите по поводу нѣсколькихъ полицейскихъ мѣръ, принятыхъ въ Россіи противъ мятежниковъ! Конечно вы не подумали, м. г., о своемъ поступкѣ!

У.

Я свожу все мною сказанное въ слѣдующимъ краткимъ положеніямъ:

Нѣтъ и никогда не было вселенской церкви въ смыслѣ вами принимаемомъ. Непогрѣшимая и абсолютная папская монархія есть чудовищная ересь, ведущая свое начало лишь со времени Ватиканскаго собора (1860—1870).

Въ этой такъ называемой непогрѣшимой и абсолютной монархіи царствуетъ самый глубокой вѣроучительный безпорядокъ. Не только міряне, но и священники не вѣрятъ болѣе ничему. Заблужденія и нравственныя неурядицы множатся въ этой мнимой монархіи и лишь прикрываются толстою корою лицемѣрія.

Вселенская-же Церковь въ своемъ истинномъ смыслѣ состоитъ изъ всѣхъ національныхъ церквей, оставшихся православными, которыя соединены одною и тою-же вѣрою, всегда исповѣдуемою со временъ апостольскихъ и которыя управляются правилами, утвержденными на вселенскихъ соборахъ.

Внѣ православныхъ церквей существуютъ только секты или папистическія, или протестантскія.

Церкви управляются епископами, законными преемниками апостоловъ, и общество ихъ представляетъ апостольство—основу Церкви. Въ вопросахъ вѣры епископы призываются только *свидѣтельствовать* о вѣрѣ постоянной и неизмѣнной—ввѣренныхъ имъ церквей. Такимъ образомъ ихъ *свидѣтельство* есть свидѣтельство *Церкви*, которая одна непогрѣшима. Въ Церкви существуютъ пророки и учителя, которые могутъ заниматься рели-

гіозными вопросами, но христіанская истина заключается только въ свидѣтельствѣ церкви, даваемомъ *епископато*мъ, который есть *одинъ* и совместно принадлежитъ всѣмъ законнымъ и православленнымъ епископамъ.

Папа есть только патріархъ, который утратилъ свои права, возставши противъ православія и пожелавши навязать всѣмъ церквамъ свой анти-христіанскій цезаро-папизмъ.

Государя безусловно независимы отъ церквей въ своемъ качествѣ государей. Если они христіане и сыны Церкви, то они имѣютъ право покровительствовать своимъ братьямъ по вѣрѣ. Когда-же сектанты, подъ предлогомъ вѣры, вздумаютъ возстать противъ ихъ авторитета, то они имѣютъ право образумить ихъ, какъ и всякихъ другихъ мятежниковъ. Сама-же религія стоитъ превыше этихъ правительственныхъ мѣръ.

Итакъ въ Россіи могли стѣснять раскольниковъ, уніатовъ, штундистовъ и другихъ возмутителей, не посягая этимъ на истинную свободу совѣсти. Можно даже сказать, что ни въ какой другой странѣ свобода совѣсти такъ не распространена, какъ въ Россіи, и что русская Церковь никогда не преслѣдовала этой свободы. Кто хочетъ найти дѣйствительно религіозныя преслѣдованія, тотъ долженъ искать ихъ въ церквахъ папистическихъ; тамъ онъ всегда найдетъ папскую руку, благословляющую и подстрекающую къ самымъ страшнымъ жестокостямъ.

Вотъ, г. В. Соловьевъ, тѣ принципы, которые я противопоставляю вашимъ.

Я ожидалъ отъ васъ бѣльшаго знакомства съ этою папистическою церковію, съ которою вы хотите слить Церковь русскую. Въ поискахъ за религіозною свободою вы направились къ Риму! Увы, развѣ вы не знаете, что тамъ эта свобода ненавистна, поправа и осуждена?

Позвольте мнѣ привести одинъ примѣръ, который дастъ вамъ возможность судить о свободѣ, допускаемой въ церкви папистической; я не стану далеко искать этого примѣра, дѣло касается меня самого.

Будучи еще совершенно молодымъ священникомъ, я вознамѣрился написать *исторію французской церкви*. Когда оконченъ былъ первый томъ, епархіальный епископъ, преосвященный Фабрѣ-де-Эссартъ, пожелалъ видѣть его. Онъ приказалъ разсмотрѣть его самымъ ученымъ богословамъ изъ своей свиты, которые дали о немъ великолѣпный отзывъ. Вопреки моему желанію, епископъ отдалъ мою рукопись въ свою типографію; такимъ-то образомъ, по требованію епископской власти, я сталъ церковнымъ писателемъ; потомъ я обнародовалъ и другіе томы своего сочиненія тоже подъ епископскимъ наблюденіемъ. *Сорокъ два* епископа прислали мнѣ или свои оффиціальныя одобренія, или свои поздравленія.

Но мое сочиненіе не пришло по вкусу ультрамонтанамъ; посредствомъ органа кардинала Гусса они предложили мнѣ превратиться въ безусловнаго ультрамонтана и такимъ образомъ достигнуть епископской степени въ очень короткое время. Я отвѣтилъ, что въ своемъ сочиненіи имѣю одну лишь цѣль—высказать истину. Послѣ этого все для меня сдѣлалось таинственнымъ, и не извѣщая меня, не сдѣлавши мнѣ никакого замѣчанія, Конгрегація Индекса помѣстила мое сочиненіе въ каталогъ книгъ запрещенныхъ, достойныхъ сожженія.

Я спросилъ, за что меня осудили не выслушавши, и я обѣщала исправить то, что показалось предосудительнымъ въ моемъ сочиненіи, если только мнѣ укажутъ страницы, подлежащія исправленію.

Мнѣ отвѣтили, что мнѣ не укажутъ ничего, и что я долженъ подчиниться.

Чему же я долженъ подчиниться, спросилъ я, если я не знаю своихъ прегрѣшеній? Мнѣ отвѣтили, что я долженъ подчиниться авторитету *Св. Конгрегаціи*.

Но, возразилъ я, авторитетъ римской Конгрегаціи не признанъ во Франціи; даже сами іезуитскіе богословы согласны съ этимъ.

На этомъ сношенія мои съ Конгрегаціею остановились, но всё

ультрамонтанскіе журналы возстали противъ меня съ ожесточеніемъ. Я держался смѣло противъ этой бури; я отвѣчалъ всѣмъ. Я могу сказать, что отразилъ удары моихъ противниковъ несомнѣнными доводами богословія, исторіи и каноническаго права.

Въ то же время я продолжалъ писать свое сочиненіе, которое составилось изъ двѣнадцати большихъ томовъ.

Послѣ этого прекратилъ полемику, которая приняла направленіе не въ пользу папизма. Противъ меня составленъ былъ заговоръ молчанія. Въ теченіе этого же времени пользовались всякими благопріятными и неблагопріятными обстоятельствами, чтобы вредить мнѣ и покрыть меня клеветами.

Здѣсь не мѣсто рассказывать объ этомъ во всѣхъ подробностяхъ; исторія обо всемъ этомъ будетъ обнародована мною въ слѣдующемъ году по поводу пятидесятилѣтняго моего юбилея во священствѣ.

Я хотѣлъ только представить вамъ примѣръ того, какою свободою пользуется писатель убѣжденный, признаваемый ученымъ и правомыслящимъ многими людьми,—(и пользуется) въ той папистической церкви, съ которою вы хотите слить Церковь русскую во имя религіозной свободы.

Именно изъ-за свободы я ушелъ изъ Рима и просилъ гостепріимства у достопочтенной и православной Церкви русской.

Возвратитесь же, м. г., къ этой Церкви, недостаточно изученной вами, и оставьте эту пресловутую вселенскую церковь, которая всегда была лишь мнѣомъ и которая превратилась въ римскую секту, лишепную столько же добрыхъ нравовъ, какъ и вѣры.

VI.

Прежде чѣмъ окончить это письмо, я долженъ еще, г. Соловьевъ, выразить предъ вами мое удивленіе по поводу двухъ вашихъ положеній, найденныхъ мною въ вашей брошюрѣ; первое изъ этихъ положеній относится къ расколу, а второе—къ нигилистамъ.

Начнемъ съ послѣдняго положенія.

И такъ, м. г., вы другъ свободы до такой степени, что жела-

ли бы предоставить ее тѣмъ людямъ, цѣль которыхъ состоитъ въ разрушеніи всего, безъ яснаго представленія о томъ, что надобно поставить на мѣсто разрушаемаго ими? Люди этого общества, которые не формулировали еще ни одной идеи, за исключеніемъ идеи разрушенія, пользуются убійствомъ для достиженія своей цѣли. И вотъ на подобное то общество вы смотрите, какъ на *будущность* Россіи! И вотъ для этого то общества вы требуете свободы! Но нигилисты, воспользовавшись свободою, посягнуть на жизнь царя и всей императорской фамиліи; подобной же участи подвергнутся и все тѣ, которые возстанутъ противъ нихъ за это. И когда они покроютъ всю Россію кровью и развалинами, философски спросятъ себя: какъ же намъ теперь организовать новый порядокъ вещей?

Извѣстно, какъ люди эти умѣютъ организовать новые порядки. Мы ихъ видѣли во Франціи во времена коммуны. Я тоже присутствовалъ при этой коммунѣ; и не говорю со словъ другихъ. Если существовало что-либо безчестное, животное и жестокое, такъ это именно коммуна, которой члены непрерывно ссорились между собою; щеголяли въ смѣшной униформѣ; хлопотали только объ организованіи шпіонства противъ честныхъ людей и крали кассы для уплаты своихъ долговъ, какъ это сдѣлалъ мой ближайшій сосѣдь.

Русскіе нигилисты не находили ихъ однако-же достаточно скотами и достаточно жестокими, этихъ нашихъ парижскихъ коммунаровъ. Если таково будущее, о которомъ вы, г. Соловьевъ, мечтаете для Россіи, то я не могу похвалить васъ за это.

Что-же касается раскольниковъ, то вы видите въ нихъ лишь несчастныхъ людей, преданныхъ тому, что вы называете *типографскими ошибками*. Вы достаточно знаете исторію Россіи, чтобы понимать, что эти типографскія ошибки послужили лишь предлогомъ для возстанія противъ церковнаго правительства. Я тоже достаточно знаю эту исторію и думаю, что вы не можете протестовать противъ труда патріарха Никона, предпринятаго имъ для исправленія богослужебныхъ книгъ, литургіи и дру-

гихъ церковныхъ книгъ и для этой цѣли окружившаго себя самими древними рукописями, греческими и славянскими. Признаюсь, я искренно уважаю вѣру тѣхъ, которые не желали-бы допустить самаго легкаго исправленія въ книгахъ, которыя они привыкли уважать и въ которыхъ привыкли видѣть выраженіе древней вѣры. Вотъ доказательство въ пользу православнаго принципа; вѣра должна оставаться тождественною на все время. И если-бы раскольники держались только этого принципа, то всегда можно было-бы найти средство къ соглашенію съ ними; но дѣло приняло иной оборотъ; подъ предлогомъ уваженія къ древнему тексту, многочисленные сектанты не только извратили религіозныя вѣрованія въ безусловно неправославныя, но и въ политическія убѣжденія, которыя не могутъ быть терпимы правительствомъ.

Вотъ, м. г., объясненіе строгихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ не противъ раскола вообще, но противъ бунтовщиковъ, прикрывавшихъ себя титуломъ *старообрядовъ* или раскольниковъ. Вы не сдѣлали этого важнаго различія существующаго между разными раскольническими сектами. Это меня удивляетъ; и еще больше меня удивляетъ то, что вы сводите вопросъ о расколѣ къ нѣсколькимъ *типографскимъ* ошибкамъ. Кромѣ того, вы забываете упомянуть, что расколъ возникъ въ Россіи въ XVI столѣтіи, т. е. въ то время, когда русская Церковь переживала эпоху своего невѣжества. Каждая церковь имѣла подобную эпоху. Какимъ-же образомъ вы можете указывать на это столѣтіе, сравнительно новое, когда невѣжество было почти всеобщее, какъ на прошедшее русской Церкви? Г. Соловьевъ, вы не можете видѣть ни прошедшаго русской Церкви въ расколѣ, ни ея будущаго—въ нигилизмѣ.

Эти два факта имѣютъ большую важность въ вашихъ глазахъ. Но они суть лишь противорѣчащія другъ другу направленія, которыя безсильны предъ монархическимъ смысломъ Россіи и предъ достопочтенною православною Церковію.

Я написалъ вамъ, г. Соловьевъ, скромно и сдержанно. Будьте увѣрены, что я больше предпочелъ-бы хвалить васъ, чѣмъ кри-

тиковать; но я счелъ долгомъ своимъ опровергнуть ваши странныя теоріи, потому что я имѣю честь быть священникомъ русской Церкви и горжусь своею степенью доктора, которая мнѣ дана по иниціативѣ Высокопреосвященнаго Филарета и уважаемыхъ докторовъ: о. Горскаго и о. Терновскаго.

Такимъ образомъ, я полагаю, что обязанъ былъ опровергнуть ваши теоріи. Не считайте однако-же меня своимъ врагомъ. Я желаю только одного—именно того, чтобы вамъ посчастливилось узнать свои ошибки и возвратить достопочтенной русской Церкви то уваженіе, на которое она имѣетъ право.

Честь имѣю оставаться, г. Соловьевъ, вашимъ преданнымъ слугою

Д-ръ Владиміръ Теттэ.

Р. S. Послѣ изданія своей брошюры, г. Соловьевъ сдѣлался редакторомъ „L'Univers'a“. Въ этомъ журналѣ онъ напечаталъ рядъ статей о *св. Владиміръ и христіанскомъ государствѣ*, вознамѣрившись посвятить свои идеи покровительству того князя, который столько сдѣлалъ для обращенія Россіи въ христіанство.

Св. Владиміръ до своего обращенія не хотѣлъ слушать миссіонеровъ римской церкви; обращавшіе его греки предостерегли его отъ римской церкви, которая исказила православное ученіе. Эти факты засвидѣтельствованы лѣтописью Нестора, свидѣтельство котораго г. Соловьевъ, безъ сомнѣнія, не оспариваетъ. Итакъ, съ самаго начала русская Церковь отвергла мнимую вселенскую церковь, слившуюся въ папѣ. И св. Владиміръ никогда не былъ такимъ княземъ, какимъ представляетъ его г. Соловьевъ, т. е. подчиненнымъ авторитету непогрѣшимыхъ папъ. Поэтому я не понимаю, какимъ образомъ г. Соловьевъ хочетъ сдѣлать его покровителемъ своихъ идей.

Въ одной изъ своихъ статей г. Соловьевъ такъ ясно выражается по поводу подчиненія государей папѣ, что мы считаемъ полезнымъ привести буквально это мѣсто.

„Божественная заповѣдь: „воздадите Божіе Богови“, совершенно

обязательна для царя, если только онъ христіанинъ. Онъ также долженъ воздавать Богу то, что принадлежитъ Богу, т. е. *долженъ прежде всего признать Его безусловную и высочайшую власть на землѣ*. Но чтобы хорошо понять эти слова о Кесарѣ, сказанныя Господомъ своимъ врагамъ прежде страданій, надобно дополнить ихъ болѣе торжественными словами, сказанными уже послѣ Его воскресенія. Своимъ ученикамъ, представителямъ Своей Церкви, Онъ сказалъ: „дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли“ (Матѣ. 18, 18). Вотъ точное и рѣшительное заявленіе, которое при искренности не можетъ быть перетолковано въ двухъ смыслахъ. Люди, по-истинѣ вѣрующіе слову Христа, не могутъ признать государство независимымъ отъ царства Божія; не могутъ признать свѣтской власти — *безусловно независимую и верховную. Существуетъ одна только власть на землѣ, и эта власть принадлежитъ не Кесарю, а Иисусу Христу*. Если слова на монетѣ уже отняли у Кесаря божественность, то эти новыя слова отнимаютъ у него и его (свѣтскую) власть. *Желая царствовать на землѣ, онъ не можетъ уже царствовать во имя собственнаго главенства; онъ долженъ сдѣлать себя лишь полномочнымъ Того, Кому дана всякая власть на землѣ. Какимъ-же образомъ онъ можетъ пріобрѣтать это полномочіе?*“

„Проповѣдуя человѣчеству о царствѣ Божіемъ, которое не отъ міра сего, Иисусъ Христосъ приготовилъ всѣ необходимыя средства для реализированія этого царства въ мірѣ. Указавши въ Своей первосвященнической молитвѣ на совершенное единство всѣхъ, какъ на цѣль Своего дѣла, *Господь возжелалъ даровать этому дѣлу реальное и ограниченное основаніе, устроая Свою видимую Церковь и указывая ей, для сохраненія единства, одного вождя въ лицѣ св. Петра*. Если существуетъ въ евангеліи ученіе о свѣтской власти, то оно существуетъ только здѣсь. Никакая свѣтская власть не получила отъ І. Христа освященія или какого-бы то ни было обѣщанія. І. Христосъ основалъ только Церковь и основалъ ее на Петрѣ: „ты еси Петръ, и на семь камнѣ созижду Церковь Мою“.

Итакъ, христіанское государство должно зависть отъ церкви, основанной Христомъ, а сама церковь должна зависть отъ главы, которую Христосъ далъ ей. Въ концѣ концовъ выходитъ, что только чрезъ ап. Петра христіанскій Кесарь можетъ участвовать въ царствіи Христовомъ; онъ не можетъ имѣть никакой власти помимо того, кто получилъ полноту власти (т. е. папы), и не можетъ царствовать помимо того кто получилъ ключи этого царства. Что бы стать христіанскимъ, государство должно быть подчинено Христовой церкви; а чтобы это подчиненіе не было фиктивнымъ, церковь должна быть независимою отъ государства; она должна имѣть центръ единства внѣ государства и превыше его; она должна быть истинно вселенскою церковію.

Итакъ, нѣтъ законнаго свѣтскаго государя, если онъ не получилъ своей царской власти отъ папы и если, пользуясь своею властію, не подчиненъ папѣ.

Г. Соловьевъ обязывается болѣе папистомъ, чѣмъ Бедляринъ и и даже самъ папа.

С—вс.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Самодержавный французскій народъ, и въ особенности парижане, о правѣ и всемогуществѣ которыхъ было такъ много рѣчи во всѣхъ прокламаціяхъ и дипломатическихъ заявленіяхъ, сдѣлали свое дѣло въ достопамятный день 31 марта. Цѣлымъ рядомъ самыхъ шумныхъ манифестацій выразили они свое отвращеніе къ кровавому деспотизму Наполеона и свое страстное желаніе къ утвержденію мирнаго и прочнаго порядка вещей. Народъ не высказалъ, правда, никакихъ опредѣленныхъ симпатій въ пользу той или другой формы правленія, того или другаго претендента, но уже изъ одной этой неопредѣленности можно было вывести смѣло заключеніе, что Парижъ и Франція заинтересованы не въ формѣ и не въ лицѣ, а лишь въ одномъ мирѣ и спокойствіи. Люди, считавшіе себя справедливыми или несправедливо представителями національной воли, вершителями судебъ Франціи, свободно могли взяться за устройство страны и избранія будущаго монарха. Для полнаго успѣха своего предпріятія имъ оставалось лишь заручиться согласіемъ и поддержкою союзныхъ государей. Что-же касается до народа, т. е. до легкомысленной и забитой невзгодами по-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 21.

слѣдняго времени толпы, то они могли быть увѣрены, что она слѣпо и покорно пойдетъ за ними ¹⁾).

Политическихъ партій въ настоящемъ смыслѣ слова не существовало вовсе въ тогдашней Франціи: онѣ были разсѣяны страшными бурями революціи и тяжелымъ гнетомъ наполеоновскаго деспотизма. У побѣжденнаго императора не было другихъ приверженцевъ кромѣ солдатъ; что-же касается до политиковъ, то они давно уже относились къ нему съ ненавистью. Наполеоновская династія не пустила также никакихъ корней во французскомъ обществѣ и ни одинъ изъ ея членовъ, не исключая и малолѣтнаго короля Римскаго, не могъ удержаться на престолѣ безъ поддержки могучаго императора. Республика была для массы лишь однимъ смутнымъ и страшнымъ воспоминаніемъ. О ней мечтали лишь немногіе энтузіасты, ея возврата желали лишь нищіе и оборванные пролетаріи предмѣстій, хорошо помнившіе разгульное, жирное время максимальной таксы и гильотины. Всѣ остальные претенденты, не исключая и самого Бернадотта, были совершенно неизвѣстны и не имѣли сочувствій со стороны большинства французовъ. При такомъ положеніи дѣлъ лишь одни Бурбоны представлялись единственно возможною политическою комбинаціею; тогда какъ все остальное должно было оказаться или рискованною авантюрою, или интригою.

Лишь одинъ человекъ во всей Франціи вѣрно понялъ и оцѣнилъ это положеніе дѣлъ. Человекъ этотъ былъ Талейранъ. Его влекли къ Бурбонамъ не какія бы то ни было симпатіи, онъ задумалъ реставрацію стараго королевскаго дома не подѣ

¹⁾ Даже такіе писатели патріоты, какъ Беранже, принуждены сознаться, что легкомысліе и индифферентизмъ французовъ дошли въ это время до своего апогея. «Замѣчательная вещь», говоритъ Беранже, эта сдача Парижа несколько не измѣнила жизни его обитателей. Въ самый день атаки спектакли были объявлены какъ всегда и если вечеромъ представленія не состоялись, то, я полагаю, единственно потому, что какъ актеры, такъ и зрители хотѣли видѣть и слышать, что происходило за стѣнами. Вступленіе непріятелей явилось также своего рода развлеченіемъ; на него бѣжали глаза многіе, патріотизмъ бонхъ былъ столь-же не сомнѣнъ, какъ и мой собственный. На дѣлаемые имъ упреки, они отвѣчали такъ: «А что мы можемъ сдѣлать? Зачѣмъ императоръ не прибылъ во-время? Зачѣмъ Марія-Луиза и Юсіфъ оставили насъ?» Беранже. *Ma biographie*, стр. 357—358.

вліяніемъ какого либо общественнаго давленія, а потому, что видѣлъ въ этой реставраціи единственно возможный исходъ изъ крайне запутаннаго, почти безвыходнаго положенія дѣлъ. Владычество Наполеона было немислимо для Талейрана уже потому, что противъ него высказались такъ категорически союзные государи и, главнымъ образомъ, императоръ Александръ. Регентство Маріи Луизы и провозглашеніе ея сына, короля Римскаго, означали-бы, по мнѣнію Талейрана, лишь продолженіе наполеоновскаго владычества и были, слѣдовательно, такъ-же невозможны. О республикѣ, по мнѣнію стараго дипломата, не могло быть серьезно и рѣчи; а касательно другихъ претендентахъ, взятыхъ изъ рядовъ французскихъ маршаловъ, можно было утверждать напередъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ замѣнить Наполеона. Такую замѣну можно было найти въ однихъ Бурбонахъ. Забытые народомъ, они имѣли, однако-же, одно огромное преимущество—славное историческое прошлое; если отъ кого либо, то только отъ нихъ можно было ожидать, что имъ удастся стать выше интригъ и партійныхъ страстей и удовлетворить хотя до нѣкоторой степени насущнымъ потребностямъ націи.

Талейранъ, служившій когда-то столь дѣятельно Наполеону, разошелся уже давно съ своимъ повелителемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ властелинъ Франціи превратился во властелина Европы, съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ всякую мѣру и открыто началъ стремиться къ владычеству надъ міромъ, Талейранъ понималъ, что дни гордаго корсиканца сочтены, и что его господство должно рушиться при первыхъ-же рѣшительныхъ военныхъ неудачахъ. Уже съ 1808 года Талейранъ сдѣлался тайнымъ врагомъ Наполеона, а послѣ катастрофы въ Россіи и Германіи, послѣ вступленія союзниковъ во Францію, онъ дѣятельно началъ подкапывать наполеоновское правительство и готовить реставрацію Бурбоновъ. Сначала затѣя Талейрана могла показаться невыполнимою, почти фантастическою, тѣмъ болѣе, что у него вовсе не было ловкихъ помощниковъ и дѣятельныхъ агентовъ. Въ то время, какъ Талейранъ готовилъ почву въ Парижѣ и дѣйствовалъ, по преимуществу, въ салонахъ и въ средѣ такъ называемаго высшаго общества, эмис-

сары, разосланные графомъ Д'Артуа, спилились пробудить роялистскія симпатіи въ провинціяхъ и склонить на сторону Бурбоновъ союзныхъ государей. Вся эта агитація оставалась долгое время безплодною. Въ провинціяхъ, за весьма немногими исключеніями, не обнаруживалось ни малѣйшаго движенія въ пользу Бурбоновъ. Парижскіе роялисты, трепетавшіе передъ императорскою полиціею, рѣшались выразить свое недовольство и свои надежды только шопотомъ. Союзные государя не обнаруживали ни малѣйшей склонности мѣшаться во внутреннія дѣла Франціи, и говорили о Бурбонахъ не иначе какъ съ полнымъ равнодушіемъ. Дѣло реставраціи стояло совершенно безнадежно до тѣхъ поръ, пока неожиданный поворотъ счастья на театрѣ войны и взятіе Парижа союзниками не измѣнили почти внезапно всего положенія дѣлъ. Сановники и столпы наполеоновскаго режима, объятые паническимъ страхомъ, безусловно повиновались безумному распоряженію своего властителя. Они бѣжали изъ города и предоставили Талейрану свободное поле для дѣйствій. Правда, въ распоряженіи князя Беневентскаго было очень мало времени, всего лишь нѣсколько часовъ, но онъ сумѣлъ воспользоваться этимъ временемъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ онъ успѣлъ сдѣлать то, чего не удалось-бы сдѣлать другимъ въ теченіи многихъ дней. Талейранъ успѣлъ организовать небольшую партію роялистовъ, успѣлъ найти агитаторовъ и распредѣлить между ними роли; онъ успѣлъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Нессельроде, заинтересовать императора Александра и привлечь на себя его вниманіе.

Чтобы понять дальнѣйшіе непомовѣрные успѣхи Талейрана, необходимо имѣть въ виду то крайне затруднительное положеніе, въ которомъ находились главы коалиціи, въ особенности-же императоръ Александръ. Какъ ни важно было само по себѣ такое событіе, какъ взятіе Парижа, но вопросъ о томъ, что-же должно слѣдовать дальше, невольно возбуждаетъ самыя серьезныя сомнѣнія и опасенія. Война не была еще окончена, Наполеонъ не былъ окончательно пораженъ: онъ занималъ угрожающее положеніе вблизи Парижа и стоустая молва преувеличивала, по обыкновенію, его силы и прини-

и притомъ завлечь какъ можно скорѣе, не теряя ни минуты времени, тотчасъ-же по окончаніи смотра на Елисейской площади.

Для достиженія этой цѣли Талейранъ пустилъ въ ходъ одну изъ тѣхъ ловкихъ махинацій, въ изобрѣтеніи которыхъ онъ былъ такой великій мастеръ. Всѣ ожидали, что Александръ, слѣдуя надменному примѣру Наполеона, остановится въ Парижѣ, не иначе какъ въ Тюльрийскомъ дворцѣ, но императоръ, слѣдуя своей обычной скромности, изъявилъ желаніе квартировать въ Елисейскомъ дворцѣ. Уже во дворцѣ сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія для приема высокаго гостя, какъ вдругъ государь получилъ во время смотра анонимную записку, въ которой его извѣщали, что подъ Елисейскимъ дворцемъ устроены мины. Государь, не говоря никому ни слова, отправилъ тотчасъ-же къ Нессельроде нарочнаго съ порученіемъ разузнать насколько основателенъ доносъ. Нессельроде показалъ записку Талейрану ¹⁾. Великій мастеръ интриги принялъ важный таинственный видъ; онъ не сказалъ ничего положительнаго о достовѣрности допоса, но онъ замѣтилъ, что, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній и опасеній, будетъ гораздо лучше, если императоръ Всероссійскій соблаговолитъ остановиться въ его отелѣ. Онъ, князь Беневентскій, почтетъ за величайшую милость подобную честь; его отель снабженъ къ тому-же всѣмъ необходимымъ для приема высокаго посѣтителя. Наконецъ, онъ, князь, не приминетъ воспользоваться такимъ случаемъ, дабы представить императору нѣкоторыхъ лицъ, отъ которыхъ онъ можетъ получить самыя достовѣрныя данныя о дѣйствительномъ настроеніи французской націи. Нессельроде успѣшилъ увѣдомить государя о приглашеніи Талейрана, и Александръ, горѣвшій нетерпѣніемъ лично увидѣться съ княземъ Беневентскимъ и посоветоваться съ нимъ, не колеблясь ни минуты, принялъ его.

Какъ только окончился смотръ и войска двинулись къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, императоръ въ сопровожденіи лишь

¹⁾ Неизвѣстно кто прислалъ записку, но принимая во вниманіе какъ искусно воспользовался ею Талейранъ, надо думать, что и это дѣло не шло изъ его рукъ. Левенштернъ, какъ и другіе свидѣтели, считаетъ всю эту исторію дѣломъ случая. *Denkwürdigkeiten eines Lievländers*, Т. II, стр. 263—264.

немногихъ лицъ свиты, отправился пѣшкомъ въ отель Талейрана. Здѣсь все было уже готово къ его приему. Самъ князь встрѣтилъ императора у подъѣзда и почтительно привѣтствовалъ его. Александръ дружески пожалъ руку Талейрану и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ въ салоны. Тутъ толпилось уже нѣсколько десятковъ роялистскихъ кавалеровъ. Тутъ были и ближайшіе помощники Талейрана, его друзья и единомышленники. Изъ нихъ выдавались особенно герцогъ Дальбергъ и епископъ де-Прадтъ, еще недавно ревностные слуги Наполеона, теперь его злѣйшіе враги. Тутъ-же былъ и баронъ Луа, одинъ изъ крупныхъ парижскихъ финансистовъ и представителей высшей буржуазіи. Александръ любезно раскланялся со всѣми этими лицами и прошелъ вслѣдъ за тѣмъ въ кабинетъ въ сопровожденіи князя Беневентскаго ¹⁾.

Прошло около получаса въ интимной бесѣдѣ русскаго императора съ бывшимъ министромъ Наполеона, когда въ отель начали съѣзжаться лица, долженствовавшія принять участіе въ совѣщаніи, предметомъ котораго была участь Франціи. Одинъ изъ первыхъ прибылъ король прусскій. Лишь на минуту заѣхавъ онъ въ отведенный для него отель Виллерау на Бурбонской улицѣ и поспѣшилъ вслѣдъ за тѣмъ на зовъ императора Александра. За нимъ пріѣхали, также по приглашенію русскаго государя, князь Шварценбергъ, князь Лихтенштейнъ и генераль Поццо-ди-Борго. Кромѣ ихъ и самого Талейрана, въ совѣщаніи принимали участіе герцогъ Дальбергъ и Нессельроде.

Императоръ Александръ открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой онъ заявилъ, что союзники преслѣдуютъ лишь одну цѣль: прочный миръ, что, не будучи въ состояніи заключить его въ Шатильонѣ съ уполномоченнымъ Наполеона, они пришли искать его въ Парижѣ. Они готовы, добавилъ госу-

¹⁾ Важнѣйшія подробности о совѣщаніи въ Hotel de Talleyrand, заключаются въ извѣстномъ сочиненіи де-Прадта *Rewelations de l'abbé de Pradt*, одного изъ участниковъ конференціи и притомъ челоѣка, очень близкаго къ Талейрану и посвященнаго во всѣ интриги. См. также Богдановичъ, Т. IV, 510, гдѣ нѣкоторыя черты заимствованы изъ оффиціальнаго русскаго источника. Волабель, *Histoire de deux Restaurations*, Т. I, стр. 282 и слѣд. Люби, *Histoire de la restauration*, Т. I, стр. 168; Тьеръ, *Histoire du consulat et de l'empire*, Т. XVII, стр. 639—648.

дарь, заключить миръ съ тѣми лицами, которыя могутъ считать себя представителями французской націи, которымъ извѣстно дѣйствительное настроеніе умовъ во Франціи. «Ни я, ни мои союзники», — заключилъ свою рѣчь государь, — «не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, давать ей то или другое правительство. Мы готовы признать какое угодно правительство, только-бы оно признано было всѣми французами и дало-бы намъ гарантіи въ прочности мира».

Государь, окончивъ свою рѣчь, предложилъ обсудить прежде всего возможность оставленія Наполеона и заключенія съ нимъ мира. Какъ и слѣдовало ожидать, противъ этой комбинаціи высказались единогласно всѣ присутствующіе. Даже князь Шварценбергъ и Лихтенштейнъ не рѣшились сказать ни единого слова въ пользу зятя своего государя. Затѣмъ поставлено было на очередь провозглашеніе сына Наполеона и регентства Маріи-Луизы. Герцогъ Дальбергъ произнесъ длинную рѣчь въ защиту этой комбинаціи, но Талейранъ, видимо одобряемый всѣми присутствующими, безъ труда опровергъ его доводы. «Если самъ Наполеонъ», — сказалъ онъ, — «невозможенъ, то столь-же невозможны его жена и сынъ. Развѣ можно утверждать, что Наполеонъ не будетъ стоять на Маріею-Луизою и королемъ Римскимъ, что онъ не будетъ управлять ихъ имениемъ? Да это будетъ тотъ-же Наполеонъ со всѣми его неудобствами и немыслимостями. Необходимо, слѣдовательно, отказаться отъ подобной комбинаціи, и если, августѣйшій государь, отдавшій свою дочь за Наполеона, приноситъ для Европы эту тяжелую жертву, то необходимо принять ее, возблагодаривъ императора австрійскаго за такое вѣрное пониманіе положенія дѣлъ». При этихъ словахъ Талейранъ взглянулъ на лица Шварценберга и Лихтенштейна и прочелъ на нихъ лишь полное равнодушіе къ участи Маріи-Луизы и ея сына. Опаснѣйшая комбинація была такимъ образомъ устранена и Талейранъ могъ смѣло поставить на очередь кандидатуру Бурбоновъ. «Разъ», — замѣтилъ онъ, — «мы согласны въ томъ, что республика невозможна для поколѣнія, пережившаго ужасы 1793 года, разъ мы считаемъ монархію единственною возможною формою правленія, то намъ придется согласиться, что бурбонская

фамилія лишь одна способна занять тронъ Франціи, ибо мы не можемъ произвольно и искусственно создать условія, которыя придали-бы такую способность какой-нибудь другой фамиліи. Геній, игра революцій могутъ возвыситься на извѣстный моментъ человѣка, но подобный феноменъ исчезаетъ быстро, какъ видимъ мы этому доказательство, и народы вновь возвращаются къ порядкамъ, освященнымъ вѣками и долгими національными симпатіями. Къ тому-же, я глубоко убѣжденъ, что и въ настоящую минуту громадное большинство французовъ предпочтетъ возстановленіе древней законной династіи «всему остальному».

Это послѣднее замѣчаніе Талейрана вызвало, однако-же, противорѣчіе въ собраніи. Князь Лихтенштейнъ заговорилъ первый. «Я сомнѣваюсь», — сказалъ онъ, — «чтобы Франція желала возвращенія Бурбоновъ. Нигдѣ, на всемъ своемъ пути, ни на одной дорогѣ, ни въ одной деревнѣ, ни въ одномъ городѣ, союзники не могли усмотрѣть и тѣни подобнаго желанія. Наоборотъ, населеніе повсюду держало себя сдержанно и враждебно, а въ арміи всѣ, начиная отъ ветерановъ и оканчивая рекрутами, оказывали слѣпое повиновеніе императору, безусловную преданность его дѣлу».

Императоръ Александръ поспѣшилъ подтвердить замѣчанія Лихтенштейна. Онъ напомнилъ о битвѣ при Ла-феръ-Шампенаузѣ, случившейся лишь нѣсколько дней тому назадъ, гдѣ только-что набранные рекруты, крестьяне, взятые прямо отъ плуга, не принимали упорно предлагаемой имъ пощады и умирали съ крикомъ: «да здравствуетъ императоръ».

Талейранъ стоялъ, однако-же, на своемъ мнѣніи. «Я убѣжденъ, что я не ошибаюсь», — сказалъ онъ, обращаясь къ императору Александру. «Во всякомъ случаѣ, мое заблужденіе раздѣляется тѣми, которые лучше кого либо другого знаютъ Францію и настроеніе общественнаго мнѣнія. Позвольте мнѣ, государь, ввести сюда нѣсколько такихъ лицъ». Съ этими словами Талейранъ отворилъ дверь и ввелъ въ кабинетъ, стоявшихъ уже наготовѣ, своихъ помощниковъ: епископа де-Прадта, барона Лупи и генерала Дессоля ¹⁾.

¹⁾ M. de Talleyrand nous introduisit dans la salle ou se trouvait le conseil on se, frouvarange de maniere a ce que du cote droit le roi de Prusse et le prince

Всѣ приглашенные, какъ одинъ человѣкъ, высказались въ пользу Бурбоновъ. Де-Прадтъ говорилъ съ свойственною ему дерзостью, баронъ Луи съ обычнымъ своимъ апломбомъ дѣловаго человѣка, генераль Дессоль съ тонкою разсудительностью. Но сущность ихъ рѣчей сводилась къ одному и тому-же. Они утверждали, всякій на свой ладъ, что владычество Наполеона немыслимо, что ни одинъ человѣкъ не желаетъ возвращенія этого бѣшеннаго человѣка, готоваго растерзать Францію и Европу, гоняясь за своими кровавыми химерами, что въ его жень и въ его сынѣ, всѣ будутъ усматривать опять-таки его самого, что весь французскій народъ, желая восстановленія монархiи, не имѣетъ иного выбора кромѣ Бурбоновъ. «Правда», — добавляли они, — «Бурбонахъ не думали до сихъ поръ, но лишь потому, что не было для этого времени. Но стоитъ лишь разъ свободно произнести ихъ имя и весь свѣтъ пойметъ, что нѣтъ никого болѣе способнаго занять престолъ Франціи кромѣ этихъ принцевъ. Необходимо только принять законныя гарантіи противъ ихъ предразсудковъ, и тогда возможно будетъ воспользоваться всѣми ихъ преимуществами и избѣжать всѣхъ ихъ неудобствъ». «Мы всѣ роялисты», сказали въ заключеніе де-Прадтъ, — «всѣ французы — роялисты»¹⁾. «Да, повторилъ баронъ Луи, «вся Франція» роялистъ! Она отталкиваетъ отъ себя Бонапарте, она не хочетъ знать его болѣе. Этотъ человѣкъ трунь, хотя отъ него пока еще нѣтъ смраду»²⁾.

Не безъ отвращенія выслушать Александръ это послѣднее циническое замѣчаніе. Еще разъ обратился онъ къ Талейрану

Schwarzenberg se, frouvassent les plus rapproches du meuble d'ornement qui est au milieu de l'appartement; M. le duc Dalberg etait a la droite du prince Schwarzenberg; M. M. de Nesselrode, Pozzo-di-Borgo, le prince de Lichtenstein suivaient; M. de Talleyrand se frouvait à la gauche du roi de Prusse, M. le baron Louis et moi placés aupres de lui L'empereur Alexandre, faisant face à la assemblée, allait et venait. Въ этомъ разсказѣ мы не находимъ, такимъ образомъ, ни слова о присутствіи Дессоля, что противорѣчитъ, однако-же, другимъ свидѣтельствамъ. См. Тьеръ, т. XVII, стр. 645.

1) «Peclatai par la declaration que nous etions tous royalistes et que la France etait comme nous» De-Pradt, стр. 62.

2) «Cet homme n'est plus qu'un cadavre, seulement il ne pue pas encore». Vauvabelle, T. I, стр. 286.

и сказалъ ему въ полголоса: Еще не исчерпаны всѣ возможности. Что скажете вы о Бернадоттѣ? Талейранъ возразилъ съ живостью: «Возможны лишь двѣ комбинаціи: Наполеонъ или Людовикъ XVIII. Возможно-ли предложить кого-нибудь иного на мѣсто императора помимо Людовика? Солдата? Но если-бы мы желали такового, то мы удержали-бы того, кого имѣемъ. Вѣдь это первый солдатъ въ мірѣ. Всякій другой не потянетъ за собою и десяти человѣкъ. Однимъ словомъ,—республика—невозможность, Бернадоттъ,—регентство—интрига, одни только Бурбоны—принципъ».

Никто не противорѣчилъ на этотъ разъ Талейрану. Съ минуты въ кабинетѣ царствовало глубокое молчаніе. Александръ прервалъ его. «Хорошо»,—сказалъ онъ,—«если вы всѣ дѣйствительно такого мнѣнія, то значить рѣшено». При этихъ словахъ Александръ взглянулъ на Фридриха-Вильгельма и Шварценберга; оба они одобрительно кивнули головами. «Мы не будемъ вести переговоровъ съ Наполеономъ»,—продолжалъ государь,—«мы не будемъ противиться и реставраціи Бурбоновъ! Но не намъ, чужеземцамъ, подобаешь провозглашать низложеніе Наполеона, еще менѣе того, можемъ мы призывать Бурбоновъ на престолъ Франціи. Кто-же возьметъ на себя починъ въ этихъ двухъ великихъ актахъ?»

Талейранъ подумалъ съ минуту. «Существующія, законныя учрежденія, государь»,—отвѣчалъ онъ. «Я беру на себя подвинуть къ этому дѣлу сенатъ»¹⁾. Александръ кивнулъ одобрительно головою, но Талейранъ продолжалъ. «Для этого я нуждаюсь, однако-же, въ содѣйствіи вашего величества и вашихъ союзниковъ. Необходимо, чтобы соединенная Европа разъ и навсегда отреклась формально и торжественно отъ всякаго общенія съ Наполеономъ, чтобы союзные монархи объявили всенародно, что они никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не вступятъ въ переговоры съ побѣжденнымъ императоромъ, что они ни за что не признаютъ властелиномъ Франціи ни самого Бонапарте, ни кого либо изъ членовъ его семейства. «Только въ виду подобнаго заявленія»,—за-

1) См. Огкенъ, Geschichte der Revolution, etc. T. II, стр. 800.

ключилъ не безъ прони Талейрантъ», — «члены сената обрѣтутъ въ себѣ смѣлость свободно высказать свое мнѣніе».

Ни императоръ Александръ, ни его союзники не могли возражать противъ предложенія Талейрана, уже потому, что оно соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе ихъ собственнымъ желаніямъ. Для Александра было въ высшей степени важно отдѣлать, какъ можно скорѣе, дѣло Наполеона отъ дѣла Франціи, а король прусскій и князь Шварценбергъ пришли въ послѣднее время также къ убѣжденію въ невозможности какого бы то ни было мирнаго соглашенія съ Наполеономъ. Быть можетъ, князь Шварценбергъ и не сочувствовалъ въ дупиѣ такимъ быстрымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ противъ зятя своего государя, но оставленный въ послѣднее время безъ всякихъ инструкцій, удаленный отъ своего императора и князя Меттерниха, волнуемый опасеніями въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій со стороны Наполеона, онъ не отважился противорѣчить императору Александру и поспѣшилъ отречься отъ Наполеона вмѣстѣ съ другими союзниками. Талейрантъ, пользуясь минутою, тотчасъ-же набросалъ текстъ прокламаціи, обращаемой отъ имени союзныхъ государей къ французскому народу. Александръ, пробѣжавъ бумагу, скрѣпилъ ее своею подписью, и уже на разсвѣтѣ слѣдующаго дня 1-го апрѣля (20-го марта), прокламація была напечатана и распространена по всему Парижу. Она была составлена въ такихъ выраженіяхъ:

«Арміи союзныхъ державъ заняли столицу Франціи. Союзные монархи, исполняя желаніе французской націи, объявляютъ:

«Что мирныя условія, долженствовавшія заключать въ себѣ самыя прочныя ручательства, пока шло дѣло объ ограниченіи властолюбія Бонапарта, могутъ быть болѣе умѣренны, когда Франція подъ мудрымъ правленіемъ явитъ удостовѣренія общаго спокойствія.

«Собразно съ тѣмъ союзные государи объявляютъ:

«Что они не станутъ вести переговоровъ ни съ Наполеономъ Бонапарте, ни съ кѣмъ либо изъ членовъ его фамиліи.

«Что, признавая неприкосновенность древней Франціи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе она имѣла при своихъ законныхъ го-

сударяхъ, они готовы сдѣлать еще болѣе, держась начала, что, для счастья Европы, Франція должна быть велика и могущественна.

«Что они признаютъ и утверждаютъ своимъ ручательствомъ конституцію, которую дастъ себѣ Франція, и потому приглашаютъ сенатъ немедленно назначить временное правительство для завѣдыванія дѣлами управленія и для составленія конституціи, сообразной съ желаніями французскаго народа.

Союзныя державы изъявили согласіе на всѣ выраженные мною мнѣнія.

Александръ¹⁾.

Рѣшительное слово было произнесено. Владычество Наполеона опиралось въ послѣднее время лишь на одномъ страхѣ; этотъ страхъ долженъ былъ исчезнуть съ того момента, когда рушилась военная сила императора и когда побѣдоносная Европа торжественно отреклась отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Народная масса относилась съ холоднымъ равнодушіемъ къ своему недавнему идолу, а имперскіе сановники, министры и сенаторы, поднятые Наполеономъ изъ грязи, осыпанные почестями и богатствами, поспѣшили отречься отъ своего благодѣтеля, какъ только пришли къ убѣжденію, что дѣло его проиграно безповоротно и окончательно. Далеко не всѣ сенаторы удалились изъ Парижа вслѣдъ за императрицею и Іосифомъ Бонапарте; многіе изъ нихъ остались въ городѣ, готовые на всякую подлость и измѣну, только-бы выйти сухими изъ воды и обезпечить свое будущее благосостояніе и политическую карьеру. Іосифъ Бонапарте, уѣзжая изъ Парижа, строго запретилъ сенаторамъ собираться въ какое бы то ни было собраніе, но когда агенты и разсыльные Талейрана отпращивались по квартирамъ сенаторовъ, то все-же имъ удалось пригласить въ засѣданіе 70 человѣкъ, въ томъ числѣ очень многихъ лицъ, извѣстныхъ за рьяныхъ приверженцевъ императора. Правда, далеко не всѣ сенаторы, изъ оставшихся въ Парижѣ, откликнулись на зовъ, многіе изъ нихъ уклонились отъ участія въ незаконномъ засѣданіи, но

¹⁾ Текстъ прокламаціи см. между прочимъ у Тьера, Т. XVII, стр. 647—648.

уклонились единственно изъ трусости. Въ три часа пополудни 1-го апрѣля, Талейранъ, окруженный своими сателлитами, могъ торжественно открыть чрезвычайное засѣданіе сената. Ничто не могло сравниться съ пошлостью этой комедіи. Все дѣло было рѣшено и обусловлено заранѣе; программа дѣйствій и рѣшеній установлена напередъ. Раболѣпные сановники имперіи, презрѣнные трусы и эгоисты, привыкшіе преклоняться передъ волею деспота, слѣпо и покорно слѣдовали теперь указаніямъ Талейрана. До сихъ поръ они декретировали «съ легкимъ сердцемъ» налогъ за налогомъ, конскрипцію за конскрипціею; теперь съ такимъ-же легкимъ сердцемъ они готовы были декретировать все, что имъ ни прикажутъ, не исключая и низложенія самого императора. Среди мертвой тишины Талейранъ прочелъ рѣчь, составленную де-Прадтомъ. Рѣчь написана была второпяхъ, она не отличалась даже столь обычными въ подобныхъ случаяхъ громкими фразами и общими мѣстами. Талейранъ читалъ ее вяло съ своею обычною флегмою. Казалось, что онъ самъ ни мало не интересуется ея содержаніемъ, что онъ относится ко всему этому дѣлу крайне небрежно, какъ къ вопросу, давно уже рѣшенному. Въ рѣчи заявлялось, что сенаторы призваны на помощь къ народу, оставленному своимъ правительствомъ, что они должны удовлетворить первой и существеннѣйшей потребности всякаго общества, что ихъ приглашаютъ избрать временное правительство, которое могло-бы взять въ свои руки брошенные бразды правленія. Когда рѣчь была прочитана, то ни одинъ изъ сенаторовъ не отважился сдѣлать какое либо возраженіе. Порѣшено было единогласно учредить временное правительство и установить въ то же время основныя черты будущаго государственнаго устройства Франціи ¹⁾.

Избраніе членовъ временнаго правительства не представило никакихъ затрудненій. Сенаторамъ не пришлось ломать голову надъ этимъ вопросомъ. И тутъ все рѣшено было заранѣе, помимо ихъ. Списокъ правителей Франціи былъ изготов

---

¹⁾ Подробности объ этомъ засѣданіи сената см. въ цитированныхъ уже выше сочиненіяхъ Волабеля, Люби и Тьера.

ленъ заранѣе Талейраномъ и сенату оставалось лишь утвердить его. Во главѣ списка стоялъ, какъ и слѣдовало ожидать, самъ Талейранъ, за нимъ слѣдовали: герцогъ Дальбергъ, Бернонвиль, Жокуръ и аббатъ Монтескью. Выборъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ удачный. Онъ соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе и обстоятельствамъ времени, и цѣлямъ Талейрана. Герцогъ Дальбергъ, родомъ нѣмецъ, мало извѣстный во Франціи, но пользовавшійся большою репутаціею въ дипломатическихъ кружкахъ, извѣстный лично многимъ государямъ, назначенъ былъ не столько для Франціи, сколько для Европы. Его имя должно было придать большую солидность и авторитетъ временному правительству въ глазахъ союзныхъ монарховъ и ихъ министровъ. Избраніе Бернонвиля должно было привлечь къ временному правительству симпатіи французской арміи. Самъ онъ былъ, правда, человѣкъ ничтожный, легкомысленный, лишенный всякихъ крѣпкихъ убѣжденій. Онъ способенъ былъ оплакивать вмѣстѣ съ Лавалетомъ паденіе великаго Наполеона и ораторствовать черезъ часъ послѣ того въ отелѣ Талейрана противъ деспотизма того-же Наполеона; но онъ служилъ когда-то въ республиканскихъ войскахъ и имѣлъ болшія связи съ лицами недовольными Наполеономъ въ арміи. Совершенно иного рода человѣкъ былъ Жокуръ. Ловкій и свѣтскій человѣкъ, старый членъ учредительнаго собранія, умѣренный либераль, мягкій, сладкорѣчивый вольтеріанецъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя мечтали о сочетаніи Бурбоновъ съ гражданскою свободою и долженъ былъ прійтись, слѣдовательно, по масти къ той довольно многочисленной группѣ наивныхъ людей, которые, не смотря на всѣ тяжелые опыты прошлаго, горѣли нетерпѣніемъ облагодѣтельствовать Францію новою бумажною конституціею. Опять совершенно иного пошиба былъ пятый членъ временнаго правительства, аббатъ де-Монтескью. Онъ игралъ видную роль въ революціонную эпоху, былъ даже одно время предсѣдателемъ учредительнаго собранія, но оставался всегда въ душѣ роялистомъ, состоялъ даже въ постоянной тайной перепискѣ съ Людовикомъ XVIII. Монтескью принадлежалъ къ числу тѣхъ изящныхъ, широкообразованныхъ и свѣтскихъ

французскихъ аббе, конца XVIII вѣка, которые, не смотря на свой духовный санъ, съумѣли завоевать себѣ видное мѣсто и въ политикѣ, и въ салонѣ. Онъ никогда не читалъ мессы и чуждъ былъ, по собственнымъ словамъ, всякихъ религіозныхъ предрасудковъ. Подвижной, образованный, независимый, высокоумный и подчасъ раздражительный, онъ былъ силенъ и необходимъ въ данную минуту уже потому, что не скрывать своихъ роялистскихъ убѣжденій и дѣйствовать смѣло и прямо въ пользу Бурбоновъ ¹⁾.

Составивъ временное правительство, сенатъ, по предложенію того-же Талейрана, постановилъ и тѣ начала, которыя должны были лечь въ основу будущей конституціи Франціи. Начала эти были такого рода, что каждый сенаторъ могъ съ удовольствіемъ подписать подъ ними свое имя. Они гарантировали существенные интересы и настоятельнѣйшія желанія Франціи и, что было еще важнѣе для господъ сенаторовъ, они упрочивали ихъ собственное личное положеніе. Сенатъ постановилъ: во-первыхъ, сенатъ и законодательный корпусъ должны оставаться неизмѣнными государственными учрежденіями Франціи; во-вторыхъ, войска и всѣ отставные сохранять чины, знаки отличія и получаемое ими содержаніе; въ третьихъ, государственный долгъ долженъ быть признанъ будущимъ законнымъ правительствомъ; въ четвертыхъ, проданныя государственныя имущества останутся неотъемлемою собственностью своихъ настоящихъ владѣльцевъ; въ пятыхъ, никто не подвергается преслѣдованію за свои прежнія политическія дѣйствія; въ шестыхъ, будетъ объявлена полная свобода вѣроисповѣданій и свобода печати.

Талейранъ не давалъ себѣ отдыха въ достопамятный день 1-го апрѣля. Закрывъ засѣданіе сената, глава временнаго правительства поспѣшилъ изъ Люксембургскаго дворца въ свой отель и занялся здѣсь вмѣстѣ съ своими товарищами составленіемъ министерства. И при выборѣ министровъ, Талейранъ обнаружилъ столь-же много такта, ловкости, знанія людей и настоящаго положенія Франціи, какъ и при составленіи вре-

---

1) Характеристика членовъ временнаго правительства. См. у Тьера, Т. XVII, стр. 658—659.

меннаго правительства. Лишь въ одномъ случаѣ, онъ дозволилъ себѣ можетъ быть увлечься страстью, и сдѣлать трудно объяснимое назначеніе. Военнымъ министромъ былъ назначенъ генераль Дюпонъ, быть можетъ, самое непопулярное лице въ глазахъ французской арміи. Это былъ тотъ самый Дюпонъ, который подписалъ постыдную Байгенскую капитуляцію и положилъ оружіе передъ испанскими инсургентами съ 20.000 солдатъ. Дюпонъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за свой проступокъ; теперь, по мановенію Талейрана, бывшаго когда-то въ числѣ его судей, онъ былъ поставленъ во главѣ французской арміи. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Бенью, бывший наполеоновскій администраторъ, человѣкъ, привыкшій рабски исполнять волю своего повелителя, но писавшій въ тайнѣ эпиграммы на великаго человѣка. Министерство юстиціи было ввѣрено Анріону-де-Пансе, почтенному и либеральному представителю судебной магистратуры. Морскимъ министромъ назначено было лицо, въ сущности не имѣвшее ничего общаго съ этимъ департаментомъ, но вообще весьма почтенное и честное, нѣкто Малуэ, членъ государственнаго совѣта, находившійся въ немилости у Наполеона. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ Лафоре, опытный дипломатъ, скромный и чуждый партіямъ человѣкъ. Важный департаментъ полиціи предоставленъ былъ одному изъ видныхъ чиновниковъ парижской префектуры, на ловкость и усердіе котораго можно было положиться безусловно; тогда какъ почти попали въ руки бывшаго секретаря Наполеона, а теперь его затаеннаго врага, Бурьеня.

Если во всѣхъ этихъ назначеніяхъ Талейранъ принималъ во вниманіе не столько политическія убѣжденія, сколько таланты и знаніе дѣла, то при замѣщеніи двухъ, едва-ли не важнѣйшихъ постовъ, министра финансовъ и начальника національной гвардіи, князь Беневентскій руководился исключительно государственными соображеніями. На первый постъ призванъ былъ по всѣмъ правиламъ опытнѣйшій финансистъ Франціп, человѣкъ энергическій, разумный и осторожный, способный болѣе кого либо другого возстановить потрясенный кредитъ Франціи и наполнить казну, опустошенную послѣд-

ними неудачными войнами Наполеона, человекъ къ тому-же ненавидѣвшій Наполеона, какъ своего личнаго врага, баронъ Луд. Щекотливая и опасная должность начальника національной гвардіи была предоставлена генералу Дессолу, бывшему начальнику штаба генерала Моро. Человекъ серьезный, умный, когда-то республиканецъ, а теперь сторонникъ конституціонной монархіи, Дессоль былъ столько-же военный, сколько и гражданинъ и пользовался большою популярностью въ средѣ парижскаго населенія ¹⁾.

Какъ ни энергически, какъ ни торопливо работали Талейранъ, но все же пламенные роялисты, тайные агенты графа д'Артуа и изящные кавалеры Сень-Жерменскаго предмѣстія съ Монморенси во главѣ, не могли удовлетворить его результатами своей дѣятельности. По ихъ мнѣнію, дѣла шли все-таки слишкомъ медленно и вяло. Они не довольствовались провозглашеніемъ временнаго правительства, они требовали немедленнаго низложенія Наполеона и провозглашенія Бурбоновъ. Господа эти досаждали своими просьбами въ теченіи всего 1-го апрѣля и князю Беневентскому и министру внутреннихъ дѣлъ, но они встрѣтили и тутъ и тамъ неожиданный отпоръ. Идти такъ быстро и очертя голову, какъ желалось это горячимъ роялистамъ, вовсе не входило въ расчеты Талейрана, да и не соотвѣтствовало его характеру и привычкамъ. Старый дипломатъ, пережившій всѣ бури революціи и тяжелыя испытанія имперіи, былъ твердо намѣренъ не призывать Бурбоновъ на престолъ Франціи иначе, какъ подъ извѣстными гарантіями. Къ тому-же Талейранъ не любилъ дѣлать ничего зря, а имѣлъ обыкновеніе тщательно обдумывать и готовить каждый свой шагъ.

Потерпѣвъ неудачу у Талейрана, пламенные роялисты избрали изъ среды своей депутацію и отправили ее къ императору Александру. Депутація должна была умолять Россійскаго монарха возвратить Франціи столь пламенно любимыхъ и желаемыхъ ею Бурбоновъ. Государь, желавшій из-

¹⁾ Подробную характеристику министровъ временнаго правительства мы находимъ какъ у Тьера, такъ и у другихъ авторовъ, трактующихъ объ этой эпохѣ. Много указаній находится также въ современныхъ запискахъ и мемуарахъ.

бѣгать всякаго личнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, не принявъ, однако, депутатовъ. Роялисты должны были ограничиться аудіенціею у графа Нессельроде. Слова, сказанныя имъ при этомъ случаѣ русскимъ министромъ, должны были, впрочемъ, поднять ихъ надежды. «Я только что отъ императора», сказалъ имъ Нессельроде, «и могу поручиться вамъ за его намѣренія. Возвратитесь къ вашимъ друзьямъ и объявите всѣмъ французамъ, что его императорское величество глубоко тронуть восклицаніями, услышанными имъ сегодня, а равно желаніями возвратить корону Франціи тому, кому подобааетъ она. Людовикъ XVIII будетъ возвращенъ на престолъ Франціи»¹⁾.

Слова русскаго канцлера привели въ восторгъ роялистовъ, но они не думали довольствоваться однѣми обѣщаніями. Они отлично понимали, что въ дѣлѣ затѣянномъ ими, необходимо пускать постоянно въ ходъ призракъ общественнаго мнѣнія и вліять посредствомъ его на рѣшенія союзныхъ государей. А между тѣмъ масса народа оставалась крайне вяла и индифферентна и за немногими исключеніями требовала лишь спокойствія и мира, относясь съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ реставраціи Бурбоновъ. Необходимо было для успѣха роялистской ажитаціи вызвать цѣлый рядъ шумныхъ манифестацій, необходимо было прежде всего захватить въ свои руки прессу и создать при ея содѣйствіи новое общественное мнѣніе. И вотъ, роялисты энергически берутся за дѣло, не обращая при этомъ вниманія на Галейрана, и дѣйствуя помимо созданнаго имъ временнаго правительства.

Согласно заранѣе заключенному условію, военнымъ губернаторомъ города Парижа былъ назначенъ генераль Сакенъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ вождей въ только что закончившейся славной кампаніи. Едва только Сакенъ вступилъ въ исполненіе своей обязанности, какъ къ нему явился нѣкто маркизь де-Лагранжъ съ громадною бѣлою кокардою на шляпѣ. Онъ объяснилъ Сакену всю важность и все громадное вліяніе парижской прессы, указавъ на то обстоятельство,

¹⁾ Люби, Т. I, стр. 469.

что вся парижская періодическая печать находится и по сію пору подъ строгимъ режимомъ императорскихъ цензоровъ и настойчиво совѣтовалъ губернатору принять немедленно самыя энергическія мѣры для приведенія парижской прессы въ такое направленіе, которое соотвѣтствовало-бы видамъ и намѣреніямъ союзныхъ государей. Вмѣстѣ съ тѣмъ маркизь де-Лагранжъ представилъ Сакену нѣкоего г-на де-Морена, чловѣка опытнаго, по его словамъ, въ дѣлахъ такого рода и способнаго какъ нельзя лучше руководить парижскою журналистикою. Сакенъ, хорошо знакомый съ настроеніемъ и желаніемъ императора Александра, немедленно издалъ приказъ, въ силу котораго вся парижская періодическая печать подчинялась цензурѣ г-на Морена и тѣхъ лицъ, которыя будутъ назначены имъ въ качествѣ цензоровъ¹⁾.

Приказъ этотъ имѣлъ чудодѣйственныя послѣдствія. Смысль его, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ этой эпохи²⁾, былъ таковъ: «императорская пресса скончалась! Да здравствуетъ королевская пресса!» Моренъ тотчасъ-же смѣнилъ старыхъ цензоровъ и назначилъ новыхъ. Газетамъ велѣно было напечатать, что союзники были встрѣчены въ Парижѣ тысячекратными возгласами: Да здравствуетъ король! да здравствуютъ Бурбоны! Повелѣніе было исполнено въ точности. Этого мало. Весь тонъ столичной прессы измѣнился какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. Еще 30-го марта столичные журналы и газеты дышали безграничною преданностью къ императору и его династіи; 31-го числа они хранили глубокое молчаніе, ограничиваясь лишь сообщеніемъ однихъ фактическихъ свѣдѣній, а 1-го апрѣля они вдругъ разразились громомъ и молніею на узурпатора и тирана. Было что-то странное, почти комическое въ этомъ дѣланномъ негодованіи, въ этихъ нападкахъ на бывшего полубога, въ этихъ напыщенныхъ похвалахъ новымъ, чаемымъ властителямъ. Люди, не знавшіе до того дня иной славы и счастья для Франціи, какъ только подъ скипетромъ великаго, единственнаго Наполеона, вдругъ на-

1) Люби, Т. I, стр. 469—470.

2) Овкенъ, Т. II, стр. 802.

чали призывать проклятія Франціи, Европы, человѣчества на голову того-же Наполеона, печатать длинные списки его преступлений и злодѣяній, клеймить его именами деспота, тирана, похитителя законной власти. Бурбоны, совершенно неизвѣстные этимъ невѣжественнымъ писакамъ, давнымъ давно забытые націею, поставлены были вдругъ на пьедесталь, объявлены кумирами народа, единственными представителями свободы, мира и всяческихъ благъ. Наглость этихъ газетчиковъ, ихъ пошлая продажность равнялась ихъ невѣжеству и ихъ слабой изобрѣтательности. Они не въ состояніи были сфабриковать собственными силами сколько нибудь сносную сатиру или порядочный панегирикъ и принуждены были искать помощи у человѣка, говорившаго дѣйствительно искренно и отъ глубины сердца, хотя и облакавшего свои мысли въ напыщенные риторическія фразы. Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ геніальный и экзальтированный романтикъ Виконтъ-де-Шатобріанъ.

Уже 1-го апрѣля во всѣхъ парижскихъ журналахъ, безъ изыятія, появились длинные выдержки изъ знаменитой брошюры Шатобріана «О Бонапарте и Бурбонахъ». «Нѣтъ», восклицала въ введеніи къ этой брошюрѣ поэтъ-риторъ, «никогда я не повѣрю, что я пишу на могилѣ Франціи. Я не могу разубѣдить себя, чтобы за днемъ суда не послѣдовалъ день милосердія. Старое наслѣдіе христіаннѣйшихъ королей не можетъ быть подвергнуто раздѣлу; не можетъ погибнуть королевство, рожденное умирающимъ Римомъ, это послѣднее созданіе его величія. Не одна только рука человѣческая руководила событіями, свидѣтелями которыхъ были мы; во всѣхъ ихъ видна десница Провидѣнія. Самъ Богъ шествуетъ во главѣ армій и возсѣдаетъ въ совѣтѣ царей. Какимъ способомъ безъ вмѣшательства силы Божественной можемъ мы объяснить чудесное паденіе человѣка, только что поправшаго міръ своими ногами? Пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ онъ былъ въ Москвѣ, а теперь русскіе стоятъ подъ Парижемъ. Еще такъ недавно вся земля отъ столповъ Геркулеса до Кавказа дрожала передъ его державною волею, а нынѣ онъ бѣглець, безъ родины, безъ пристанища. Подобно морскому при-

ливу нахлынуло и затопило всѣ плотины его могущества. и подобно отливу отступило оно назадъ¹⁾.

Не слѣдуетъ думать, чтобы вся брошюра Шатобриана выдержана была въ этомъ высокомъ, благородномъ тонѣ. Нѣтъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи поэтъ-риторъ даетъ полную волю своей страсти, своей ненависти. Онъ изображаетъ Наполеона чудовищемъ зараженнымъ всевозможными пороками, совершившимъ самыя вопіющія злодѣянія, чуждымъ всякихъ добродѣтелей, всякихъ человѣческихъ достоинствъ. Но какъ ни ужасенъ, какъ ни отвратителенъ былъ образъ Наполеона, начертанный гениальнымъ поэтомъ, все-же онъ не былъ еще достаточно грязенъ для писакъ второго и третьяго разряда, смѣло взявшихъ теперь на себя роль руководителей общественнаго мнѣнія. Они поспѣшили дополнить характеристику Наполеона своими собственными добавленіями и изобрѣтеніями. Если Шатобрианъ рисовалъ въ Наполеонѣ демона зла и разрушенія, то журналисты, курившіе еще два дня тому назадъ оніміамъ великому императору, начали отнимать у сокрушеннаго гиганта то, что принадлежало ему по неотъемлемому праву, его несравненный военный геній, его высокій администраторскій талантъ. Изъ великаго полководца, затмившаго своими подвигами дѣянія баснословныхъ героевъ древности, Наполеонъ превратился подъ перомъ этихъ продажныхъ писакъ въ презрѣннаго труса, посредственнаго генерала и безжалостнаго мясника. Единственно подъ вліяніемъ страха, по ихъ словамъ изъ одной подлой трусости, бросалъ онъ два раза свои геройскія войска на произволь судьбы въ началѣ и въ концѣ своей военной карьеры, въ Египтѣ въ 1799 и въ Россіи въ 1812 г. Ни одна изъ кампаній Наполеона не носитъ на себѣ отпечатка дѣйствительнаго генія. Своими успѣхами онъ былъ обязанъ единственно счастливымъ случаямъ. Военное искусство въ его рукахъ превратилось въ чистую бойню. Его администрація была не что иное какъ изысканный фискализмъ, придуманный для того, чтобы выжать изъ страны послѣдній эку и послѣдняго рекрута. А эта послѣд-

1) Chateaubriand, Mélanges politiques et littéraires. T. I. стр. 225—226.

няя кампанія, этотъ рядъ безумствъ, внушенныхъ отчаяніемъ? А этотъ адскій приказъ поднять на воздухъ всю столицу! Это чудовище хотѣло разрушить Парижъ, подобно тому, какъ корсаръ разрушаетъ свой корабль, съ той только разницею, что самъ онъ не находился на этомъ кораблѣ! Да развѣ Наполеонъ могъ любить и жалѣть Францію. Вѣдь онъ самъ былъ чуждъ ей, будучи иноземцемъ, итальянцемъ ¹⁾. Тщетно старался онъ скрыть этотъ фактъ, тщетно передѣлывалъ онъ свою фамилію изъ Буонапарте въ Бонапарте; его дѣла изобличали на каждомъ шагу его настоящее происхожденіе. Безчеловѣчный этотъ извергъ былъ къ тому-же чудовищемъ разврата и невѣрія. Въ одинъ и тотъ-же день онъ слушалъ мессу въ своей часовнѣ или Нотрѣ-дамѣ, а вслѣдъ затѣмъ проповѣдывалъ атеизмъ въ своемъ интимномъ кружкѣ въ сообществѣ Моржа, Вольнея и другихъ безбожниковъ. Не было ни одного человѣческаго достоинства, не одного свѣтлаго качества въ этомъ человѣкѣ. Грубый, жестокій, онъ колотилъ своихъ генераловъ, оскорблялъ и насилывалъ женщинъ, а на полѣ битвы держалъ себя какъ подлый трусъ. И Франція могла повиноваться подобному человѣку? Чѣмъ можно объяснить подобное явленіе, какъ не страшнымъ, поголовнымъ ослѣпленіемъ, этимъ обычнымъ послѣдствіемъ революцій?

Декламациі газетъ не оставались безъ вліянія на настроеніе парижской черни высшаго и низшаго разбора, этой толпы, привыкшей слѣпо слѣдовать вѣяніямъ минуты. Если уже въ первый вечеръ послѣ вступленія союзниковъ буйная толпа пыталась сбросить статую Наполеона съ Вандомской колонны, то на слѣдующіе дни аптинаполеоновскія демонстраціи приняли еще большіе размѣры. Орлы и другія эмблемы императорскаго режима, красовавшіеся на различныхъ общественныхъ зданіяхъ, подвергались повсемѣстно поруганію и истребленію. Въ театрахъ происходили самыя шумныя и скандальныя сцены. Всякій разъ зачинщиками являлись роялист-

¹⁾ Настоящее имя Бонапарте было вовсе не Наполеонъ, утверждали, между прочимъ, газетчики, а Николай. Чернь на югѣ Франціи не замедлила подхватить это новое имя «тиранна», и въ ея устахъ оно не замедлило превратиться въ бравадную кличку.

скіе кавалеры и всякій разъ имъ удавалось увлечь за собою массу публики. Агитаторы умѣли при этомъ прятаться за спину союзныхъ офицеровъ. Какъ устраивались подобныя демонстраціи видно изъ слѣдующаго разсказа русскаго очевидца ¹⁾.

«Вечеръ мы провели въ Theatre Française, гдѣ намъ удалось захватить ложу третьяго яруса. Играли Тальма и Дюпенуа. Въ началѣ представленія нѣсколько молодыхъ французовъ, хорошо намъ извѣстныхъ, въ томъ числѣ: Модень, Монморъ и Рошфюко вошли къ намъ въ ложу и убѣдительно просили насъ дозволить имъ устроить маленькую засаду за нашими мѣстами и выбросить оттуда на сцену бумагу при поднятіи занавѣса второго акта. Мы пытались возражать, но молодые люди указали намъ на нѣсколько прекрасныхъ глазъ, обращавшихся къ намъ съ тою-же просьбою. И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли какъ изъ нѣсколькихъ ложъ устремлялись на насъ просящіе взоры прелестныхъ женщинъ; изъ выраженія ихъ глазъ, изъ наклоненія головокъ мы могли усмотрѣть, какъ сильно заинтересованы онѣ были въ просьбѣ кавалеровъ. Возможно ли было противостать этому? Мы маскировали бурбонское метательное орудіе и допустили совершиться тому, что не противорѣчило, впрочемъ, перемирію».

«Едва только взвился занавѣсъ, какъ бумага, брошенная ловкою рукою, полетѣла на сцену и упала какъ разъ по срединѣ ея. Въ то же время съ нѣсколькихъ сторонъ раздался крикъ: читать! читать! Какой то актеръ хотѣлъ поднять бумагу, но былъ остановленъ громкими криками: «Тальма! Тальма!» Знаменитый бонапартовскій артистъ заставилъ, однако же, ждать себя. Какой-то другой актеръ протянулъ было руку къ бумагѣ. «Нѣтъ! нѣтъ! кричали сотни голосовъ, Тальма! Тальма!» Крикуны горячились все болѣе и болѣе, ихъ бѣшенство возрасло, когда раздались противоположные голоса: крики слились въ какой-то дикій ревъ. Наконецъ явился Тальма, встрѣченный бурей рукоплесканій. Читать! читать! кричали ему со всѣхъ сторонъ. Онъ развернулъ бумагу, взглянулъ

¹⁾ Барона Ф. Левенштерна. См. Denkwürdigkeiten eines Lievländers. Т. II, стр. 269—272.

на нее, но какъ будто не рѣшался читать. Читать! читать! ре-вѣли ему съ удвоенною силою. Наконецъ, онъ началъ читать и прочелъ съ выраженіемъ. То были стихи въ честь Людо-вика XVIII и Бурбоновъ. Впервые, послѣ цѣлой четверти вѣ-ка, произнесены были и произнесены съ похвалою эти имена и на этомъ мѣстѣ. Раздались громкія рукоплесканія, но на ряду съ ними слышались крики неодобренія и свистки. То бы-ло масло, подливаемое въ огонь. Съ неистовымъ ревомъ тре-бовала толпа повторенія чтенія. Тальма, въ эту минуту только великій актеръ, вошелъ, наконецъ въ свою роль. Онъ про-челъ стихи во второй разъ, и на этотъ разъ съ пламеннымъ одушевленіемъ. Громкія, повторенныя рукоплесканія были ему наградою. Въ числѣ рукоплещущихъ были на этотъ разъ и напо-леонисты. Они вѣроятно оправдывали себя тѣмъ, что ихъ одобре-ніе относилось къ декламациа, а не къ содержанію стихотворенія.

«Едва только этотъ случай доказалъ численный перевѣсъ бурбонистовъ въ театрѣ, какъ было приступлено къ испол-ненію второго замысла. Надъ просценіумомъ красовался боль-шой позолоченный орелъ. Вдругъ раздался крикъ: Долой орла! Прочь птицу! И вслѣдъ за тѣмъ другой крикъ: Лили! Лили на его мѣсто! Лили навсегда! Крикъ возрасталъ съ каждою минутою и перешелъ, наконецъ, въ такой адскій ревъ и шумъ, что невозможно было и думать о продолженіи представленія. Наконецъ, явился на сцену актеръ. Униженно кланяясь, заявилъ онъ публикѣ, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности снять птицу, такъ какъ не имѣется для этого никакого приспособленія, но что на завтрашній день орелъ будетъ удаленъ непременно. Смиранный тонъ и покло-ны актера успокоили крикуновъ и представленіе могло быть возобновлено. Въ слѣдующемъ за тѣмъ антрактѣ бурбонскіе агитаторы—Монморъ и Модень появились вновь въ нашей ложѣ и просили насъ зайти по окончаніи театра въ *café de Foі* и попробовать тамъ съ ними мороженаго. «Тамъ будетъ и нѣсколько дамъ», добавили они, «онѣ считаютъ себя обяза-ными вамъ и очень желали-бы познакомиться съ вами». Я по-спѣшилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ; въ *café* я познакомился съ графинею де-Монморъ и тремя другими лю-

безными дамами. Онѣ много разспрашивали меня объ императорѣ Александрѣ, въ особенноти-же, о его взглядахъ на Бурбоновъ. Ихъ образъ мыслей былъ роялистскій, враждебный Наполеону. Одна изъ дамъ, замѣтивъ на эфесѣ моей сабли наполеонскій шифръ, съ ужасомъ всплеснула руками. «Ахъ Боже мой!» воскликнула она, «какъ можете носить вы эту адскую букву». «Это случай», возразилъ я, «военная добыча; мой эфесъ затерялся и я замѣнилъ его другимъ. Къ тому-же у меня не было еще и времени привести въ порядокъ всѣ эти мелочи» ¹⁾.

Далеко впрочемъ не всѣ парижскія дамы заражены были такимъ партійнымъ духомъ и такою ненавистью къ Наполеону. Даже въ высшихъ крутахъ общества было еще не мало поклонницъ «императора», но увлекаемыя господствующимъ теченіемъ, онѣ принуждены были скрывать свои настоящія симпатіи. Женщины болѣе низшаго круга, даже изъ среды зажиточной буржуазіи, чужды были всякихъ политическихъ мнѣній, относились съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ Наполеону, Бурбонамъ, самимъ союзникамъ и ихъ государямъ, хотя готовы были кричать при каждомъ удобномъ случаѣ: да здравствуютъ Бурбоны! да здравствуютъ союзники! и восхищаться изящною фигурою и любезнымъ обращеніемъ императора Александра. Невѣжество этихъ, иногда прелестныхъ эlegantныхъ по своей внѣшности дамъ, было по-истинѣ изумительно. Одна изъ нихъ, слушая въ театрѣ, постоянно повторяемый въ то время бурбонскій маршъ, Henri-Quatre, обратилась къ сидѣвшему подлѣ нея русскому полковнику Левенштерну съ вопросомъ: «скажите пожалуйста, кто такой этотъ король Henri?» Еще не успѣлъ полковникъ дать отвѣтъ, какъ одна изъ подругъ прелестной дамы воскликнула: «Ахъ Боже мой! Какъ можно предлагать подобныя вопросы. Да вѣдь это король прусскій! Смотрите, вонъ онъ сидитъ въ своей ложѣ и слушаетъ съ такимъ удовольствіемъ».

---

¹⁾ Левенштернъ добавляетъ: «Она, казалось, успокоилась, но взяла съ меня обѣщаніе уничтожить при первомъ-же случаѣ ненавистную букву и достать другой эфесъ. Такъ страшно исключителенъ духъ партіи. Невиннѣйшая мелочь, приведенная въ связь съ нѣмъ, превращается въ преступленіе, которому нѣтъ прощенія». Т. II, стр. 272.

Мужская половина парижскаго общества если и не могла сравниться съ дамами въ политическомъ невѣжествѣ ¹⁾, то зато смѣло могла соперничать съ ними въ политическомъ индифферентизмѣ. Даже люди, проникнутые, повидимому, наполеоновскими симпатіями, готовы были аплодировать при случаѣ и Бурбонамъ. Очень многіе, относясь съ равнодушіемъ къ императору, не скрывали въ тоже время своего презрѣнія къ старой династіи. Какой-то французъ, судя по внѣшности еще недавно военный, замѣтивъ, что орель въ театрѣ былъ снятъ, обратился къ сидѣвшему около него русскому офицеру съ такими словами: «Ага птица исчезла! ну чортъ съ нею. А все-же у нея были клювъ и когти. Но скажите, что будемъ мы дѣлать съ этими проклятыми капустными листьями?» ²⁾

Среди подобнаго общества, среди толпы равнодушныхъ, продажныхъ рабовъ, возможно было дѣлать все! Горсть ловкихъ агитаторовъ умѣла пользоваться съ неподражаемымъ искусствомъ всеобщимъ утомленіемъ, желаніемъ покончить во что бы то ни стало съ этими вѣчными бурями и невзгодами, съ этою невыносимою тяжестью войны и усиленной фискальной эк-

¹⁾ Впрочемъ, всѣ французы, не только женщины но и мужчины отличались поразительнымъ невѣжествомъ. Въ запискахъ Н. М. Муравьева мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: «Я бываю довольно часто по вечерамъ въ Тюльерійскомъ саду и не напелъ въ немъ десятой доли того великолѣпія и той красоты, которыми сей садъ славится. Французы удивлялись, что мы не дивились сему гуляню. Много было между ними пустыхъ головъ. Люди, хорошо одѣтые, видя, что я остановился передъ лебедемъ, спрашивали меня, «есть-ли въ Россіи лебеди?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ я имъ, «какъ у насъ быть лебедемъ, когда воды цѣлый годъ во льду и покрыты снѣгомъ». — «Какъ-же у насъ пахутъ и сѣютъ?» «Пахутъ снѣгъ, сѣютъ въ снѣгу и хлѣбъ родится на снѣгу». «Ah! mon Dieu, quel pays!» — Они не имѣютъ понятія о томъ, что за Парижемъ находится. Нѣкоторые, желая объяснить мнѣ географію Европы, (потому что они считали насъ непросвѣщенными) говорили, что за Парижемъ течетъ Рейнъ, а тамъ находится Австрія, потомъ рѣка Эльба, послѣ того море, а тамъ есть песчаная земля, называющаяся Пруссією, которая граничитъ съ Россією лѣсами. Вотъ образчикъ понятій парижанъ и ихъ просвѣщенія!» См. Русскій Архивъ, 1886 г., № 2, стр. 111.

²⁾ *Denkwürdigkeiten eines Lievländers*, Т. II, стр. 273. Тотъ-же очевидецъ передаетъ слѣдующій анекдотъ: «Французъ сидѣвшій подлѣ меня въ оперѣ, услышавъ рукоплесканія и крики, съ которыми былъ встрѣченъ при входѣ въ ложу герцога Беррійскій, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Кто это, этотъ маленькій человекъ?» Я сказалъ ему. — «Чортъ его побери», отвѣчалъ онъ; «но и я готовъ ему хлопать, въ немъ есть что-то наполеоновское». Тамъ-же, стр. 273.

силуатаціи. Хорошо понимая, какое магическое вліяніе имѣеть на толпу слово, исходящее отъ лицъ, стоящихъ во главѣ общественнаго управленія, роялисты поспѣшили обратить въ орудіе своей агитаціи муниципальный совѣтъ города Париза. учрежденіе, наполненное сторонниками императорскаго режима и пользовавшееся въ то же время большою популярностью среди городскаго населенія. Уже 1-го апрѣля, нѣкто Беляръ, адвокатъ по профессіи, громкій фразеръ, но плохой дѣлецъ, выступилъ съ громовою рѣчью противъ деспота и узурпатора. Перечисливъ всѣ великія и малыя злодѣянія Наполеона, онъ предложилъ совѣту высказаться за низложеніе императора и мотивировать такое свое рѣшеніе въ особомъ адресѣ, обращенномъ къ парижскому народу. Нѣкоторые изъ членовъ муниципального совѣта громогласно одобрили предложеніе адвоката, другіе молчали, а городской префектъ, Шаброль, обязанный Наполеону всею своею карьерою, переведенный имъ еще недавно изъ заходустной Монтенотской префектуры на префектуру Сенскую, объявилъ, что его убѣжденія вполнѣ согласны съ мнѣніями, высказанными г-мъ Беляромъ, но что онъ не можетъ подписать адреса изъ чувства признательности къ Наполеону. Курьезное заявленіе префекта такъ искусно умѣннаго согласить свои бурбонскія симпатіи съ чувствомъ преданности къ Наполеону, разсѣяло послѣднія сомнѣнія членовъ совѣта ¹⁾. Адресъ былъ вотированъ единодушно. Онъ былъ составленъ въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ.

«Жители Париза,» говорилось въ немъ, «ваши представители были-бы измѣнниками васъ и отечества, если-бы они подавляли въ себѣ еще долѣе изъ жалкихъ личныхъ побужденій голосъ своей совѣсти. Нѣтъ, онъ громогласно взываетъ къ вамъ: всѣми бѣдствіями, гнетущими васъ, вы обязаны одному, единственному человѣку. Онъ десятилитъ ваши семейства! Кто изъ васъ не потерялъ сына, брата, родственниковъ, или друзей? За кого умерли эти храбрецы? За него, одного, но не за страну! А зачѣмъ? Они зарѣзаны, они принесены въ жертву безумному желанію увѣковѣчить воспомнаніе объ ужас-

¹⁾ См. Тьеръ. Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 663.

нѣйшемъ изъ деспотовъ, когда-либо угнетавшихъ родъ человѣческій. Онъ обременилъ насъ, платившихъ при нашихъ добрыхъ старыхъ короляхъ 400 милліоновъ податей и покупавшихъ этою цѣною свободу, счастье и спокойствіе, 1500 милліонами налоговъ и грозилъ увеличить еще болѣе ихъ тяжесть. Онъ закрылъ для насъ всѣ океаны и моря, онъ засыпалъ всѣ источники нашего національнаго благосостоянія, онъ отнялъ у нашихъ фабрикъ ихъ рабочихъ. Ему обязаны мы ненавистью всѣхъ народовъ! Нѣтъ въ нашей средѣ ни одного, который не гнушался-бы его въ глубинѣ своей души, какъ общаго врага, ни одного, который не питалъ бы желанія положить, наконецъ, предѣлы столькимъ безцѣльнымъ жестокостямъ. Мы бы продали дѣло общественное, если-бы медлили еще высказать это желаніе нашихъ сердецъ. Этого требуетъ вооруженная Европа, нѣтъ, она молитъ насъ о семъ, какъ о величайшемъ благодѣяніи для всего человѣчества, какъ о необходимой гарантіи всеобщаго и прочнаго мира. А посему генеральный совѣтъ Сенскаго департамента и общинный совѣтъ города Парижа, добровольно собравшійся въ засѣданіе, постановляютъ единогласно: что они формально отрекаются отъ всякаго дальнѣйшаго повиновенія Наполеону Бонапарту, выражаютъ пламеннѣйшее желаніе, дабы монархическое правленіе было восстановлено въ лицѣ Людовика XVIII и его законныхъ преемниковъ и постановляютъ, чтобы это рѣшеніе, вмѣстѣ съ сопровождающимъ его воззваніемъ, немедленно-же было напечатано, расклеено и распространено по всему Парижу, предъявлено всѣмъ существующимъ властямъ въ Парижѣ и въ департаментахъ и разослано всѣмъ генеральнымъ совѣтамъ департаментовъ¹⁾.

Уже вечеромъ 1-го апрѣля, въ то самое время, когда Талейранъ устраивалъ свое временное правительство, прокламація муниципальнаго совѣта была распространена въ тысячахъ экземпляровъ по всему Парижу, наклеена на всѣхъ улицахъ и переулкахъ столицы. То былъ революціонный актъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Парижскій общинный совѣтъ

¹⁾ Оувентъ, *Geschichte der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege*, T. II, стр. 802—803.

не имѣлъ и тѣни права сводить съ престола Франціи чело-
вѣка, призваннаго на него въ свое время милліонами голо-
совъ французскаго народа; но онъ смѣло присвоилъ себѣ это
право и его дерзкая инициатива, немислимая въ то время
и среди иного народа, не вызвала въ этомъ очагѣ революціи,
среди этой легкомысленной массы никакого протеста, а на-
противъ была встрѣчена шумными одобреніями. Талейранъ
понялъ, что теперь настала минута и для него дѣйствовать
рѣшительно. Онъ боялся, чтобы безусловные, горячіе рояли-
сты не оставили его за флагомъ, чтобы они не призвали на
престолъ Франціи Бурбоновъ безъ всякихъ гарантій и огра-
неченій. Желая избѣгнуть этой опасности, онъ рѣшился за-
ставить рабочій сенатъ утвердить революціонное поста-
новленіе муниципальнаго совѣта и провозгласить съ своей
стороны изложеніе Наполеона. Но прежде чѣмъ приступить
къ такому рѣшительному шагу, Талейранъ задумалъ возвы-
сить и уполномочить, по мѣрѣ возможности, собраніе, но-
сившее во всякомъ случаѣ не совсѣмъ правильно громкое
названіе сената. Для этого онъ не могъ избрать лучшаго сред-
ства, какъ поставить обломокъ сената подъ высокое покрови-
тельство того, кто пользовался въ настоящій моментъ ве-
личайшею популярностью среди парижскаго населенія и въ ру-
кахъ котораго находилась тогда судьба всей Франціи. Талейранъ
задумалъ представить «свой сенатъ» императору Александру.

Можно было разсчитывать напередъ на полный успѣхъ
этого маневра. Нельзя было сомнѣваться ни на минуту, что
Александръ мпlostиво приметъ собраніе, что онъ возьметъ его
подъ свое покровительство, что онъ изыщетъ средства под-
нять его авторитетъ въ глазахъ всѣхъ французовъ. По раз-
сказамъ Тьера и другихъ французскихъ писателей, Александръ
чуть не сгоралъ отъ нетерпѣнія увидѣть передъ собою какъ
можно скорѣе членовъ наполеоновскаго сената. Россійскій
монархъ занять былъ, по ихъ словамъ ¹⁾, единственно жела-
ніемъ поправиться парижанамъ. Для этой цѣли онъ будто-бы

---

¹⁾ «Ce monarque, uniquement occupé de plaire aux Parisiens s'était déjà promené à pied au milieu d'eux, les caressant du regard, leur arrachant de

пускалъ въ ходъ самыя вѣрныя средства. Онъ прогуливался по улицамъ пѣшкомъ, среди парижанъ, онъ искалъ ихъ расположеніе своимъ милостивымъ взглядомъ, онъ льстилъ имъ минами и жестами, онъ бросалъ кругомъ себя такія фразы, отъ которыхъ парижскіе буржуа невольно приходили въ восторгъ. Онъ объявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ любитъ французовъ, что онъ удивляется имъ, что онъ вовсе не приписываетъ имъ бѣдствій, постигшихъ Россію, что онъ не желаетъ мстить имъ, но наоборотъ осыпать ихъ всевозможными благодѣяніями. Онъ объявлялъ имъ, что онъ не считаетъ себя ихъ побѣдителемъ, а только ихъ освободителемъ, онъ хорошо понимаетъ, что онъ лишь потому восторжествовалъ надъ ихъ сопротивленіемъ, что они думали и чувствовали также, какъ и онъ, и что они относились съ ненавистью къ игу, которое пришелъ онъ свергнуть съ нихъ. «Эти идеи», замѣчаетъ Тьеръ, «воспроизводимыя на тысячу ладовъ, тонко, граціозно, изящно, возымѣли свое дѣйствіе. Національная гордость была обезоружена передъ побѣдителемъ, такъ стремившимся понравиться побѣжденнымъ. Парижане принимали его любезности, они возвращали ихъ ему, и не подлежатъ сомнѣнію, что Александръ сдѣлался вдругъ самымъ популярнымъ лицомъ въ Парижѣ». Тьеръ полагаетъ даже, что Александръ былъ до такой степени упоенъ ласками и энтузіазмомъ парижанъ, что готовъ былъ отплатить Франціи всѣмъ, что было совмѣстимо съ русскою гордостью.

---

saluts par sa bonne miene et une affabilite seduisant, prodiguant çà et là les mots heureux, disant à tout venant qu'il admirait les Français, qu'il les aimait, qu'il ne leur imputait aucunement les malheurs de la Russie, qu'il ne voulait pas se venger d'eux, mais au contraire leur faire tout le bien possible, qu'il ne se regardait pas comme leur vainqueur, mais comme leur libérateur, et qu'il savait bien que s'il avait triomphé de leur résistance, c'est parce qu'ils sentaient et pensaient comme lui, et avaient horreur du joug qu'on était venu briser. Ces idées, reproduites en cent manières, fines, délicates, gracieuses, avaient produit leur effet, et l'orgueil national de s'intéressé devant un vainqueur si pressé de plaire aux vaincus, on s'était prêté à se carresses, on les lui avait rendues et il est vrai qu'Alexandre était de venu tout à coup le personnage le plus populaire de Paris. Seul regardé, seul compté, seul recherché par ces Parisiens, dispensateurs de la gloire dans les temps modernes (!), il était enivré de son succès et disposé à le payer en rendant à la France tous les services compatibles avec l'ambition russe». Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 671—672.

И въ этомъ объясненіи Тьеръ и остальные французы остались вѣрны самимъ себѣ и своему національному характеру. Тщеславные, суетливые, легкомысленные, увлекающіеся, они не могли себѣ объяснить великодушнаго образа дѣйствій по отношенію къ ихъ отечеству иначе какъ въ сущности пустымъ и мелочнымъ желаніемъ Александра поправиться парижанамъ, этой эссенціи великой націи и пріобрѣсти популярность и славу въ ихъ глазахъ. Мы уже знаемъ, что весь образъ дѣйствій Россійскаго императора, по отношенію къ побѣжденной Франціи, вытекалъ изъ совершенно иного, болѣе чистаго и возвышеннаго источника. Мы знаемъ, что въ моментъ покоренія Парижа, равно какъ и во всю предшествующую кампанію, Александръ былъ преисполненъ высокою христіанскою идеею всепрощающей, милосердой любви. Именно этою идеею руководился императоръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а не пустымъ тщеславіемъ, приписываемымъ ему историками, панегиристами Наполеона. Носитель идей христіанства и чело-вѣколюбія Александръ при первомъ-же своемъ появленіи побѣждалъ и плѣнялъ сердца всѣхъ, друзей и враговъ. Духъ христіанской любви, наполнявшій его, одухотворялъ и возвышалъ его природную красоту и неподражаемую грацію. Парижане пришли въ неописанный энтузіазмъ при первомъ-же его появленіи. Они привѣтствовали въ Александрѣ своего освободителя отъ страшнаго гнета, возстановителя давно желаннаго мира: Александру не было никакой надобности заискивать ихъ расположенія; они сами заискивали его, рвали къ нему, старались прикоснуться къ его одеждѣ. Такъ было впрочемъ не въ одномъ Парижѣ, и не въ одной Франціи, а повсюду, гдѣ ни появлялся вѣнценосный вождь Европы, ополченный за свободу и миръ.

Въ основѣ образа дѣйствій императора Александра, помимо высокой идеи религіозной, лежала и не менѣе высокая идея политическая. Обнажая мечъ за независимость Россіи и Европы, положивши твердо въ сердца своемъ не владать его въ ножны до тѣхъ поръ, пока владычество Наполеона не будетъ сокрушено окончательно, Александръ вовсе не имѣлъ при этомъ въ виду унижать Францію, мстить француз-

скому народу за разореніе Россіи, или дать ему почувствовать во всей ея тяжести участь побѣжденныхъ. Напротивъ, съ самаго начала войны, въ особенноти-же послѣ вступленія во Францію, онъ постоянно старался отдѣлить французовъ отъ Наполеона. Поражая всѣми силами послѣдняго, онъ по возможности старался щадить первыхъ. Франція, въ его глазахъ, была также порабощена Наполеономъ, какъ и остальная Европа. Цѣль войны заключалась, слѣдовательно, не въ покореніи Франціи, а въ ея освобожденіи. Поставляя такую цѣль, Александръ не могъ дѣйствовать иначе послѣ взятія Париза, какъ дѣйствовалъ онъ на дѣлѣ. Только послѣ этого рѣшающаго событія явилась, наконецъ, возможность вызвать въ средѣ самихъ французовъ движеніе противъ Наполеона, и если это движеніе приняло вскорѣ такіе широкіе размѣры и повело къ паденію деспота, то это случилось лишь потому, что Александръ умѣлъ внушить къ себѣ съ самаго начала безграничное довѣріе французскаго народа, что побѣдивъ французовъ силою оружія, онъ побѣдилъ ихъ вслѣдъ за тѣмъ своимъ великодушіемъ и своимъ истинно христіанскимъ образомъ дѣйствій.

Свидѣтельства, переданныя намъ изъ устъ самого государя, ясно показываютъ насколько далеко былъ Александръ во время своего пребыванія въ Парижѣ отъ тѣхъ тщеславныхъ и недостойныхъ стремленій, которыя приписываются ему французскими писателями. Что происходило въ душѣ государя въ эти вѣчно памятные дни, объ этомъ узнаемъ мы, къ великому счастью, изъ его собственныхъ словъ.

«Наше вхожденіе въ Парижъ», рассказываетъ впоследствии Александръ князю А. Н. Голицыну, «было великолѣпное. Все слѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремяна лошади, оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями. Но душа моя сознавала тогда въ себѣ другую радость. Она, такъ сказать, таяла въ безпредѣльной благодарности къ Господу, сотворившему чудо своего милосердія; она, эта душа жаждала уединенія, желала субботствованія; сердце мое порывалось пролить передъ Господомъ всѣ

чувствованія мои. Словомъ, мнѣ хотѣлось говѣть и приобщиться Святыхъ Таинъ; но въ Парижѣ не было русской церкви. Милующій Промыслъ, когда начнетъ благодѣтельствовать, всегда бываетъ безграниченъ въ своей попечительности, и вотъ къ крайнему моему изумленію, вдругъ приходятъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что столь желанная мною русская церковь нашлась въ Парижѣ: послѣдній нашъ посолъ, выѣзжая изъ столицы Франціи, передалъ свою посольскую церковь на сохраненіе въ домъ американскаго посланника. И вотъ, сейчасъ-же, насупротивъ меня, французы наняли чей-то домъ, и церковь русская была въ тоже время устроена, а отъ дома моего, въ которомъ я жилъ уединенно, въ тотъ-же разъ французы сдѣлали переходъ для удобнаго посѣщенія церкви. Французское правительство, узнавши о моемъ намѣреніи исполнить свою религіозную обязанность, немедленно распорядилось, чтобы по той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили. И вотъ ничто уже не мѣшало мнѣ исполнить мой долгъ передъ Господомъ. Бывало, всякій день хожу въ церковь... Но идучи туда и возвращаясь обратно въ домъ, трудно, однакожь, мнѣ было сохранять чувствованіе своего ничтожества, котораго требуетъ святая наша Церковь въ подвигѣ покаянія; какъ бывало только покажусь на улицу, такъ густѣйшая толпа, что есть только лучшаго въ парижскомъ обществѣ, толпа, составленная изъ кавалеровъ и дамъ, тѣсно обступятъ и смотрятъ на меня съ тѣмъ одушевленіемъ признательнаго чувства, съ тѣмъ доброжелательствомъ, которыя для лицъ нашего сана такъ сладко и обаятельно видѣть въ людяхъ. Съ трудомъ каждый разъ пробирался я на уединенную свою квартиру¹⁾.

Александръ не могъ, однакоже, отдаться вполне своему религіозному долгу. Первые дни послѣ взятія Парижа душа его не была еще совершенно спокойна. Онъ самъ свидѣтельствуется намъ по этому поводу: «Прежде чѣмъ я приступилъ къ исполненію моего священнаго долга, душа моя была, однакожь, не безъ смущенія; мнѣ совершенно извѣстно было, что грозныя своимъ отчаяніемъ Наполеоновы полчища стягива-

¹⁾ Записки Бартенева, Русскій Архивъ 1886 г. кн. 5, стр. 98.

лись въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Фонтенебло; слѣдовательно, союзныя арміи, такъ недавно вступившія въ стѣны столицы, должны были готовиться не для одного отдыха и наслажденія; мнѣ скоро надлежало выводить ихъ для новаго боя, можетъ быть отчаяннѣйшаго, чѣмъ всѣ прежніе; мнѣ надлежало также принять всевозможныя мѣры, чтобы сдерживать и буйную чернь парижскую, могущую удобно воспламениться и волноваться даже и отъ наималѣйшаго успѣха Наполеона¹⁾. Понятно, что въ виду такихъ опасеній и тревогъ, Александръ спѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ Наполеономъ.

Выдвигая массы союзныхъ войскъ по направленію къ Фонтенебло и принимая мѣры для окончательнаго истребленія остатковъ Наполеоновыхъ армій, Александръ поощрялъ въ то же время всѣми зависящими отъ него средствами начавшихъ противъ императора движеніе въ Парижѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ Россійскій монархъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ прямодушіемъ и высокимъ политическимъ тактомъ. Согласно съ неоднократно повтореннымъ имъ заявленіемъ, онъ избѣгалъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, не навязывалъ французамъ ни того, ни другаго правительства, но стоялъ твердо и непоколебимо лишь на томъ, что съ Наполеономъ немыслимы какія-бы то ни было соглашенія, и что бывшему властелину Франціи и Европы не остается иного исхода, какъ удалиться въ частную жизнь и отречься отъ престола. Эту горькую для Наполеона волю Александра долженъ былъ выслушать между прочимъ изъ его собственныхъ устъ и уполномоченный посолъ французскаго императора, — герцогъ Виченцкій, Коленкуръ.

Коленкуръ, пользуясь дозволеніемъ императора Александра, оставался, первые три дня послѣ вступленія союзниковъ, въ Парижѣ. Нельзя сказать, чтобы онъ держалъ себя только какъ парламентаръ, какъ требовалъ этого отъ него Александръ. Нѣтъ, онъ посвящалъ свои силы и свое время на совершенно неудачныя попытки задержать съ одной стороны начинающійся

¹⁾ Записки Бартенева, Русскій Архивъ, тамъ-же.

внутренній переворотъ, а съ другой, примирить своего повелителя съ союзными государями и спасти для него тронъ Франціи. Преслѣдуя эту двойную цѣль, Коленкуръ велъ одновременно переговоры, съ одной стороны, съ Талейраномъ и другими парижскими политиками, а съ другой, съ представителями союзной Европы, но потерпѣлъ полнѣйшую неудачу и тутъ и тамъ. Талейранъ, къ которому Коленкуръ явился еще утромъ 1-го апрѣля, уже съ первыхъ словъ объявилъ ему, что участь Наполеона рѣшена окончательно и безповоротно. «Теперь уже слишкомъ поздно», сказалъ онъ съ своею обычною холодною проницею. «Для Наполеона можно сдѣлать лишь одно— доставить ему отдаленное убѣжище. Не стоитъ говорить объ этомъ безумцѣ, который погубилъ все и долженъ былъ потерять все. Оставьте его и подумайте о самомъ себѣ. Ваша почетная извѣстность, дружба императора Александра обезпечиваютъ ваше положеніе. при какомъ-бы то ни было правительствѣ. Похлопочите о самомъ себѣ и забудьте господина, для котораго прямота ваша сдѣлалась давно уже неудобною». Коленкуръ попробовалъ было заговорить о королѣ Римскомъ и о регентствѣ Маріи-Луизы. «Поздно», прервалъ его Талейранъ. «Я хотѣлъ спасти Марію-Луизу и ея сына, задержавъ ихъ въ Парижѣ, но письмо этого человѣка, назначеннаго погубить все, рѣшило отъѣздъ ихъ въ Брау и создало ту пустоту, которую силится мы теперь наполнить. Откажитесь отъ вашихъ надеждъ. Все кончено для Наполеона и для его семейства. Подумайте о вашихъ дѣтяхъ и предоставьте намъ спасти Францію тѣми единственными средствами, которыя можно еще теперь пустить въ ходъ»¹⁾.

Коленкуръ оставилъ Талейрана и попытался дѣйствовать на другихъ вліятельныхъ лицъ, но ото всѣхъ онъ слышалъ одни и тѣ-же то рѣзкіе и рѣшительные, то мягкіе и уклончивые отвѣты²⁾. Убѣдившись, что всѣ парижскіе политики,

1) Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 653.

2) Объ этихъ попыткахъ Коленкура мы читаемъ у Тьера: „Mais sa tournèe non interrompue pendant vingt-quatre heures le consterna, l'indigna, le remplit de mepis pour les hommes, qu'il ne connaissait pas assez pour s'attendre à ce qui lui arrivait. Droit, rude, sensé, M. de Caulaincourt n'avait pas cette profonde sci-

бывшіе слуги и креатуры Наполеона, покончили счеты съ своимъ господиномъ, и окончательно отвергнулись отъ него, Коленкуръ рѣшился попытать счастья у союзныхъ государей. Онъ рассчитывалъ на хорошо извѣстное ему великодушіе императора Александра, онъ надѣялся также найти сочувствіе и поддержку у князя Шварценберга, какъ человѣка, лично обязаннаго Наполеону и какъ у представителя монарха, связаннаго съ императоромъ французомъ узами близкаго родства. Александръ нѣсколько разъ принималъ Коленкура, онъ бесѣдовалъ съ нимъ долго и любезно, но каждый разъ онъ отвергалъ прямо и рѣшительно всякій намекъ герцога на возможность мира съ Наполеономъ. Менѣе рѣшительно высказывался императоръ относительно будущей судьбы Франціи. Обсуждая въ числѣ другихъ комбинацій регентство Маріи-Луизы, онъ не отрицалъ, повидимому, и этой возможности и этимъ, самъ не подозрѣвая того, поддерживалъ слабую надежду въ душѣ Коленкура. Отъ Александра герцогъ поспѣшилъ къ князю Шварценбергу. Въ продолжительной бесѣдѣ съ австрійскимъ фельдмаршаломъ онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, пытался дѣйствовать на него какъ общими, такъ и личными доводами. Отвѣтъ князя, мягкій и деликатный по формѣ, былъ крайне неутѣшителенъ для Коленкура. Шварценбергъ отвѣчалъ, что онъ никогда не забудетъ, какъ много онъ обязанъ лично Наполеону, но что есть лицо, которое стоитъ для него выше всѣхъ въ мірѣ,—это его монархъ. Князь замѣтилъ, что онъ самъ желалъ, даже требовалъ брака Маріи-Луизы, усматривая въ немъ связь, а не цѣль, что вслѣдствіе этой связи

---

ence des hommes, qui ôte touté colère en ôtait toute surprise. Il passa ces deux jours à s'etonner et a s'emporter.... Il avait vu bien peu des portes ne pas rester fermées, meme devant son nom autre fois si honore, si accueilli. Ceuxci etaient absents, ceux—la feignaient de l'etre. Quelquesuns cependant pris au de pourvu, etaient demeurés accessibles. Parmi ces derniers, les uns paraissaient embarrassés, consternés, et cherchaient à cacher sous des profonds gemissements la résolution visible de faire tout ce qu'on leur demanderait. Les autres plus osés, élevant tout à coup la voix, disaient qu'il etait temps de penser à la France, trop oubliée, tropsacrifiële à un homme qui avait gravement compromise, et qui allait achever de la perdre si on ne se hatait de l'arracher de ses mains". Histoire du consulat et de l'empire. T. XVII, стр. 654—655.

Австрія сдѣлала все какъ въ 1813 и въ 1814 гг., чтобы открыть глаза Наполеону и склонить его къ болѣе умѣреннымъ воззрѣніямъ, но что потерпѣвъ неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ, она принуждена была пренебречь всѣмъ, даже и родственными связями. Коленкуръ говорилъ о тѣхъ отчаянныхъ рѣшеніяхъ, къ которымъ можетъ прибѣгнуть Наполеонъ. «Мы это предвидѣли», возразилъ Шварценбергъ. «мы знаемъ чего можно ожидать отъ гениальнаго мужа, стоящаго во главѣ французской арміи, но мы готовы ко всему и будемъ биться съ такимъ-же отчаяніемъ, какъ и онъ. Если французы хотятъ вырвать свое отечество изъ рукъ иноземцевъ, то союзныя державы хотятъ вырвать свою независимость изъ рукъ безпощаднаго повелителя. Мы долго были рабами и не желаемъ оставаться ими долѣе. Если намъ придется выйти изъ Парижа, мы выйдемъ, но мы возвратимся въ него»¹⁾.

Смущенный такимъ необычнымъ тономъ князя Шварценберга, Коленкуръ рѣшился попытать еще разъ счастья у императора Александра. Онъ послѣшилъ своимъ визитомъ къ нему, такъ какъ до него дошли слухи, что вечеромъ 2-го апрѣля императоръ будетъ принимать членовъ сената съ Талейраномъ во главѣ. Опасаясь, что эта аудіенція можетъ имѣть рѣшающія послѣдствія, Коленкуръ послѣшилъ предупредить ее, и ему удалось добиться доступа къ государю нѣсколькими часами ранѣе. Александръ принялъ герцога съ прежнею любезностью, но на его повторенныя просьбы оставить престолъ Франціи за Наполеономъ онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. «Вамъ остается теперь лишь одно», добавилъ онъ. «отправиться въ Фонтенебло и убѣдить Наполеона принести неизбежную жертву. Поѣзжайте скорѣе! Отъ меня требуютъ каждую минуту вашей высылки изъ Парижа: мнѣ говорятъ, что ваше пребываніе здѣсь наводитъ страхъ на всѣхъ, что оно возбуждаетъ опасенія о возможности нашего возвращенія къ Наполеону. Мнѣ придется удалить васъ, ибо ни мои союзники, ни я не желаемъ поддерживать подобныя предположенія. Я не питаю никакой ненависти къ Наполеону. Онъ нес-

1) См. Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 684—687.

частень и я прощаю ему то зло, которое причинилъ онъ Россіи. Но Франція и Европа нуждаются въ спокойствіи, а съ нимъ они никогда не будутъ имѣть его. Рѣшимость наша въ этомъ отношеніи непреклонна. Пусть Наполеонъ требуетъ для себя лично, чего хочетъ; нѣтъ того убѣжища, въ которомъ мы откажали бы ему. Пусть онъ приметъ руку, которую я предлагаю ему; пусть онъ удалится въ мои владѣнія и онъ найдетъ тамъ не только щедрое, но и сердечное гостепримство. Мы дали бы великій примѣръ свѣту, я предложивъ, а онъ принявъ такое убѣжище. Но мы не можемъ вести съ нимъ переговоровъ на иномъ основаніи, кромѣ его отреченія. Поѣзжайте же скорѣе и убѣдите Наполеона дать свое согласіе на неизбѣжное».

Коленкуръ пытался узнать, не сохранитъ ли Наполеонъ престолъ Франціи для своего сына, отрекаясь отъ него лично. Александръ отвѣчалъ ему уклончиво, объявивъ, что реставрація Бурбоновъ не рѣшена еще безповоротно, хотя, повидимому, все клонится къ ней, что онъ лично относится равнодушно къ этой комбинаціи, а затѣмъ вновь и настоятельно посовѣтовалъ Коленкуру ѣхать какъ можно скорѣе въ Фонтенебло.

«Необходимо», замѣтилъ онъ, «прежде всего устроить личную судьбу Наполеона».

«Но отнимая у Наполеона Францію», возразилъ Коленкуръ, «не согласятся ли союзники дать ему Тоскану».

«Тоскану», отвѣчалъ государь, «конечно она ничего не значитъ въ сравненіи съ французскою имперіею; но неужели, вы полагаете, что державы согласятся оставить Наполеона на материкѣ, и что Австрія потерпитъ его пребываніе въ Италіи».

«Но быть можетъ державы согласятся предоставить ему Парму или Лукку?» продолжалъ настаивать Коленкуръ.

«Нѣтъ! Нѣтъ! На материкѣ ничего. Островъ—пожалуй. Быть можетъ Корсику», повторилъ Александръ.

«Но Корсика—это часть Франціи», возразилъ Коленкуръ, «Наполеонъ не согласится принять ее».

«Ну такъ островъ Эльбу», сказалъ государь. «Но только поѣзжайте скорѣе и побудите вашего господина покориться необходимости, а за тѣмъ мы посмотримъ. Все, что только воз-

можно, будетъ сдѣлано для него. Я не забуду, что подобаетъ человѣку, столь великому и столь несчастному»¹⁾.

Коленкуръ вышелъ отъ Александра, твердо убѣжденный, что все кончено для Наполеона, и что только одно чудо можетъ спасти его. Оставался еще одинъ лучъ надежды спасти престолъ Франціи для короля Римскаго. Окрыляемый этою надеждою, Коленкуръ поспѣшилъ тотчасъ-же въ Фонтенебло; онъ прибылъ туда въ два часа ночи, но за эти немногіе часы въ Парижѣ произошли событія рѣшающія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Коленкура, государю доложили о прибытіи членовъ французскаго сената съ княземъ Талейраномъ во главѣ. Александръ тотчасъ-же вышелъ къ представителямъ Франціи и обратился къ нимъ съ такими словами: «Человѣкъ, называвшій себя моимъ союзникомъ, несправедливо вторгнулся въ мои владѣнія. Я велъ войну съ нимъ, а не съ Франціею. Я другъ французовъ. Настоящій валь образъ дѣйствиі усеугубляетъ эти мои чувства. Справедливость и благоразуміе требуютъ дать Франціи учрежденія прочныя и свободныя, соотвѣтствующія современному просвѣщенію. Союзники мои и я самъ беремъ подъ свое покровительство свободу вашихъ совѣщаній». Государь остановился на минуту и затѣмъ продолжалъ: «Въ доказательство моего желанія заключить съ вашимъ народомъ постоянный союзъ возвращаю всѣхъ французскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи. Временное правительство уже просило меня объ этомъ; уступаю плѣнныхъ сенату въ уваженіе сдѣланныхъ имъ постановленій»²⁾.

Слова государя покрылись громкими, радостными восклицаніями сенаторовъ. Они не ожидали такого великодушія. Они сознавали, что поступокъ Александра снималъ съ нихъ ту непопулярность, которая могла быть вызвана ихъ дѣствіями, они не боялись уже теперь произнести съ своей стороны последнее рѣшающее слово. Вечеромъ того-же 2-го апрѣля сенатъ собрался въ чрезвычайное засѣданіе³⁾. На очереди по-

1) Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 689—690.

2) Рѣчь государя напечатана была въ Монитерѣ отъ 6-го апрѣля 1814 г. См. также Тьеръ, Т. XVII, стр. 672.

3) Въ этомъ засѣданіи участвовали всего лишь 63 сенатора изъ 142.

ставленъ былъ вопросъ о низложеніи Наполеона. Вопросъ рѣшенъ былъ единогласно. Постановленіе сената облечено было въ форму декрета, состоявшаго изъ двухъ пунктовъ. Первый пунктъ отмѣнялъ верховную власть, установленную въ лицѣ Наполеона и его преемниковъ; второй пунктъ освобождалъ всѣхъ французовъ отъ присяги, данной имъ Наполеону. Составленіе декрета поручено было сенатору Ламбрехту; онъ заключалъ въ себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, перечисленіе всѣхъ преступленій, совершенныхъ Наполеономъ. Правда, каждое слово этого постановленія поражало наравнѣ съ Наполеономъ и сенатъ, ибо этотъ послѣдній принималъ самое прямое участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона и легализировалъ ихъ своимъ авторитетомъ, но сенаторы, прошедшіе съ успѣхомъ убійственную школу деморализаціи, разъядавшей политическую Францію, ни мало не стѣснялись этимъ страннымъ совпаденіемъ, да никто и не думалъ напоминать имъ о немъ. Сенатъ взводилъ на своего бывшего властелина нижестѣдующія обвиненія: Наполеонъ нарушилъ всѣ законы, въ силу которыхъ онъ призванъ былъ на престолъ; онъ угнеталъ частную и общественную свободу, запиралъ по произволу въ тюрьмы гражданъ, наложилъ молчаніе на печать, собиралъ налоги и бралъ рекрутъ, нарушая всѣ законныя формы, проливалъ кровь Франціи въ безумныхъ и бесполезныхъ войнахъ, покрывъ всю Европу трупами, усѣялъ всѣ дороги брошенными французскими ранеными; въ своей смѣлости онъ дошелъ, наконецъ, до того, что началъ взимать подати безъ разрѣшенія законодательныхъ собраній и сталъ отмѣнять своею собственною властью рѣшенія, постановленныя судебными трибунами ¹⁾.

В. Наглеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Декретъ сената, равно какъ и другіе акты этой эпохи, напечатаны у Helie Les constitutions de la France, стр. 873.

Къ рѣшенію сената присоединились 8-го Апрѣля 77 членовъ законодательнаго корпуса изъ числа 303.

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

XII.

Страданіе апостоловъ Петра и Павла.

1. «Въ бѣльшемъ, чѣмъ обыкновенно, числѣ собирается радостный народъ: скажи, другъ, отъ чего это? Поспѣшно движутся и ликуютъ по всему Риму» ¹⁾.

3. «Отъ того, что къ намъ возвращается праздничный день триумфа апостоловъ, прославленный пролитіемъ крови Павла и Петра.

5. «И того и другаго (апостола) видѣть увѣнчаннымъ славною смертію одинъ и тотъ же день, лишь повторившійся по истеченіи полнаго года ²⁾.

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 21.

1) Первые два стиха двѣнадцатаго гимна имѣютъ форму вопроса, обращеннаго потомъ къ нѣкоторому другу; дальнѣйшее же изложеніе (отъ 3 ст. до 64 ст. включительно) есть отвѣтъ этого друга.

2) Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

Unus utrumque dies, pleno tamen innovatus anno,
vidit superba morte laureatum.

И такъ, по мнѣнію поэта, апостолы Петръ и Павелъ пострадали въ одинъ день, но Петръ пострадалъ годомъ ранѣе (ср. стих. 21 и слѣд.). Утверждая это, Пруденцій является выразителемъ преданія, весьма распространеннаго на Западѣ.

7. «Освященную двойнымъ торжествомъ ³⁾ землю знаетъ Тибр-ская низменность, омываемая близъ протекающею рѣкою ⁴⁾,

9. «Свидѣтельница и креста и меча ⁵⁾, отъ которыхъ дважды протекъ по одному и тому же лугу ручей крови.

11. «Прежде приговоръ Нерона постигъ Петра, осужденнаго висѣть на выдающемся древѣ ⁶⁾.

13. «Тотъ же ⁷⁾, пугаясь того, что сравнивается въ славѣ съ Великимъ Учителемъ, пріемля таковую же прекрасную смерть въ воздухѣ,

15. «Требуетъ, дабы (его) пригвоздили внизъ головою, вверхъ ногами, при чемъ онъ сталъ бы созерцать умомъ нижнюю оконечность креста.

17. «И вотъ онъ распинается руками внизъ, ногами вверхъ, на столько большій духомъ, на сколько былъ умаленъ видомъ.

19. «Онъ знаетъ, что обыкновенно достигаютъ скорѣе неба смиренныя ⁸⁾ и, готовясь, испустить духъ, опустилъ долу лице (свое).

21. «Когда же круглое колесо міра протекло путь склонившагося года и возшедшее солнце привело тотъ же самый день,

23. «Неронъ извергаетъ лютую ярость на Павла, повелѣвъ, дабы обезглавленъ былъ учитель язычниковъ ⁹⁾.

25. «Тотъ ¹⁰⁾ самъ предребъ скорый конецъ (своей) жизни: «ко Христу—говорить—должно (миѣ) идти; я уже разрѣшаюсь» ¹¹⁾.

27. «И немедленно привлекается на судъ, предается казни, усекается мечемъ; ни день, ни часъ не обманули провидца.

3) Т. е. мученическою кончиною двухъ апостоловъ.

4) Разумѣется Тибръ, берега котораго низки около Рима и часто заливаются.

5) Апостоль Петръ былъ распятъ (ст. 17); апостоль Павелъ усеченъ мечемъ (ст. 27).

6) Т. е. на крестѣ.

7) Разумѣется апостоль Петръ, осужденный на распятіе.

8) Матѣ. V, 3: *блаженнѣишии духомъ: яко тѣхъ есть царствіе Божіе.*

9) Въ подлинникѣ: *magister gentium*. Выраженіе это, подобныя которому (напр. *doctor gentium, doctor nationum*) встрѣчаются перѣдко у латинскихъ церковныхъ писателей, есть буквальный переводъ выраженія *διδάσκαλος ἐθνῶν* въ 1 Тимон. II, 7; ср. Галат. II, 8—9; Ефес. III, 8.

10) Т. е. апостоль Павелъ.

11) 2 Тимон. IV, 6; Филипп. I, 23.

29. «Останки двоицы апостоловъ раздѣляетъ Тибръ, протекающій между священными (ихъ) гробницами, досточестный на томъ и другомъ берегу.

31. «Петра въ золотомъ зданіи ¹²⁾ заключаетъ правая сторона «Тибра), бѣлѣющая отъ оливъ, оглашаемая журчащимъ ручьемъ,

33. «Который пробился (тамъ) изъ вершины скалы и подаетъ «вѣчное освященіе! ¹³⁾.

35. «Генеръ онъ катится по драгоцѣннымъ мраморамъ, скользя «по утесу, доколѣ не ниспадетъ влага его въ зеленѣющій водоемъ.

37. «Этотъ водоемъ находится внутри холма; на холодномъ, «какъ снѣгъ, днѣ его отъ звонко падающихъ струй волнуется «водная масса.

39. «Разноцвѣтная живопись (потолка крещальни) сверху обра- «шиваетъ стекловидныя воды; блестятъ (на нихъ) мхи и золото «принимаетъ зеленоватый оттѣнокъ.

41. «Багрянецъ (нависающихъ стѣнъ сѣни) отражается въ ла- «зурной влагѣ: можно было бы подумать, что потолокъ движется «въ волнахъ.

43. «Самъ Пастырь ¹⁴⁾ питаетъ тамъ влагою холоднаго источ- «ника тѣхъ овецъ, которыхъ онъ видитъ жаждущими воды Христа.

45. «На другой сторонѣ (Тибра, именно тамъ), гдѣ «эта) рѣка «опоясываетъ влѣво отъ нея расположенный лугъ, Остійская до- «рога сохраняетъ останки Павла ¹⁵⁾.

¹²⁾ Въ подлинникѣ: aureis tectis. Въ стих. 31—44 описывается крещальня при древнѣйшей ватиканской базилекѣ, построенной на мѣстѣ погребенія останковъ апостола Петра.

¹³⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

namque supercilio saxi liquor ortus excitavit
fontem peregnem chrysmatis feracem.

Вода этого ручья, какъ видно изъ гегна Пруденція, была проведена въ водоемъ крещальни, почему и усвоится ей освящающая сила. Должно думать, что этотъ же ручей разумѣетъ пала Дамасъ, именуя его „fons, qui praebet dona salutis“.

¹⁴⁾ Подъ Пастыремъ, по мнѣнію Дресселя, должно разумѣть здѣсь Іисуса Христа, Который на потолкѣ крещальни былъ изображенъ стоящимъ на вершинѣ скалы, изъ которой бьетъ ручей, и окруженнымъ овцами.

¹⁵⁾ Въ стих. 45—54 описывается базилика надъ останками апостола Павла близъ дороги изъ Рима въ Остію (via Ostiensis).

47. Здѣсь находится царственно великолѣпный храмъ, который «благочестивый властитель ¹⁶⁾ воздвигъ и, не щадя денегъ, украсилъ въ своей ревности къ Богу.

49. Врусья потолка онъ обложилъ золотыми листами, дабы «внутри (храма) свѣтъ былъ золотистый, подобный сіянію восходящаго солнца.

51. Темножелтый потолокъ поддерживается колоннами изъ паросскаго мрамора ¹⁷⁾, возвышающимися въ четыре ряда.

53. Изогнутые своды украшены въ разныхъ мѣстахъ зеленымъ стекломъ: такой сіяющій видъ имѣютъ весенніе цвѣты на лугахъ.

55. Вотъ два дара вѣры отъ Небеснаго Отца, которые Онъ вручилъ для чествованія городу одѣтыхъ въ тогу.

57. Посмотри: по обѣимъ сторонамъ улицъ движется народъ Ромула; (теперь) въ одинъ день два праздника.

59. Поспѣшимъ къ тому и другому (празднику), насладимся и этими и тѣми гимнами;

61. Устремимся на ту сторону (Тибра), куда ведетъ путь чрезъ мость Адриана, потомъ поидемъ на лѣвую сторону рѣки.

63. Бодрственный—святитель ¹⁸⁾ прежде совершаетъ священнодѣйствіе на той сторонѣ Тибра, а затѣмъ идетъ сюда и повторяетъ моленіе.

65. Довольно для тебя, что ты это узналъ въ Римѣ: возвращаясь домой, помни, что ты такимъ образомъ долженъ почитать день съ двумя праздниками ¹⁹⁾.

П. Ульрихъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁶⁾ По мнѣнію Дресселя, «благочестивымъ властителемъ» здѣсь названъ Θεодосій Великій, реставрировавший и украсившій этотъ храмъ.

¹⁷⁾ Подъ колоннами изъ паросскаго мрамора здѣсь должно, повидимому, разумѣть колонны изъ драгоценныхъ мраморовъ вообще, а не исключительно изъ мрамора, добывавшагося на островѣ Паросѣ.

¹⁸⁾ Выраженіе «бодрственный святитель» (pervigil sacerdos) относится къ римскому епископу того времени, въ которое составленъ гимнъ.

¹⁹⁾ Въ послѣднихъ двухъ стихахъ гимна нѣкоторые толкователи Пруденція видятъ обращеніе поэта къ пилигримамъ, собравшимся въ Римѣ, другіе—обращеніе къ себѣ самому, но болѣе основаній поимать ихъ, какъ продолженіе рѣчи друга.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ИДЕАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

Б.

Теоріи происхожденія идеи о Богѣ, которыя мы до сихъ поръ разсматривали (Макса Мюллера и Шлейермахера), исходили изъ той вѣрной мысли, что эта идея не можетъ быть субъективнымъ только продуктомъ нашей познавательной силы, что для объясненія ея необходимо допустить дѣйствіе на насъ, соотвѣтствующаго ея содержанію, объективнаго фактора. Такимъ факторомъ у М. Мюллера является «безконечное» какъ положительная реальность, у Шлейермахера «всецѣлое» или абсолютное, — понятія, которыя у нихъ должны соотвѣтствовать нашему понятію о Богѣ. Но эта вѣрная въ своей основѣ мысль приводила ихъ, какъ мы видѣли, къ невѣрнымъ и крайне одностороннимъ воззрѣніямъ на происхожденіе религіозной идеи вслѣдствіе общаго пантеистическаго характера ихъ міросозерцанія, на что отчасти указываетъ уже обозначеніе идеи Бога такими двусмысленными и абстрактными терминами какъ: «безконечное», «всецѣлое» и т. п. Слѣдствіемъ такого міросозерцанія, въ сущности отождествлявшаго Бога и міръ, было то, что воздѣйствіе Божества на нашъ духъ понималось какъ воздѣйствіе на насъ окружающаго насъ міроваго бытія, какъ единственно возможнаго по пантеизму проявленія абсолютнаго. Такимъ образомъ, не смотря на крайнюю, повидимому, противоположность между идеализмомъ и сенсуализмомъ, результаты ихъ въ объ-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 21.

ясненіи происхожденія идеи о Богѣ въ сущности сливаются въ томъ отношеніи, что тотъ и другой одинаково производятъ эту идею изъ дѣйствія на насъ внѣшняго, окружающаго насъ бытія.

Чтобы указанная нами вѣрная исходная точка зрѣнія могли привести насъ къ дѣйствительно правильнымъ результатамъ, мы должны необходимо признать, что внѣшній объектъ, дѣйствующій на нашъ духъ и возбуждающій соответствующую себѣ идею, есть не пантеистическое абсолютное, болѣе или менѣе тождественное съ всецѣлостію природы, но дѣйствительное, живое и личное существо отдѣльное отъ міра.—Богъ, въ точномъ значеніи этого слова. Но какъ скоро признано такое существо, то намъ нѣтъ уже нужды считать окружающее насъ внѣшнее бытіе, будемъ-ли брать его во всецѣлости или въ частныхъ явленіяхъ, необходимымъ *посредствомъ* возникновенія въ насъ идеи о Богѣ. Пантеистическое божество не можетъ иначе дѣйствовать на насъ, какъ черезъ природу, какъ единственно возможный способъ своего проявленія. Отличный отъ міра Богъ не нуждается въ такомъ посредствѣ и можетъ дѣйствовать на нашъ духъ прямо и непосредственно и возбуждать въ насъ идеи о себѣ. Такимъ образомъ отъ теорій посредственнаго дѣйствія Божества на нашъ духъ мы переходимъ теперь къ теоріямъ дѣйствія *непосредственнаго*.

1) Первое мѣсто въ ряду теорій этого типа, по ея значенію и вліянію въ философскомъ мірѣ, безспорно принадлежитъ теоріи врожденныхъ идей, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ, конечно, идея о Богѣ. Первую мысль этой теоріи можно находить уже въ Платоновомъ ученіи объ идеяхъ, какъ припамятованіяхъ тѣхъ чистыхъ понятій объ истинно сущемъ, какія душа наша имѣла въ періодъ ея жизни предшествовавшей соединенію ея съ этимъ земнымъ тѣломъ и которая она, хотя въ смутномъ видѣ, приносятъ съ собой, входя въ этотъ міръ. Эти идеи возобновляются въ нашемъ сознаниіи, припоминаются, отчасти въ слѣдствіе воздѣйствія на насъ подобныхъ имъ чувственныхъ вещей, но главнымъ образомъ въ слѣдствіе самоуглубленія души въ собственное свое содержаніе. Что касается до гипотезы Платона о

предсуществованіи и души, то она скоро была оставлена: но его мысль, что душа, вступая въ этотъ міръ, приноситъ съ собою нѣкоторыя понятія о сверхчувственномъ,—понятія, которыя поэтому можно назвать врожденными, сохранилась въ философіи. Эта мысль, раздѣляемая въ началѣ философіями, состоявшими болѣе или менѣе подъ вліяніемъ Платона ¹⁾, окон-

¹⁾ Въ древней философіи первое ясное признаніе врожденности основныхъ понятій о нравственности, правѣ и божествѣ, мы находимъ у Цицерона. Этого рода понятія онъ прямо называетъ врожденными (*insitas*) и почитаетъ ихъ, какъ-бы приданными, которымъ наградила насъ природа при нашемъ рожденіи на свѣтъ. Затѣмъ ученіе о врожденности идей о Богѣ находимъ у нѣкоторыхъ отцевъ и учителей Церкви, болѣе или менѣе сочувственно относившихся къ Платону. Такъ Іустинъ философъ говоритъ, что «слово: Богъ не есть имя, но всаженная (*εμφυτος*) въ природу человѣка мысль о чемъ-то неизъяснимомъ» (Апол. 11. 2, гл. 6). Въ другомъ мѣстѣ онъ признаетъ, что всему роду человѣческому врождено сѣмя Слова, въ силу чего весь родъ человѣческій является участникомъ божественнаго разума (Ап. 1, 46) и можетъ познавать истинны вѣры, видя въ нихъ средство съ этимъ врожденнымъ ему, зародышнымъ (*σπέρματικῶν*) божественнымъ Словомъ (Ап. 11, 18). Подобнаго же рода мнѣніе встрѣчаемъ и у Климента Александрійскаго. Бл. Августинъ признаетъ, что идея о Богѣ лежитъ въ основѣ всякой человѣческой мысли о Немъ и что путемъ доказательствъ можно только раскрыть эту идею вложенную самимъ Богомъ въ природу человѣка. По ученію св. Іоанна Дамаскина «вѣдѣніе о бытіи Божиемъ самъ Богъ насадилъ въ природѣ каждаго». (Излож. пр. вѣры 1, гл. 1). Средневѣковые философы, состоявшіе подъ вліяніемъ гносеологическихъ воззрѣній Аристотеля, источникъ «естественнаго» познанія о Богѣ видѣли болѣею частію въ умозаключеніи изъ дѣятельности разсудка, восходящаго логическимъ путемъ отъ конечнаго къ безконечному. Но у извѣстнаго философа эпохи возрожденія наука Джордано Бруно мы встрѣчаемъ ученіе о врожденности идеи о Богѣ, изложеннымъ съ такою ясностію, что ученіе объ этомъ предметѣ Декарта можно-бы назвать заимствованіемъ, если-бы не препятствовало тому отсутствіе фактовъ, свидѣтельствующихъ о знакомствѣ его съ сочиненіями этого философа. По ученію Бруно при своемъ рожденіи душа наша является не *tabula rasa* или, какъ онъ выражается, пустою комнатою, но прежде всякаго опыта ей врождены сѣмена божественныхъ истинъ и научнаго познанія. Однако же идеи всеобщаго и необходимаго познанія врождены человѣческой душѣ не въ видѣ готовыхъ представленій, но въ формѣ зародышей или потенцій, которыя путемъ развитія должны постепенно доходить до яснаго ихъ сознанія и развиваться въ необходимыя и универсальныя истины. Жизнь развиваетъ эти зародыши или принципы божественныхъ истинъ, опытъ оплодотворяетъ и орошаетъ ихъ, а спекулятивное мышленіе приводитъ въ зрѣлость. Развивая эти первоначально насажденные въ духѣ зародыши истины, человѣкъ (последовательно переходя отъ сложнаго и частнаго къ простому, единому и универсальному), доходитъ до научнаго познанія и до абсолютнаго источника всякаго бытія и всякой истины. М. Д. М.—въ «Философскія воззрѣнія Джордано Бруно и вліяніе ихъ на новую философію». «Правосл. Обозр.» за 1887 г. Май—Іюнь; стр. 40.

чательную свою опредѣленность получила, какъ извѣстно, въ философіи Декарта.

По ученію Декарта всѣ идеи и истины, которыя заключаютъ въ себѣ понятіе о чемъ-либо сверхчувственномъ и необходимомъ, находятся въ душѣ человѣка первоначально, независимо отъ опыта; онѣ насаждены въ насъ или врождены нашему духу. Опытъ и размышленіе служатъ лишь содѣйствующими причинами и поводами къ тому, чтобы онѣ сознавались нами. Но такъ какъ эти идеи, будучи нами признаны, представляются намъ ясно и раздѣльно, то въ силу этого признаваемого Декартомъ критерія истины, мы съ непоколебимою увѣренностію сознаемъ и то, что имъ принадлежитъ объективная истина. Въ числѣ этихъ врожденныхъ идей первое мѣсто занимаетъ идея о Богѣ. «Подъ именемъ Бога», говоритъ Декартъ, «я понимаю субстанцію безконечную, вѣчную, неизмѣняемую, независимую, всевѣдующую, всемогущую, которою какъ я, такъ и всѣ другіе существа... сотворены и произведены». Что касается до «способа, какимъ мы приобретаемъ идею о Богѣ», то послѣ критическаго изслѣдованія всѣхъ возможныхъ способовъ возникновенія ея въ нашемъ духѣ, Декартъ приходитъ къ такому заключенію: «Я не получилъ этой идеи путемъ чувствъ, такъ какъ она никогда не представляется мнѣ противъ моего ожиданія, какъ это бываетъ съ обыкновенными идеями чувственныхъ предметовъ, когда эти предметы представляются органамъ внѣшнихъ чувствъ; она не можетъ быть также чистымъ произведеніемъ или фикціею моего духа, такъ какъ не въ моей власти выдумать ея содержаніе, прибавить въ ней что либо или убавить. Слѣдовательно, не остается ничего болѣе сказать какъ то, что эта идея врождена мнѣ и произведена вмѣстѣ со мною съ тѣхъ поръ какъ я сотворенъ.... И по-истинѣ не должно казаться страннымъ, что Богъ, создавая меня, вложилъ въ мой духъ эту идею такъ, чтобы она служила какъ бы знакомъ (клеймомъ) подобнымъ тому, какой художникъ отпечатываетъ на своемъ произведеніи» ¹⁾.

¹⁾ Oeuvres de Descartes. Ed. p. J. Simon. 1860. Medit. III. p. 92—96.

Встрѣченная вскорѣ послѣ своего появленія сильными возраженіями не только со стороны англійскихъ эмпириковъ, но и послѣдователей схоластической философіи, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія Аристотеля на происхожденіе всѣхъ нашихъ познаній изъ опыта, теорія Декарта, какъ извѣстно, нашла себѣ новаго и сильнаго защитника въ лицѣ Лейбница. Соглашаясь, что теорія врожденныхъ идей, въ томъ видѣ, какой она получила у послѣдователей Декарта, могла имѣть нѣкоторые недостатки и оправдывая съ этой стороны возраженія противъ нея эмпириковъ ¹⁾, онъ тѣмъ не менѣе со всею силою отстаиваетъ сущность этой теоріи,—не эмпирическое происхожденіе основныхъ понятій нашего разума,—въ числѣ ихъ и понятія о Богѣ. Лейбницъ находитъ неоспоримымъ, что существуютъ въ нашей душѣ истины и положенія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ чувственностію и которыя, какъ скоро онѣ признаны, представляются нашему разуму съ непосредственною очевидностію, въ чемъ и у него состоитъ критерій ихъ истины. Характеристическимъ признакомъ такого рода истинъ (напр. логическихъ, математическихъ) служитъ ихъ необходимость и принудительность для нашего познанія; эти свойства не могутъ быть сообщены опытомъ, идущимъ путемъ индукціи и достигающимъ только знаній вѣроятныхъ. Хотя и этого рода умозрительныя истины могутъ быть нами познаваемы при помощи опыта и на опытѣ, но по существу своему онѣ отличны отъ истинъ опыта и независимы отъ него. Къ числу ихъ принадлежитъ и идея о Богѣ; хотя въ нашемъ сознаніи она можетъ выступать при помощи преданія и наученія, но въ существѣ своемъ она принадлежитъ исключительно разуму и составляетъ, въ числѣ другихъ истинъ, самую природу его ²⁾.

¹⁾ Полемику Локка противъ врожденныхъ идей Лейбницъ объясняетъ похвальнымъ стремленіемъ этого философа положить конецъ предразсудкамъ и заблужденіямъ «Онъ думалъ бороться противъ глупости и поверхностности тѣхъ, кои подъ предлогомъ, что представленія врождены намъ и что въ умѣ самую природою начертаны извѣстныя истины, съ которыми мы безъ труда соглашаемся, не хотѣя брать на себя трудъ изслѣдовать и изыскивать источника соотношенія и достовѣрности этихъ познаній и представленій». *Neue Abhandlungen über d. Menschl. Verstand.* Ed. v. Schaavschmidt; p. 39.

²⁾ *Neue Abhandlungen*; p. 41, 42 и др.

Поддержанное авторитетомъ такого первостепеннаго мыслителя, какъ Лейбницъ, ученіе о врожденности идей съ идеею Божества включительно до самыхъ временъ Канта было господствующимъ у всѣхъ философовъ, нераздѣлявшихъ эмпирической теоріи познанія Локка и Юма. Въ самой Англии защити этой теоріи приняла на себя, такъ называемая, Шотландская школа. Особенно Дюгальдъ-Стюартъ противъ Локка старался доказать ту мысль, что въ нашей душѣ находятся понятія, которымъ не соотвѣтствуютъ ни качества вещей, ни операціи нашего духа и кои поэтому не могутъ происходить ни изъ опыта, ни изъ рефлексіи. Къ числу такихъ понятій принадлежить и идея о Богѣ.

Со времени Канта, въ своей Критикѣ чистаго разума давшаго совершенно новую постановку вопросу о происхожденіи и значеніи основныхъ понятій нашего разума, теорія врожденныхъ идей, повидимому, теряетъ свой кредитъ въ философіи, уступая мѣсто другимъ теоріямъ нашего познанія, какъ раціональнаго, такъ и эмпирическаго направленія. Но въ сущности упадокъ этой теоріи касается болѣе терминологіи и той формы, какую она имѣла у Декарта и Лейбница, чѣмъ основной ея мысли,—не выводимости коренныхъ понятій нашего разума изъ опыта. Въ самомъ дѣлѣ, между названіемъ: «врожденные идеи» и между введеннымъ Кантомъ и вошедшимъ во всеобщее употребленіе выраженіемъ: «понятія и идеи a priori принадлежащія нашему разуму», различіе не такъ важно, какъ кажется. Различіе лишь въ томъ, что Декартъ и Лейбницъ, называя идеи врожденными, прямо и ясно указывали на первую причину ихъ происхожденія, говоря напр., что идея о Богѣ врождена или впечатлѣна въ насъ Богомъ, тогда какъ новѣйшіе раціоналисты, признавая извѣстнаго рода понятія и идеи априорными, совершенно устраняютъ вопросъ объ ихъ первоначальномъ источникѣ, отказываясь, вмѣстѣ съ Кантомъ, рѣшать вопросъ, почему природа нашего разума устроена такъ, а не иначе. Не думаемъ, чтобы можно было здѣсь видѣть какое-либо преимущество послѣ-кантовскаго априоризма предъ Декарто-Лейбницевою врожденностію.

Чтобы безпристрастнѣе оцѣнить эту имѣвшую и можно

сказать имѣющую и до сихъ поръ значеніе въ философскомъ мірѣ теорію врожденныхъ идей въ примѣненіи ея къ объясненію происхожденія идеи о Богѣ, мы должны отличить въ ней двѣ стороны: отрицательную и положительную. Первая, которая имѣла и имѣетъ до сихъ поръ существенное значеніе для философіи, состоитъ въ ученіи, что идея о Богѣ не можетъ происходить ни изъ опыта, ни изъ рефлексій надъ данными опыта, но есть, какъ выражаются нынѣ, а ргіогі принадлежащая нашему уму идея. Вторая—имѣетъ въ виду объяснить самый фактъ апіорности ея понятіемъ врожденности.

Первое положеніе и было, какъ извѣстно, главнымъ пунктомъ, на которомъ сосредоточивались самыя ожесточенныя нападенія и возраженія защитниковъ эмпирической теоріи познанія, начиная Локкомъ и кончая новѣйшими послѣдователями этой теоріи. Здѣсь мы не станемъ входить въ подробное обсужденіе этихъ возраженій, такъ какъ, что касается до идеи о Богѣ, онѣ во многомъ совпадаютъ съ возраженіями направленными противъ врожденныхъ понятій вообще,—возраженій, несостоятельность которыхъ мы имѣли случай указать, говоря объ эмпирической теоріи познанія ¹⁾. Въ сущности эти возраженія сводятся къ тремъ слѣдующимъ: 1) Если-бы идея о Богѣ была врождена намъ, то она должна-бы сознаваться человѣкомъ ясно уже на самыхъ первыхъ порахъ его развитія.

«Я не понимаю», говоритъ Локкъ, «какимъ образомъ что либо можетъ быть врожденнымъ или напечатлѣннымъ въ нашей душѣ безъ того, чтобы не быть замѣченнымъ ею. Быть въ умѣ и не быть сознаваемымъ, быть въ душѣ и не быть замѣчаемымъ,—это значитъ тоже, будто въ душѣ существуетъ нѣчто и не существуетъ ²⁾. Но на опытѣ мы не замѣчаемъ идеи о Богѣ у младенцевъ и дѣтей, напротивъ, ясно видимъ, что она образуется въ человѣкѣ мало по-малу, путемъ-ли то наученія или собственнаго размышленія. 2) Если-бы идея о Богѣ была врождена или напечатлѣна въ насъ Богомъ, то въ силу

¹⁾ Метафизическій анализъ рациональнаго познанія „Вѣра и Разумъ“ за 1857 г. № 11-й.

²⁾ *Essai philos. concernant l'entendement humaine. Trad. n. Iost. 2 Ed. 13. 1. § 4.*

такого своего происхожденія она не только должна-бы ясно сознаваться всѣми людьми, но и быть однородною у всѣхъ, истинною и правильною идею. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Опытъ показываетъ намъ безчисленное множество религиозныхъ представленій, большею частію ложныхъ и бессмысленныхъ, что и указываетъ на чисто человѣческое ихъ происхожденіе. 3) Наконецъ, если-бы идея о Богѣ была намъ врождена, то она должна-бы быть признаваема всѣми людьми безъ исключенія, какъ коренная принадлежность ихъ природы. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ полное отсутствіе этой идеи у многихъ дикихъ племенъ не знающихъ религіи, у многихъ лицъ въ частности, каковы напр. матеріалисты и атеисты.

Но всѣ эти возраженія, впервые выставленныя Локкомъ и затѣмъ до нашего времени повторяемыя противниками ученія о врожденныхъ идеяхъ ¹⁾, въ сущности основываются на намѣренномъ или ненамѣренномъ непониманіи этого ученія, какъ будто защитники его отстаиваютъ ту мысль, что намъ врождено именно ясное, правильное и опредѣленное понятіе о Богѣ, (въ родѣ того, напр., какое даетъ въ своемъ опредѣленіи идеи Божества Декартъ), а не основные только элементы, служащіе къ образованію такого понятія. Что касается до Декарта, то при неопредѣленности его ученія о врожденныхъ идеяхъ, возраженія Локка противъ этого ученія могли имѣть нѣкоторое основаніе ²⁾. Но они теряютъ всякое значеніе, какъ скоро мы станемъ признавать врожденнымъ не какое-либо опредѣленное *понятіе* о Богѣ, въ которомъ ясно выражается участіе самодѣятельности нашего разума, и не какое-либо опре-

¹⁾ См. на стр. Büchner, Kraft und Stoff 1864, г. 185—196.

²⁾ Хотя на самомъ дѣлѣ болѣе внимательное изученіе сочиненій Декарта показываетъ, что онъ не думалъ почитать врожденною идею о Богѣ въ смыслѣ того опредѣленнаго понятія, о которомъ онъ говоритъ въ своихъ *Meditationes*. „Ребенокъ“, говоритъ онъ, „хотя имѣетъ врожденные идеи, но только въ возможности. Я не предполагалъ, что умъ младенца еще въ утробѣ матери размышляетъ о вещахъ метафизическихъ... Онъ имѣетъ идею о Богѣ, о самомъ себѣ и о всѣхъ тѣхъ истинахъ, которыя очевидны сами по себѣ, также, какъ имѣютъ ихъ взрослые, когда не думаютъ о томъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что идеи врождены намъ, подобно тому какъ нѣкоторымъ людямъ врождены извѣстныя душевныя качества, напр. великодушіе, или инымъ извѣстнаго рода болѣзнь,—именно, какъ предрасположенія или способности. Gutberlet. *Psychologie*. 1881 г. 139.

дѣленное *представленіе* о немъ, въ которомъ видны слѣды дѣятельности воображенія, но именно *идею* о Богѣ, какъ нѣкоторое апріорное начало, возбуждающее дѣятельность нашего ума къ произведенію различныхъ представлений и понятій о Богѣ.

Что касается до того мнѣнія эмпириковъ, что идея о Богѣ, если-бы была врождена намъ, то должна-бы сознаваться нами ясно уже на первыхъ порахъ нашей жизни, то это требованіе противорѣчитъ опыту. Опытъ показываетъ, что въ нашей душѣ могутъ находиться различныя элементарныя понятія и познанія въ несознанномъ видѣ. Не говоримъ уже объ обычномъ фактѣ храненія въ нашей душѣ множества образованныхъ нами понятій и представлений, которыя выступаютъ въ нашемъ сознаніи или въ слѣдствіе намѣреннаго припоминанія ихъ, или случайно по ассоціаціи идей и подъ вліяніемъ внѣшнихъ мотивовъ. То обстоятельство, что идея о Богѣ не составляетъ продуктъ собственной нашей умственной дѣятельности, но предполагается врожденною Богомъ, само по себѣ нисколько не можетъ служить препятствіемъ, чтобы, будучи не сознаваемою въ началѣ, она не могла выйти на свѣтъ сознанія въ послѣдствіи при извѣстныхъ, зависящихъ отъ законовъ развитія человѣческой природы, условіяхъ. Вѣдь тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно другихъ апріорныхъ элементовъ нашего познанія, которые также несомнѣнно существуютъ въ душѣ въ элементарной и бессознательной формѣ и только въ послѣдствіи мало по-малу выступаютъ на свѣтъ сознанія въ видѣ опредѣленныхъ понятій. Не видимъ-ли мы, что еще въ дѣтствѣ каждый человѣкъ въ своемъ мышленіи несомнѣнно руководится логическими законами тождества, противорѣчія, достаточнаго основанія, очень хорошо различаетъ причину отъ дѣйствія, понимаетъ, что такое качество, утвержденіе, отрицаніе и т. п.; но, въ тоже время, можно ли сказать, что онъ сознаетъ или замѣчаетъ тѣ законы, по которымъ мыслить или имѣть опредѣленные понятія о качествахъ, количествахъ, причинахъ, дѣйствіи и пр. Эти понятія, какъ сознательныя, образуются послѣ продолжительной рефлексіи надъ содержаніемъ нашего познанія и во всей ихъ ясности составляютъ достойнѣе не многихъ теоретически раз-

витыхъ умовъ. Тоже самое должно сказать и относительно идеи о Богѣ. Существовая въ элементарномъ и бессознательномъ видѣ уже на самыхъ первыхъ порахъ нашей жизни, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи она подчиняется общимъ законамъ психической жизни и становится сознательною лишь тогда, когда получаютъ характеръ сознательности и всѣ прочія проявленія умственной и нравственной природы человѣка.

Нельзя также признать справедливымъ и того требованія эмпириковъ, чтобы идея о Богѣ (въ случаѣ ея врожденности) была одинаковымъ у всѣхъ, вполне правильнымъ и яснымъ понятіемъ. Защитники врожденныхъ идей никогда не утверждали и не могли утверждать той противорѣчащей опыту мысли, будто эти идеи вложены въ насъ механически, какъ готовые, опредѣленные и неизмѣнные понятія. Они всегда допускали въ дѣлѣ раскрытія ихъ участіе всѣхъ тѣхъ внутреннихъ и внешнихъ условій, которыя вообще имѣютъ мѣсто въ дѣлѣ развитія нашего познанія. Но какъ скоро это допущено, то вмѣстѣ съ этимъ очевидно допущена и возможность крайняго разнообразія религіозныхъ понятій и даже заблужденій, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто и относительно всѣхъ другихъ нашихъ апріорныхъ понятій. Вѣдь и логическіе законы мысли врождены намъ и сами по себѣ обладаютъ характеромъ правильности, однообразія и неизмѣнности; однако же это не препятствуетъ постояннымъ отклоненіямъ отъ нихъ, заблужденіямъ и даже разнообразію въ пониманіи смысла и значенія самыхъ этихъ законовъ. Тоже можно сказать и относительно коренныхъ законовъ нравственной жизни; основныя правила нравственности въ существѣ тождественны у всѣхъ людей и составляютъ апріорное достояніе человѣческой природы; но на дѣлѣ въ раскрытіи и примѣненіи этихъ правилъ къ частнымъ случаямъ, даже въ самомъ пониманіи этихъ правилъ, мы встрѣчаемъ значительное разнообразіе. Такъ и свѣтъ идеи о Богѣ, преломляясь сквозь призму нашего сознанія, необходимо окрашивается различными цвѣтами и получаетъ различныя отбѣнки сообразно съ индивидуальными особенностями человѣка¹⁾.

¹⁾ Не упоминаемъ здѣсь объ особенной причинѣ, которая можетъ имѣть мѣсто при объясненіи крайняго разнообразія религіозныхъ понятій въ человѣчествѣ. Эту

Особенную силу для опроверженія врожденности идеи о Богѣ эмпирики всегда полагали въ указаніи на факты отсутствія этой идеи какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у многихъ племенъ человѣческаго рода. Такого рода факты, по ихъ мнѣнію, были-бы необъяснимы, если-бы идея о Богѣ составляла дѣйствительно коренную принадлежность человѣческой природы, была врождена намъ. Но подобнаго рода указанія далеко не имѣютъ того значенія, какое имъ думаютъ приписывать, станемъ-ли разсматривать ихъ съ фактической или логической стороны. Вопреки увѣреніямъ эмпириковъ, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ показаній путешественниковъ и этнографовъ мы должны признать всеобщность религіи въ человѣческомъ родѣ. Что касается до мнимо противорѣчающихъ этому признанію фактовъ, то они легко объясняются или недостаткомъ наблюдательности у лицъ, сообщающихъ эти факты, или ихъ тенденціозностію или, что всего чаще, смѣшеніемъ религіозной идеи съ внѣшними формами ея обнаруженія, при чемъ отсутствіе у извѣстнаго племени послѣднихъ (напр. идоловъ, жертвоприношеній, храмовъ) принималось за доказательство отсутствія у него самой идеи о Богѣ ¹⁾. Но всего важнѣе для насъ то, что даже при предполагаемой относительной вѣрности нѣкоторыхъ фактовъ безрелигіозности того или другаго племени, эти факты не могутъ имѣть того, опровергающаго врожденность идеи о Богѣ значенія, какое имъ придаютъ. Положимъ, были или есть какія нибудь мелкія племена, у которыхъ при всемъ стараніи мы не открыли-бы никакихъ слѣдовъ религіозности; во всякомъ случаѣ число и значеніе этихъ племенъ, въ сравненіи съ огромнымъ числомъ племенъ и народовъ, признающихъ бытіе Божества, такъ ничтожно, что подобное явленіе, по всей справедливости, можно назвать исключеніемъ изъ общаго закона, которое нужно

причину указываетъ намъ христіанская религія, говоря намъ о паденіи челоѣка и поврежденіи его природы; такое поврежденіе съ особенною силою должно было сказаться именно въ религіозной области, только косвенно касаясь другихъ сторонъ познавательной дѣятельности челоѣка.

1) Подробнѣе о всеобщности религіи въ человѣческомъ родѣ см. въ нашей статьѣ: «Историческое доказательство бытія Божія». «Правосл. Обзоръ», за 1881 г. Январь.

объяснить, но которое мы не вправѣ дѣлать основаніемъ для заключенія о случайномъ происхожденіи идеи о Богѣ. Такое объясненіе мы и найдемъ въ томъ, что эти племена стоятъ на самомъ низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія. Чѣмъ-бы ни объясняли этотъ низкій уровень,—деградациею этихъ племенъ или духовнымъ младенчествомъ ихъ, во всякомъ случаѣ отсутствіе или, точнѣе сказать, крайнее ослабленіе въ нихъ религіознаго чувства будетъ понятно безъ необходимости отказывать человѣческой природѣ вообще въ одной изъ самыхъ характеристическихъ ея особенностей. Если это деградация, то она также мало доказываетъ отсутствіе въ человѣкѣ вообще религіозной идеи, какъ примѣры крайняго разстройства умственныхъ способностей (напр. въ идиотизмѣ) могутъ служить доказательствомъ, что разумъ вовсе не есть какая либо всеобщая и отличительная принадлежность природы человѣка. То ненормальное явленіе болѣзненнаго упадка умственныхъ способностей, оживотнѣнія, такъ сказать, человѣка, которое, какъ исключеніе, встрѣчается у отдѣльныхъ лицъ, можетъ имѣть мѣсто и среди цѣлыхъ племенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ слѣдствіе различныхъ неблагоприятныхъ условій, могутъ дойти до полной почти утраты наиболѣе характеристическихъ отличій человѣка отъ животныхъ. Если-же, какъ полагаютъ нѣкоторые, состояніе дикарей есть состояніе не деградации и упадка человѣческой природы, но состояніе младенчества ея и естественной неразвитости, то и здѣсь отсутствіе религіозности, какъ одно изъ проявленій этой неразвитости, также мало можетъ служить возраженіемъ противъ всеобщности или необходимости идеи о Богѣ, какъ и вообще отсутствіе въ младенчествѣ замѣтныхъ обнаруженій высшей духовной природы человѣка: разума и свободы. У младенца мы не замѣчаемъ самосознанія, мышленія, дара слова,—но слѣдуетъ-ли отсюда, что законы мышленія не приращены человѣку или что даръ слова есть случайная, а не существенная принадлежность человѣческой природы?

Еще менѣе можетъ служить возраженіемъ противъ врожденности идеи о Богѣ фактъ отрицанія истины бытія Божія многими лицами, каковы атенсты. Этотъ фактъ не можетъ го-

ворить противъ всеобщности религіозной идея уже по тому самому, что мы здѣсь видимъ сознательное отрицаніе прежде извѣстной и находившейся въ душѣ истины; а такое отрицаніе предполагаетъ предшествующее существованіе отрицаемаго факта. Правда, говоря объ атеистахъ, имѣютъ въ виду не столько опровергнуть фактъ всеобщности религіозной идеи (потому что во всякомъ случаѣ число атеистовъ ничтожно въ сравненіи съ массой людей вѣровавшихъ и вѣрующихъ въ Бога), сколько ея необходимость. Самое существованіе атеистовъ, говорятъ, служитъ уже доказательствомъ, что идея о Богѣ не принадлежитъ къ числу необходимыхъ, природныхъ или врожденныхъ понятій; иначе она не могла-бы быть и отрицаема ¹⁾. Но говоря это, забываютъ, что человѣческій разумъ обладаетъ неограниченною свободою не только познавать истину, но и заблуждаться, и что въ силу этой свободы онъ можетъ отвергать самыя очевидныя и необходимыя истины нашего сознанія, самыя ясныя факты опыта. Что такое теоретическое отрицаніе самыхъ коренныхъ и, повидимому, неоспоримыхъ истинъ нашего сознанія возможно, примѣры тому видимъ въ исторіи нашего мышленія. Не видимъ-ли мы, что идеализмъ отрицаетъ самое существованіе чувственнаго міра и видитъ въ немъ феноменъ нашего сознанія? Развѣ не отрицаетъ скептикъ достовѣрности всѣхъ нашихъ познаній, достовѣрность даже коренныхъ, логическихъ законовъ мышленія? Не отрицается-ли часто очевидный фактъ свободной дѣятельности и сознаніе себя свободнымъ не объявляется-ли чистымъ психологическимъ миражемъ и т. п.? Почему-же не можетъ быть отрицаема и существенно принадлежащая нашему разуму идея о Богѣ,—тѣмъ болѣе, что къ отрицанію ея ведутъ не только чисто теоретическіе мотивы, какъ въ указанныхъ нами случаяхъ, но къ сожалѣнію и многія другія ненормальныя условія нравственной жизни.

Такимъ образомъ теорію врожденности идеи о Богѣ мы можемъ признать вполне обезпеченною отъ возраженій эмпири-

---

¹⁾ Такого мнѣнія держится напр. Lange. *Geschichte d. Materialismus*. 1874. 2. 13. p. 56.

ковъ; и если-бы вся задача этой теоріи ограничилась только доказательствомъ апріорнаго, независимаго отъ опыта характера этой идеи, утвержденіемъ ея всеобщности и необходимости, то мы могли-бы признать ее вполне удовлетворительною. Но если мы обратимъ вниманіе на положительную ея сторону, на ближайшее объясненіе способа возникновенія этой апріорной идеи въ нашемъ умѣ, то эта теорія окажется недостаточною и вызывающею разнаго рода недоумѣнія.

Идея о Богѣ врождена намъ. Но на опытѣ мы встрѣчаемъ не одну идею о Богѣ, но множество очень разнообразныхъ представленій о Немъ, по большей части ложныхъ и неудовлетворительныхъ. Но если онѣ не могутъ быть всѣ и безразлично врождены намъ, то естественно рождается вопросъ: что въ нихъ должно признавать дѣйствительно первоначальнымъ и природнымъ и что должно быть отнесено на счетъ субъективныхъ примѣсей и искаженій? Что собственно понимать подъ тою идеею, которая врождена намъ?

Но въ рѣшеніи этого вопроса и сказывается неудовлетворительность разсматриваемой нами теоріи. Декартъ подъ именемъ идеи о Богѣ, какъ извѣстно, разумѣлъ полное и опредѣленное понятіе о немъ. «Подъ именемъ Бога», говоритъ онъ, «я понимаю субстанцію безконечную, вѣчную, неизмѣняемую, независимую, всевѣдущую, всемогущую, которою какъ я, такъ и другія существа сотворены и произведены»... идея о такой субстанціи «рождена и произведена вмѣстѣ со мною» ¹⁾. Но предполагать врожденнымъ такое раздѣльное и точное понятіе о Богѣ, какое даетъ здѣсь Декартъ, значило-бы противорѣчить ясному свидѣтельству опыта. Понимая врожденную идею въ смыслѣ вѣрнаго *понятія* о Богѣ, Локкъ и другіе эмпирики были правы, когда замѣчали, что *такой* идеи вовсе нѣтъ у большей части людей, что у многихъ понятія о Богѣ представляются далеко не соотвѣтствующими опредѣленію Декарта, темными, часто ложными.

Силы этого возраженія не могли не признать защитники теоріи врожденности идеи о Богѣ. Они должны были уступить

¹⁾ Descartes Oeuvres. Ed. p. I. Simon, 1860 Medif. III p. 92—96.

своимъ противникамъ и согласиться, что врожденная идея о Богѣ не есть одно и тоже, что *понятіе* о немъ. Что-же она такое? Очевидно, она не можетъ быть и *представленіемъ* о Богѣ, потому что хотя представленіе есть первая и болѣе первоначальная форма познанія о Богѣ, чѣмъ понятіе, тѣмъ не менѣе и въ ней можетъ быть даже больше, чѣмъ въ понятіи, замѣтны слѣды дѣятельности человѣческой познавательной силы—воображенія. Итакъ, чтобы найти первоначальную и истинно врожденную идею, защитникамъ разсматриваемой нами теоріи не оставалось ничего болѣе, какъ отсѣкать отъ понятія о Богѣ все опредѣленное, разнообразное, частное,—все, въ чемъ сказывалась-бы работа человѣческой мысли и воображенія и въ чемъ можно-бы замѣтить слѣды самодѣятельнаго участія нашей познавательной силы. Но продолжая процессъ выдѣленія самаго общаго и первоначальнаго во всѣхъ людяхъ, по отношенію къ познанію о Богѣ, о чемъ несомнѣнно можно-бы сказать, что оно не пріобрѣтено, а врождено, увидѣли, что и самая идея мало по-малу утончалась и испарялась. За выдѣленіемъ всего конкретнаго, оставалось признать врожденнымъ что-то очень неопредѣленное и темное, не имѣющее почти никакого положительнаго содержанія. Въ слѣдствіе этого, защитники теоріи врожденности идеи о Богѣ дали такую постановку своему ученію, что эта идея не есть какое либо врожденное представленіе или понятіе о Богѣ, но только *зародышъ, зерно* или *сѣмя* всего этого. Но такого рода аналогическія объясненія сущности врожденной идеи о Богѣ едва ли могутъ быть удовлетворительны для точнаго мышленія. Мы понимаемъ здѣсь только то, что первоначальная идея о Богѣ также не похожа на послѣдующее понятіе о немъ, какъ зерно на разившееся растеніе, какъ зародышъ на происшедшій изъ него организмъ. Но въ чемъ состоитъ эта элементарная, зародышная форма идеи о Богѣ—мы попрежнему остаемся въ недоумѣніи. Недоумѣніе наше возрастаетъ, когда вспомнимъ, что изъ однороднаго зерна идеи о Богѣ здѣсь вырастаетъ безчисленное множество разнообразныхъ и другъ на друга непохожихъ представленій о немъ, что уже совершенно противорѣчитъ допускаемой здѣсь аналогіи съ органическимъ міромъ.

гдѣ зерно или зародышъ производятъ вполне однородныя растенія и животныхъ съ незначительными лишь индивидуальными отличіями. Во всякомъ случаѣ, сравнивающіе идею о Богѣ съ сѣменемъ или зерномъ обязаны были указать точнѣе и опредѣленнѣе тѣ внѣшнія и внутреннія условія, которыя имѣли столь могущественное вліяніе на видоизмѣненіе первоначальной идеи. Въ виду этихъ недоумѣній, многіе защитники теоріи врожденности идутъ еще далѣе по пути уступокъ содержанія идеи о Богѣ. Врожденная идея не есть какое-либо опредѣленное понятіе даже въ зародышной ея формѣ. Она есть присущая нашему уму возможность или *способность* образовать понятіе о Богѣ, по мнѣнію однихъ; врожденное *стремленіе* къ безконечному, по опредѣленію другихъ; или еще иначе—идея есть *потребность* ума, побуждающая разумъ къ приобрѣтенію познаній о Богѣ.

Но кто не видитъ, что съ такимъ низведеніемъ идеи о Богѣ на степень потенціи, способности, стремленія, потребности и т. п., исчезаетъ и самый смыслъ ученія о ея врожденности, какъ положительной теоріи, имѣющей въ виду объяснить ея происхожденіе? Что у человѣка есть врожденное стремленіе образовать представленія и понятія о Богѣ, что у него есть потребность и возможность производить такія понятія,—это такая общая, неопредѣленная и даже двусмысленная истина, противъ которой не станетъ спорить даже рѣшительный эмпирикъ. Съ нею можетъ согласиться даже тотъ, кто, не признавая истины идеи о Богѣ, почитаетъ ее субъективнымъ произведеніемъ нашей мысли или фантазіи. И Фейербахъ и Контъ могутъ допустить, что на извѣстной стадіи умственнаго развитія въ человѣкѣ есть необходимое стремленіе или побужденіе образовать религіозныя понятія, представлять Божество. Но дѣло не въ томъ, есть ли въ насъ врожденное или природное стремленіе образовать такія понятія, но въ томъ, *какъ* онѣ образуются и какое значеніе имѣютъ. А теорія врожденныхъ идей, какъ скоро назвала идею о Богѣ одно неопредѣленное стремленіе къ сверхчувственному, ничего объ этомъ не говоритъ; она не говоритъ, какъ осуществляется это стремленіе, достигаетъ-ли оно и какъ своей

цѣли,—и мы при изслѣдованіи происхожденія идеи о Богѣ стоимъ при началѣ пути, на вопросѣ, тогда какъ ожидали отвѣта. Вообще при той постановкѣ теоріи врожденныхъ идей, о которой мы говорили, въ ней заключается недоразумѣніе и неправильность въ выраженіи. Имѣя въ виду смыслъ этой теоріи, правильнѣе и точнѣе мы должны-бы сказать, что намъ врождены не идеи, а способность идей, т. е. умъ или способность къ познанію сверхчувственнаго. Но признавая способность познавать сверхчувственное принадлежностію нашей природы, и въ этомъ смыслѣ врожденною намъ, мы этимъ нисколько не рѣшаемъ еще вопроса, какимъ образомъ при помощи этой способности мы получаемъ дѣйствительное познаніе о Богѣ, какимъ образомъ при помощи ума приобрѣтаемъ идею о немъ?

Указавъ недостатки теоріи врожденности идеи о Богѣ, мы тѣмъ самымъ приблизились къ новому рѣшенію вопроса о дѣйствительномъ источникѣ этой идеи. Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи эта теорія сводится къ тому, что признаетъ существованіе въ нашемъ духѣ стремленія къ Божеству и способности познавать его,—въ этомъ признаніи заключается ея истинная сторона. Но стремленіе къ предмету не можетъ еще дать намъ самаго предмета; способность къ познанію не можетъ произвести предмета познанія изъ самой себя. Чтобы она могла стать способностію реальною познанія, а не одною только неопредѣленною возможностью (потенціею) познавать, нужно допустить дѣйствіе или впечатлѣніе на эту способность реального предмета, который служилъ бы содержаніемъ познанія. Такимъ объектомъ, вполне соответствующимъ нашей идеѣ о Богѣ, можетъ быть только самъ Богъ.

Итакъ мы переходимъ теперь къ тѣмъ теоріямъ происхожденія идеи о Богѣ, которыя первоначальный источникъ ея видятъ въ непосредственномъ дѣйствіи Божества на нашъ духъ. Такое дѣйствіе въ свою очередь можетъ быть понимаемо нами двоякимъ способомъ: или какъ однократное, совершившееся въ какой-либо одинъ моментъ жизни рода человеческого, при чемъ идея о Богѣ, возникшая этимъ способомъ,

сохранялась за тѣмъ и передавалась тѣмъ же путемъ наученія и исторической традиціи, какимъ передаются и другія, открытыя человѣкомъ познанія и истины; или какъ постоянно продолжающее и служащее постояннымъ внутреннимъ источникомъ какъ нашего религіознаго познанія, такъ и религіозной жизни. То и другое воззрѣнія лежатъ въ основаніи двухъ теорій происхожденія идеи о Богѣ: *традиціонализма и мистицизма*.

2. Традиціонализмъ есть столько же религіозная сколько и философская теорія, такъ какъ причиною ея возникновенія была кажущаяся невозможность согласить съ началами и требованіями христіанской религіи другія теоріи происхожденія идеи о Богѣ,—преимущественно Декартовскую теорію врожденныхъ идей. Уже при первомъ своемъ появленіи эта теорія была враждебно встрѣчена послѣдователями схоластической философіи,—такое отношеніе къ ней продолжается и до настоящаго времени въ кругу философовъ строго католическаго направленія. Главная причина вражды ихъ не только противъ теоріи Декарта, но и противъ всѣхъ другихъ теорій, согласныхъ съ нею въ принципѣ—въ признаніи апріорнаго характера идеи о Богѣ, заключается въ сильномъ, до сихъ поръ продолжающемся вліяніи на католическихъ философовъ известнаго средневѣковаго богослова и философа Тома Аквината, въ своихъ гносеологическихъ воззрѣніяхъ слѣдовавшаго Аристотелю и отвергавшаго врожденныя идеи ¹⁾. Къ этому присоединился опасенія раціонализма и деизма будто-бы послѣдова-

---

¹⁾ Тома Аквинатъ рѣшительно вооружается противъ какихъ-бы то ни было врожденныхъ понятій. Онъ утверждаетъ, что все наше познаніе происходитъ изъ чувственныхъ воззрѣній при помощи абстракціи содержащагося въ этихъ воззрѣніяхъ и представленіяхъ общаго. Наивысшія понятія и начала нашего разума не составляютъ исключенія; ничего не врождено человѣку кромѣ его собственнаго существа; поэтому только о себѣ самомъ человѣкъ можетъ имѣть познаніе безъ чувственныхъ представленій. Но и въ этомъ отношеніи онъ можетъ имѣть понятіе только о собственномъ существованіи, но не о самой своей природѣ. (Мѣста изъ Тома Аквината, сюда относящіеся, приведены у W. Rosenkrans въ его, *Wissenschaft des Wissens*, 213. 1868. 266—269). Философія Тома Аквината, какъ извѣстно, официально рекомендована нынѣшнимъ папою Львомъ XIII, какъ руководство при преподаваніи и изученіи философіи въ католическомъ мірѣ.

тельно вытекающихъ изъ признанія врожденности идеи о Богѣ. Въ самомъ дѣлѣ, говорили они, если источникъ понятія о Богѣ и другихъ высшихъ истинъ заключается въ идеяхъ, врожденныхъ человѣческому разуму, то почему въ дѣлѣ религіознаго познанія нельзя ограничиться этимъ однимъ источникомъ? Къ чему нужно какое либо внѣшнее откровеніе и просвѣщеніе духа человѣческаго Духомъ Божественнымъ, если, чтобы достигнуть правильнаго понятія о Богѣ, достаточно углубиться въ самихъ себя, въ свой разумъ, — достаточно извести на свѣтъ сознанія и раскрыть сокрытыя въ насъ самихъ сокровища познанія о сверхчувственномъ? Мало по малу человѣкъ самъ изъ глубины своего разума можетъ произвести тѣ понятія, которыя составляютъ содержаніе положительной религіи. Живая и постоянная связь человѣка съ Богомъ, какъ источникомъ религіознаго познанія, представляется излишнею, а это и утверждаетъ раціоналистическій депзмъ, отрицающій необходимость откровенія.

Подъ вліяніемъ этихъ опасеній большая часть католическихъ философовъ, какъ мы видѣли, предпочитаетъ держаться ученія о чисто раціональномъ происхожденіи идеи о Богѣ, не смотря на указанные недостатки этого ученія. Согласно съ эмпириками они признаютъ, что все наши познанія происходятъ изъ опыта и изъ разсудочной рефлексіи надъ данными опыта. Идея о Богѣ также образуется въ насъ путемъ размысленія и умозаключенія отъ свойствъ бытія ограниченнаго (природы и духа) къ бытію безусловному. Отчасти естественная недостаточность этого пути въ силу ограниченности человѣческаго разума, а еще болѣе поврежденіе этой способности въ слѣдствіе паденія человѣка, дѣлаетъ необходимымъ восполненіе этого недостатка естественнаго богопознанія положительнымъ сверхъестественнымъ откровеніемъ.

Но другіе философы того же направленія, въ виду недостатковъ подобнаго объясненія, ищутъ точекъ сближенія съ тѣми теоріями происхожденія идеи о Богѣ, которыя допускаютъ возможность непосредственнаго дѣйствія Божества на духъ человѣка.

Они вообще признаютъ эту возможность, какъ основанную

на существѣ самой природы человѣка, но допускаютъ ее только въ отношеніи къ нормальному или идеальному человѣку. Естественное откровеніе, по ихъ мнѣнію, могло имѣть мѣсто и фактически осуществилось только въ первобытномъ, совершенномъ состояніи человѣка,—до его паденія. Затѣмъ постоянная возможность такого откровенія, въ слѣдствіе поврежденія человѣка, прекратилась. Дѣйствительное распространеніе религіозныхъ истинъ могло происходить только путемъ преданія, преемственной передачи первоначально полученнаго при помощи откровенія и дополняемаго по временамъ новыми особенными сверхъестественными откровеніями, религіознаго познанія. Эта мысль о происхожденіи религіознаго познанія и составляетъ основу теоріи, такъ называемаго, традиціонализма ¹⁾.

Сущность этой теоріи состоитъ въ слѣдующемъ. Для открытія дѣйствительнаго источника нашихъ религіозныхъ понятій, мы должны обратиться къ опыту. Но опытъ ничего не говоритъ намъ ни о существованіи въ насъ врожденныхъ идей, ни о непосредственномъ общеніи съ Богомъ. Онъ не говоритъ намъ также и того, чтобы мы сами составляли понятіе о Богѣ путемъ логическихъ умозаключеній. Такой способъ происхожденія идеи о Богѣ и по существу своему невозможенъ. До понятія о Богѣ, какъ учитъ Ботень, мы не можемъ достигнуть ни путемъ дедукціи (отъ основанія къ слѣдствію), такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть никакаго высшаго принципа кромѣ самого Бога,—абсолютнаго принципа всякой истины; ни путемъ индукціи (умозаключенія отъ слѣдствія къ основанію), потому что отъ конечнаго, безъ скачка въ мыш-

¹⁾ Защитниками этой теоріи служатъ представители религіозной философіи во Франціи: Ламне, аббатъ Ботень, Бональдъ, Боннети и итальянецъ Вентура. Каждый изъ нихъ представляетъ нѣкоторые своеобразные отѣнки, на основаніи которыхъ дѣлятъ традиціонализмъ на *стройн* и *смиченный*, судя по тому, всѣ ли основныя истины нашего разума производятся изъ первоначальнаго откровенія или только нѣкоторыя важнѣйшія,—правственныя и религіозныя (напр. бытіе Бога, безсмертность и духовность души). Но для нашей цѣли это различіе не имѣетъ значенія, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ происхожденіемъ лишь одной идеи о Богѣ, которую всѣ традиціоналисты согласно производятъ изъ первобытнаго откровенія.

ленія, мы не можемъ заключать къ безконечному. Если за разъясненіемъ вопроса о происхожденіи идеи о Богѣ обратимся къ опыту, то легко убѣдимся, что религіозныя понятія мы получаемъ внѣшнимъ путемъ отъ окружающихъ насъ лицъ, отъ родителей, воспитателей, отъ общества, въ видѣ ли то положительнаго религіознаго ученія или въ видѣ словъ, выражающихъ извѣстныя соединенныя съ ними понятія. Такъ какъ тѣ лица, которыя передали намъ эти понятія, въ свою очередь также не изобрѣли ихъ сами, какъ и мы, но получили по наслѣдству отъ другихъ лицъ и такъ далѣе, то мы, постепенно, восходя отъ однихъ поколѣній къ другимъ, доходимъ наконецъ до перваго человѣка, который очевидно не могъ получить ихъ ни откуда, какъ отъ самого Бога. Это и есть первоначальное откровеніе. Какъ каждый человѣкъ получаетъ понятіе о Богѣ не иначе, какъ внѣшнимъ образомъ, чрезъ передачу ему этого понятія посредствомъ словъ, такъ и первый человѣкъ получилъ его не иначе, какъ посредствомъ слова или рѣчи къ нему Бога. Мысль, идея, понятіе, не иначе могутъ быть восприняты умомъ, какъ въ словѣ и посредствомъ слова; мысль безъ слова, какъ показываетъ опытъ, невозможна. Отсюда, не только понятіе о Богѣ, но и самое слово, въ которомъ заключено оно, происхожденія божественнаго. Языкъ данъ человѣку Богомъ путемъ откровенія, а вмѣстѣ съ нимъ не только религіозныя, но и другія высшія теоретическія и нравственныя понятія. Первоначально данное въ словѣ или вмѣстѣ съ словомъ откровеніе передавалось отъ предковъ къ потомкамъ путемъ того-же слова и внѣшняго наученія. Съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ пороковъ и заблужденій между людьми, содержаніе этого первоначальнаго откровенія мало по-малу забывалось и искажалось; отсюда ложныя религіи и религіозныя заблужденія. Въ слѣдствіе этого оказывалась нужда въ новыхъ откровеніяхъ Божества людямъ. дѣйствительные опыты которыхъ и видимъ въ исторіи истинной религіи ветхозавѣтной и новозавѣтной. Эти откровенія и составляютъ единственный источникъ всѣхъ нашихъ понятій о Богѣ; то, что прибавляетъ къ нимъ разумъ, есть или разъясненіе этихъ понятій или, что бываетъ чаще и примѣры чего

видимъ въ ложныхъ религіяхъ и ложныхъ философскихъ теоріяхъ,—искаженіе ихъ.

Для подтвержденія этой теоріи происхожденія религіозныхъ понятій, защитники ея обращаются къ исторіи философіи и исторіи религій. Подвергая критикѣ существующія философскія понятія о Богѣ, они находятъ ихъ крайне неудовлетворительными; отсюда заключаютъ, что разумъ человѣка самъ по себѣ, безъ помощи откровенія, не можетъ дойти до истиннаго понятія о Богѣ. Что же касается до тѣхъ философскихъ ученій и мнѣній, которыя, повидимому, даютъ такое понятіе и которыя нерѣдко встрѣчаются въ философіи, то защитники разсматриваемой нами теоріи стараются доказать, что они заимствованы философами изъ откровенія; философами древними—изъ первобытнаго откровенія и изъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, новыми—изъ христіанскаго вѣроученія; они только ложно выдаются ими за плодъ собственнаго размышленія. Въ томъ-же самомъ откровеніи они ищутъ первоначальнаго источника всѣхъ болѣе достойныхъ религіозныхъ представленій въ языческихъ религіяхъ. На долгу самостоятельной дѣятельности ума человѣческаго въ этихъ религіяхъ остаются только заблужденія и искаженіе мѣологическою фантазіею истинъ и фактовъ откровенной религіи.

Чтобы яснѣе видѣть, въ чемъ состоитъ существенный недостатокъ этой теоріи, попробуемъ примѣнить способъ умозаключенія, какимъ она пользуется для объясненія происхожденія религіозныхъ понятій, къ какому либо другому роду понятій и познаній, напр., математическихъ. По логикѣ этой теоріи мы имѣемъ право заключать такъ. Опытъ показываетъ, что до извѣстныхъ математическихъ понятій, напр., до знанія геометріи мы не дошли ни самостоятельнымъ размышленіемъ, ни получили это знаніе путемъ какого-либо откровенія; мы научились геометріи отъ другихъ лицъ, посредствомъ передачи намъ этой науки при помощи словъ, выражающихъ геометрическія понятія. Другіе также не изобрѣтали геометріи, но, подобно намъ, учились ей отъ другихъ и т. д. Восходя дальше и дальше, мы дойдемъ до перваго человѣка, который геометрическія понятія могъ получить только отъ Бога путемъ

откровенія и притомъ не только самыхъ понятій, но и словъ ихъ выражающихъ, потому что понятія невозможны безъ словъ.

Странность подобнаго умозаключенія очевидна, и не трудно замѣтить, въ чемъ его фальшь. Предполагается совершенная неизмѣнность и неподвижность геометріи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, -- и изъ того факта, что мы сами не изобрѣли этой геометріи, но научались ей отъ другихъ, дѣлается ложное заключеніе, что и другіе люди приобрѣтали знаніе этой науки также какъ и мы.

Точно такое-же фальшивое предположеніе лежитъ и въ основѣ теоріи традиціонализма и несостоятельность его въ логическомъ отношеніи совершенно одинакова съ представленнымъ нами примѣромъ. Именно, -- въ ней предполагается, его религіозныя понятія, разумѣется истинныя, воспринимаются и усвояются нами чисто внѣшнимъ способомъ, чрезъ наученіе и преданіе, что они совершенно неизмѣнны и что человѣчскій разумъ никогда не принималъ участія въ ихъ образованіи и развитіи и что на его долю приходилось лишь искаженіе получаемаго путемъ традиціи содержанія.

Для подтвержденія этого, столь, повидимому, противорѣчащаго и исторіи мышленія и исторіи религіи, предположенія, наша теорія прибѣгаетъ къ той-же исторіи и старается фактически доказать, что все истинное въ области религіознаго знанія заимствовано изъ положительнаго откровенія. Эта попытка не есть что-либо новое. Не задолго до начала нашей эры іудейскими философами Аристовуломъ и Филономъ впервые была высказана мысль, что все лучшее въ языческой философіи и религіи было заимствовано изъ откровенія, даннаго народу Божію. Эта мысль съ большою подробностію была раскрыта многими учителями и отцами Церкви (напр. Іустиномъ, Климентомъ и др.); затѣмъ она легла въ основаніе философскихъ теорій происхожденія языческихъ религій въ новѣйшее время, начиная отъ Бохарта, Фосса, Гюэа и заканчивая Крейцеромъ. Различіе между защитниками этого воззрѣнія состояло въ томъ, что тогда какъ одни изъ нихъ первоисточника религіозныхъ понятій въ языческомъ мірѣ иска-

ли въ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгахъ, другіе обращали вниманіе преимущественно на, такъ называемое, первобытное откровеніе, предшествовавшее ветхозавѣтному и въ сохранившихся путемъ преданія слѣдахъ этого откровенія искали ключа къ объясненію всего лучшаго въ языческой религіи и философіи.

Не входя въ подробный разборъ этого воззрѣнія ¹⁾, ограничимся замѣчаніемъ, что мысль о происхожденіи всѣхъ лучшихъ религіозныхъ и философскихъ понятій о Богѣ единственно путемъ заимствованій изъ положительнаго откровенія не выдерживаетъ критики. Причина этого заключается не только въ очевидныхъ, многочисленныхъ натяжкахъ при истолкованіи фактовъ и въ историческихъ промахахъ, какими изобилуютъ теоріи, о которыхъ идетъ рѣчь, но главнымъ образомъ въ невѣрности самаго метода изслѣдованія. При отсутствіи ясныхъ положительныхъ историческихъ указаній о происхожденіи различныхъ религіозныхъ представленій изъ откровенной религіи, обыкновенно прибѣгаютъ къ сравненію и сопоставленію сходнаго въ религіяхъ и философскихъ ученіяхъ языческихъ религій и въ религіи откровенной. Какъ скоро такое сходство въ чемъ нибудь найдено, то какъ-бы незначительно, даже сомнительно оно ни было, тотъ часъ же источникъ его находятъ въ религіи откровенной и въ заимствованіи изъ послѣдней. Но такой методъ доказательства нельзя назвать правильнымъ и убѣдительнымъ. Прежде всего здѣсь а priori предполагается, что первоначальный источникъ всего сходнаго въ языческихъ религіяхъ и философскихъ системахъ и въ откровенной религіи можетъ заключаться только въ послѣдней, тогда какъ это требуется еще доказать; пока это предположеніе не доказано, не устраняется и возможность обратнаго предположенія, что нѣкоторыя представленія напр. іудейской религіи могли быть заимствованы изъ религій языческихъ,—мысль, которая, какъ извѣстно, въ

¹⁾ Объ этомъ воззрѣніи и теоріяхъ объясненія язычества на немъ основанныхъ, см. нашу статью: «Политеизмъ» «Прав. Обозр.» за 1879 г. Апрель; стр. 766 и слѣд.

большомъ ходу въ настоящее время. Затѣмъ, сходство само по себѣ, безъ прямыхъ историческихъ указаній, еще не доказываетъ происхожденія сходныхъ представленій одного отъ другаго, даже не всегда доказываетъ происхожденіе ихъ изъ какого-либо одного общаго источника. Въ области религіи, также какъ и въ другихъ сферахъ познанія, сходныя представленія и понятія могутъ возникать независимо у различныхъ лицъ, народовъ, въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время по той простой причинѣ, что законы познавательной дѣятельности и духовныя потребности въ сущности у всѣхъ людей одинаковы. Одинаковыя религіозныя стремленія и идеи могутъ выражаться въ одинаковыхъ или сходныхъ проявленіяхъ религіозной мысли и чувствъ, въ одинаковыхъ символахъ и обрядахъ, такъ что нѣтъ необходимости, при каждомъ замѣченномъ случаѣ сходства, тотчасъ приводить ихъ въ историческую связь и находить ихъ заимствованіе тамъ, гдѣ можетъ быть одно только, основанное на природѣ нашего духа, единообразіе религіозныхъ потребностей. Наконецъ, что касается до самаго сравненія и сближенія религіозныхъ вѣрованій различныхъ народовъ, то въ этомъ дѣлѣ нужна крайняя осмотрительность, которою далеко не можетъ похвалиться теорія традиціонализма. Частныя и случайныя сходства отрывочно взятыхъ понятій, представленій, символовъ, обрядовъ, здѣсь ничего не значать. Дѣло не во внѣшнихъ сходныхъ элементахъ, но въ значеніи ихъ въ общемъ строѣ религіознаго міросозерцанія, отъ котораго получаютъ свой смыслъ и частности; при этомъ часто оказывается, что, не смотря на внѣшнее сходство сравниваемыхъ религіозныхъ представленій, смыслъ ихъ совершенно различенъ. Что же касается до внѣшней оболочки извѣстнаго понятія, — будетъ ли то чувственное представленіе или символъ, то, такъ какъ эта оболочка по отношенію къ содержанію есть нѣчто внѣшнее и случайное, она можетъ быть одинаковою для разнородныхъ понятій и нисколько не указываетъ на ихъ внутреннее сродство и происхожденіе изъ одного источника.

Нельзя также не обратить вниманія на связь, въ которой въ рассматриваемой нами теоріи поставляется вопросъ о про-

исхожденіи идеи о Богѣ съ вопросомъ о происхожденіи языка. Такая связь на первый взглядъ представляется странною и даже излишнею; но на самомъ дѣлѣ она для нея существенно необходима. Теорія традиціонализма (въ примѣненіи ея не только къ происхожденію идеи о Богѣ, но и другихъ основныхъ теоретическихъ и нравственныхъ понятій), въ сущности есть чисто эмпирическая теорія; все содержаніе нашего познанія она производитъ изъ опыта, не уклоняясь въ этомъ отношеніи отъ Тома Аквината и состоящихъ подъ его вліяніемъ римско-католическихъ философовъ. Но такъ какъ идея о Богѣ (на ряду съ другими идеями) не могла произойти отъ опыта, путемъ чувственнаго опыта, а съ другой стороны эта теорія должна была устранить и возможность опыта сверхчувственнаго или дѣйствія Божества на нашъ духъ, въ опасеніи мистицизма,—то для нея и остался одинъ только видъ внѣшняго опыта,—наученіе или передача различныхъ понятій отъ другихъ лицъ, которая могла совершаться лишь при посредствѣ словъ. Такой способъ приобрѣтенія нами различныхъ познаній понятенъ, какъ скоро предполагаются окружающія насъ и намъ предшествующіе люди, владѣющіе языкомъ, какъ органомъ передачи этихъ познаній. Но какимъ образомъ первоначально могли возникнуть эти познанія у тѣхъ людей, для которыхъ подобной традиціи не было, въ частности—у перваго человѣка? По теоріи, онѣ должны быть даны отъ Бога и не иначе какъ путемъ наученія, слова. Но такъ какъ существъ говорящихъ въ то время не было, то очевидно первымъ учителемъ людей могъ быть только самъ Богъ и слово, при помощи котораго Онъ сообщалъ людямъ свое ученіе, могло быть только божественнымъ, откровеннымъ словомъ. Отсюда мысль о происхожденіи отъ Бога путемъ откровенія не только содержанія религіи, но и словъ, въ которыхъ выражается это содержаніе, т. е. первобытнаго языка. Богъ самъ долженъ былъ говорить людямъ, чтобы научить ихъ словамъ, а вмѣстѣ съ ними и понятіямъ, ими обозначаемымъ. Въ частности, въ отношеніи къ религіи, Богъ долженъ былъ открыть людямъ не только понятіе о Себѣ, но и самое наименованіе: *Богъ*, съ которымъ только и возможно было какъ возникновеніе, такъ и дальнѣйшая традиція идеи о Богѣ.

Вся эта теорія основана на совершенно произвольномъ предположеніи, что понятіе тождественно съ словомъ его выражающимъ, и что понятія не иначе могутъ въ насъ возникать, какъ съ внѣшнимъ усвоеніемъ словъ ихъ обозначающихъ, и что поэтому не только первоначальныя понятія, но и первобытный языкъ, въ которомъ онѣ заключены, долженъ быть откровеннымъ. Что слово и наученіе посредствомъ слова есть могущественное средство для болѣе легкаго и болѣе совершеннаго развитія нашей мыслительной способности, это конечно неоспоримо; но такое значеніе оно можетъ имѣть только подъ условіемъ самостоятельной дѣятельности нашего разума и способности его образовать самому различныя представленія и понятія. Слово можетъ имѣть значеніе только какъ внѣшнее обозначеніе образовавшагося уже понятія: въ словахъ самихъ по себѣ нѣтъ никакой магической силы, посредствомъ которой одно произнесеніе ихъ и усвоеніе нашимъ слухомъ могло-бы вызвать соотвѣтствующія имъ понятія. Слова,—это болѣе или менѣе произвольныя, условныя знаки понятій (что доказывается различнымъ обозначеніемъ одного и того же понятія у различныхъ народовъ), такое понятіе, которое означается извѣстнымъ словомъ, точно также могло-бы быть обозначено и другимъ, если бы мы условились относительно смысла этого слова. Итакъ, для пониманія словъ нужна нѣкоторая предшествующая дѣятельность мышленія, которая дѣлала-бы возможнымъ это пониманіе. Значеніе слова я могу понять только тогда, когда я уже знаю, что оно должно обозначать; иначе я долженъ уже имѣть нѣкоторую мысль, понятіе о данномъ предметѣ, чтобы узнать, что существуетъ связь между знакомъ и обозначаемымъ, что данное слово относится именно къ этому, а не другому предмету. Въ этомъ не трудно убѣдиться на опытѣ. Какъ учить говорить и понимать сказанное другими дѣтей? Если мы станемъ механически произносить извѣстное слово съ цѣлью вызвать пониманіе его или соотвѣтствующее ему представленіе у дитяти, мы ничего не достигнемъ. Мы должны указать ему на называемый предметъ, чтобы у него родилось представленіе о немъ, а за тѣмъ объяснить, что этотъ предметъ называется такъ, а

не иначе. Представленіе, понятіе о предметѣ должно предше-ствовать слову. Тоже самое имѣеть мѣсто и относительно взро-слыхъ. Сколько-бы мы не произносили передъ слѣпымъ отъ рож-денія словъ, обозначающихъ краски и цвѣта, онъ не пойметъ, что такое краска и цвѣтъ, потому что для него невозможно предва-рительное, самостоятельное понятіе объ нихъ. То-же имѣеть мѣсто и при обозначеніи словомъ предмета, намъ совер-шенно неизвѣстнаго; одно слово не даетъ намъ понятія о предметѣ, если мы не знаемъ самаго предмета или анало-гичныхъ съ нимъ предметовъ, на которые могъ-бы указать гово-рящій съ нами и которые могли-бы дать намъ возможность соста-вить нѣкоторое представленіе объ извѣстномъ предметѣ. Такъ, напр., мы не можемъ составить ни малѣйшаго понятія о неизвѣст-номъ намъ растеніи изъ одного названія его, если намъ или не покажутъ этого растенія въ натурѣ или на рисунокѣ, или не опишутъ его подробно, то есть—не укажутъ намъ на ана-логичныя съ нимъ и намъ извѣстныя растенія или признаки ихъ, въ слѣдствіе чего мы и можемъ образовать приблизитель-ное понятіе о немъ.

Все сказанное нами имѣеть полное приложеніе и къ объ-ясненію происхожденія идеи о Богѣ. Одно внѣшнее наученіе не могло-бы произвести въ насъ этой идеи, если-бы мы не знали соотвѣтствующаго ей объекта какимъ либо другимъ пу-темъ, если-бы предварительно не имѣли идеи о Богѣ. Одно слово: *Богъ*, сообщенное отъ нѣ, какъ первобытному человѣку отъ Бога, такъ и послѣдующимъ людямъ путемъ традиціи, также не имѣло бы для насъ никакого смысла, было-бы пу-стымъ звукомъ, какъ не имѣеть для насъ смысла любое ино-странное слово, значенія котораго мы не понимаемъ. Тоже самое должно сказать и о всѣхъ словахъ, выражающихъ тео-ретическія и нравственныя идеи, которыя традиціонализмъ производитъ изъ откровенія, при помощи откровеннаго въ свою очередь языка. Слова сами по себѣ не могутъ вызвать въ насъ идей; но какъ скоро въ насъ есть эти идеи, то въ силу присущей человѣку способности мышленія и дара слова онъ необходимо облечетъ ихъ въ чувственныя схемы,—слова, какъ значки нужны не только же дальнѣйшаго развитія

мышленія, но и для сообщенія нашихъ мыслей другимъ. Такимъ образомъ слово есть естественный продуктъ нашего разума и для объясненія происхожденія языка нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ особому внѣшнему откровенію.

В. Кудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

ВЪ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *).

8. *Элейская* философская школа. Подобно Пифагору, и основатель Элейской философской школы *Ксенофанъ* Колофонскій, будучи іоняниномъ по происхожденію, переселился въ Италію, какъ и былъ младшимъ современникомъ его. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ обратилъ серьезное вниманіе на неудовлетворительность какъ обыденныхъ народныхъ представленій о Божествѣ, воспитываемыхъ мифологіею Гомера и теогоніею Гезіода, такъ и философскихъ мнѣній о томъ же, до него бывшихъ или при его жизни развившихся, какъ напр. Фалеса и Пифагора. Онъ не вытерпѣлъ, громко заявилъ объ этой неудовлетворительности, съ проведеніемъ своихъ новыхъ идей о томъ же. За это его изнали изъ отечества, и вотъ онъ съ 25 лѣтъ отъ рожденія вынужденъ былъ вести кочевую жизнь рапсода и велъ такую жизнь до глубокой старости, при чемъ дольше всего прожилъ въ Элеѣ (въ Сициліи), гдѣ и основалъ свою школу. Но что же именно какъ въ народныхъ представленіяхъ, такъ и въ философскихъ понятіяхъ о Божествѣ не нравилось Ксенофану, и чѣмъ онъ думалъ замѣнить не удовлетворительное въ тѣхъ и другихъ? Въ народныхъ представ-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 17.

леніяхъ Ксенофана, какъ и многихъ другихъ мыслящихъ изъ грековъ (Пиндаръ, Эмпедоклъ), неприятно поражали ближе всего безнравственныя дѣйствія, которыя въ Гомеровою и Гезіодовою мѣологіи приписывались богамъ. И вотъ что мы по этому поводу читаемъ въ философской эпопеѣ Ксенофана:

«Гомеръ и Гезіодъ богамъ такія дѣла усвояютъ,
 «Какія и людямъ вмѣняются въ срамъ и безчестье:
 «Прелюбодѣянье, хищелье, обманъ» 1).

Затѣмъ, кромѣ безнравственности, Ксенофанъ борется также и противъ антропоморфизма въ этихъ представленіяхъ, опирающагося на ложной увѣренности въ томъ, что существо подобное намъ есть самое лучшее. Именно мы читаемъ слѣдующее въ той же эпопеѣ Ксенофана.

«Люди себѣ представляютъ, что будто бы боги родились,
 «Что нашу одежду 2) они, нашу голосъ и образъ имѣютъ:
 «Но еслибъ быки или львы получили такія же руки,
 «Могли бы ими писать и дѣлать, что дѣлаютъ люди:
 «То лошадь и быкъ идею боговъ по себѣ-бъ выражали
 «И тѣло богамъ придавали, какое сами имѣютъ» 3).

Въ подтвержденіе этой своей мысли Ксенофанъ замѣчаетъ, что египтяне напр. представляютъ отечественныхъ боговъ своихъ черными, плосконосими, а еракійцы — красными и голубоглазыми 4). И какъ бы въ заключеніе своего опроверженія ложныхъ мнѣній о Богѣ въ народной религіи, опровергая также и политеизмъ (многобожіе) послѣдней, Ксенофанъ восклицаетъ:

«Но Богъ есть одинъ,—превыше боговъ и людей;
 «Ни тѣломъ, ни духомъ своимъ намъ смертнымъ. Онъ не подобенъ 5).

Уже изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, что Ксенофану могло не нравиться и у философовъ и что онъ желать бы, въ

1) *Mullach* p. 102. *Ritter-Preller* p. 82. Переводъ проф. *Карцова*. См. и «Исторія философіи» *Pumпера* I, 387.

2) ἐσθήματα. А въ некоторыхъ изданіяхъ: αἰσθηματα. Згнъ объясняется переводомъ въ жур. *Вѣра и Разумъ* 1886 г., I, 272 отд. фл.

3) См. *Mullach Ritter-Preller* и *Pumпера* въ указ. мѣст.

4) *Mullach* p. 102; *Ritter-Preller* p. 83; *Pumпера* I, 388.

5) *Mullach*. p. 101. *Ritter-Preller*, p. 82; *Pumпера*, I. 388; *Повинскій*. II, 247.

противовѣсь и народнымъ представлѣнiямъ и философскимъ понятiямъ о Богѣ выставить, какъ свое собственное ученiе о томъ же. Мы помнимъ, какъ крѣпко отстаивали множественность атомисты, какъ непослѣдовательно производили ту же множественность изъ единого и также поддерживали ее пнегорейцы, какъ мало духовнаго въ понятiе о Богѣ допускали iонiйскiе философы, которые, кромѣ того, проповѣдывали текучесть, движенiе, измѣняемость всего сущаго. Все это Ксенофану казалось несостоятельнымъ. И какъ въ отношенiи къ народнымъ представлѣнiямъ предполагаемому множеству боговъ онъ противопоставляетъ единство Божества, ихъ временному происхожденiю—вѣчность, ихъ измѣняемости—неизмѣняемость, ихъ человѣкообразности—возвышенность надъ всѣмъ человѣческимъ, ихъ физической, умственной и нравственной ограниченности—безконечную духовность: ¹⁾ такъ и въ отношенiи къ философскимъ понятiямъ о Богѣ. Именно прежде всего Ксенофанъ, по свидѣтельству Аристотеля, «окинувъ взоромъ цѣлое (ὅλον) небо, сказалъ, что Богъ есть—одно» ²⁾. Этими онъ высказалъ главнѣйшее основоположенiе своей философи и вмѣстѣ богословiя своего. Многихъ боговъ,—такъ развиваетъ ближе всего свою мысль нашъ философъ,—и представить нельзя; потому что изъ понятiя о Божествѣ необходимо слѣдуетъ, что Богъ есть существо всемогущее и всесовершенное; если же предположить многихъ боговъ, то Богъ уже не будетъ существомъ могущественнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ; потому что всѣ боги будутъ равно могущественны и совершенны; слѣдовательно Богъ не будетъ въ состоянiи производить все, что ни захочетъ. Если допустимъ многихъ боговъ, то каждому изъ нихъ будетъ свойственна сила, и только единое останется само по себѣ беспильнымъ ³⁾. Такъ Ксенофанъ аргументируетъ противъ множественности и въ пользу проповѣдуемаго имъ единства Божества и единства

1) *Zeller* I, 488—489.

2) *Aristot. Metaph.* I, 5. Срав. *Pumpera* I, 384.

3) Срав. *Pumpera*, I, 385—386; срав. *Vuk*, *Vorsokr. Philos.* II, 4—7 Leipzig. 1877.

сущаго. Выше мы могли видѣть, какъ онъ ратуетъ также и противъ течучести, такъ сказать, измѣняемости Божества, чрезъ то прикровенно утверждая мысль о неизмѣняемости Божіей. Частнѣе и собственно съ указаніемъ на движеніе, таже въ сущности мысль высказывается Ксенофаномъ, когда онъ говоритъ о Богѣ, что Онъ

«Безъ движенія, всегда въ одноиъ остается пространствѣ
«И не переходитъ ¹⁾».

Или подробнѣе: «Бога нельзя представить ни въ движеніи, ни въ покоѣ: находящееся въ покоѣ есть не сущее, поскольку ни оно къ другому, ни другое къ нему приближаться не можетъ; а находящееся въ движеніи—болѣе нежели одно, поскольку въ этомъ случаѣ одно приближается къ другому» ²⁾. Затѣмъ философъ нашъ безпощадною критикою своею касается и понятія безпредѣльности въ отношеніи къ Божеству, о которой ясно учили и іонійскіе философы и пифагорейцы. «Богъ ни безпредѣленъ,—говоритъ онъ,—ни опредѣленъ, потому что безпредѣльно не сущее, какъ не имѣющее ни начала, ни середины, ни конца, а опредѣляемое одно другимъ принадлежитъ къ множественности вещей» ³⁾. По связи съ тѣмъ находится и то ученіе Ксенофана, что Богъ не имѣетъ частей и равенъ Себѣ самому; ибо если-бы Онъ имѣлъ части, то эти части господствовали бы одна надъ другою, что невозможно, такъ какъ Богъ, по самому попятію о Немъ, господствуетъ вполнѣ ⁴⁾. Такъ уже и въ этихъ мѣстахъ, рядомъ съ отрицательными чертами ученія Ксенофана, видны и положительныя. Мы выше указывали на возвѣщаемыя имъ свойства Божества: единство, вѣчность, неизмѣняемость, возвышенность надъ всѣмъ человѣческимъ, безконечную духовность. Изъ философскихъ соображеній его въ пользу перваго изъ этихъ свойствъ и вопреки множественности выясняются еще свойства всесовершенства и всемогущества. Изъ тѣхъ же сообра-

¹⁾ *Simplis.* См. у *Pittnera*, въ переводѣ *Карпова*. I. 391 и 396.

²⁾ *Pittnera*, I, 388.

³⁾ *Simplis.* у *Pittnera*, I, 389.

⁴⁾ *Аристотель* у *Pittnera*, I, 389.

женій еще болѣе яснымъ, далѣе, становится неизмѣняемость Божія и безпредѣльность существа Божественнаго, а потомъ несложность, равенство самому Себѣ и всевластность. Но Ксенофанъ и прямо утверждаетъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ свойствъ, указанныхъ нами по умозаключенію на основаніи соображеній философа. Таковы напр. духовность и всемогущество. Именно, по свидѣтельству Діогена Лаэртія, Богъ или все (σὺμπαντα) у Ксенофана есть чистый умъ (νοῦς) и мысль (φρόνησις ¹); или, по свидѣтельству Симплиція,

«Опъ безъ труда мыслию духа всѣмъ управляетъ ²».

Но и этого мало. Богъ, по ученію Ксенофана, знаменательно совпадающему съ народнымъ представленіемъ о Зевсѣ-солнцѣ, которое «все видитъ и слышитъ» ³), всевѣдущъ: Онъ «весь—зрѣніе, весь—умъ, весь—слухъ» (οὐλος ὄρα, οὐλος δὲ νοεῖ, οὐλος δὲ τ' ἀκούει) ⁴). Самъ, будучи умомъ всевѣдущимъ и премудрымъ, Богъ, по Ксенофану, является источникомъ премудрости и для людей. Сюда относится слѣдующее изреченіе Ксенофана: «не за разъ съ самаго начала боги открыли все смертнымъ, но сами смертные съ стеченіемъ времени успленнымъ исканіемъ находили большее и большее ⁵)». Таковы свойства ума Божія, по Ксенофану. Что онъ же признавалъ всесовершенство существа Божія и со стороны волъ, это видно отчасти изъ выше приведенныхъ указаній на всемогущество и всевластность Бога, отчасти же изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ философъ борется противъ безнравственныхъ дѣяній, приписываемыхъ поэтами богамъ и слѣдовательно прикровенно указываетъ на святость, истинность и правосудіе Божіе. Даже и со стороны чувства можно находить указанія на вседовольство и всеблаженство Божіе въ тѣхъ мѣстахъ философской эпопеи Ксенофана, въ которыхъ говорится о неизмѣ-

¹) Diog. L. IX, 19.

²) См. у Риттера I, 389.

³) См. журн. *Вѣра и Разумъ* 1884, I, 486. 592 и др.

⁴) Mullach pag. 101; Zeller, I, 491 Anm. 1 и др.

⁵) См. изреченія Ксенофана въ журн. *Вѣра и Разумъ* 1886, I, 272 отд. фл.

няемости и объ отношеніи идеи Бога къ понятіямъ движенія и покоя.

Такъ въ Ксенофановомъ ученіи о Богѣ возстаетъ предъ нами болѣе чистый монотеизмъ, который для насъ тѣмъ дороже, что онъ есть не только изліяніе непосредственнаго чувства, выраженіе представленія о Богѣ, какъ у поэтовъ, но и плодъ глубокомыслящаго ума философскаго, проведенный чрезъ горнило законовъ логическаго мышленія, есть свидѣтельство философскаго понятія о Богѣ. Какъ бы парочито для хода нашего настоящаго изслѣдованія это же понятіе о Богѣ у Ксенофана является довольно полно обставленнымъ въ отношеніи къ содержанію идеи Божества, даже съ признаками зачатковъ онтологическаго доказательства бытія Божія ¹⁾, и во всякомъ случаѣ гораздо болѣе полнымъ, нежели какъ то мы видѣли у всѣхъ предшествующихъ философовъ разсматриваемаго (архаическаго) періода. Здѣсь Божество уже не скрывается за первовеществомъ, какъ у іонійскихъ фізіологовъ, или за понятіемъ числа, какъ у пифагорейцевъ, а прямо называется своимъ именемъ. Здѣсь нѣтъ такого колебательнаго отношенія къ вопросу о существѣ и лицѣ Божіемъ, какого нельзя не замѣтить не только у Гераклита, но и у Эмпедокла, который, подобно Ксенофану, выступилъ было противъ грубаго антропоморфизма народной религіи: Божество всесторонне опредѣляется въ своемъ собственномъ существѣ и лицѣ, вопреки всѣмъ ходячимъ мнѣніямъ о Немъ. У Ксенофана нѣтъ ни малѣйшей уступки не только въ пользу множественности, каковую допускали атомисты и въ извѣстномъ смыслѣ пифагорейцы, но и въ пользу дуализма, который допускается даже у столь возвышеннаго мыслителя, какъ Анаксагоръ: «окинувъ взоромъ цѣлое небо». Ксенофанъ рѣшительно «сказалъ, что Богъ есть—одно (ἓν)», и страствуя, въ качествѣ рапсода, по обширной территоріи греческой, философъ, безъ сомнѣнія, старался утвердить эту завѣтную мысль свою и среди многочисленнаго народа

¹⁾ Срав. В. Д. Кудряцева. Чтенія по философіи религіи въ Правосл. Общ., 1886, II, 64.

эллиническаго ¹⁾, являясь такимъ образомъ какъ-бы споспѣшникомъ вождя израильтянъ, взывавшаго также къ родному племени своему: *слыши Израилью: Господь Богъ нашихъ, Господь единъ есть* (Втор. 6, 4). То-же самое можно сказать и относительно борьбы Ксенофана противъ народныхъ грубыхъ представлений о Божествѣ, съ каковыми, какъ извѣстно, также не мало боролись и священныя провозвѣстники ветхозавѣтнаго откровенія.—Но уже и въ представленныхъ нами свѣтлыхъ чертахъ Ксенофанова монотеистическаго понятія о Божествѣ тамъ и сямъ проглядываютъ тѣни, омрачающія его личность по сравненіи съ совершенно чистымъ и свѣтлымъ ликомъ священныя провозвѣстниковъ ветхозавѣтнаго откровенія. Не будучи въ состояніи возвыситься до совершенно чистаго монотеизма, но и не желая оставаться не только при множественности, но и при дуализмѣ ходячаго міровоззрѣнія, Ксенофанъ впалъ въ чистый *пантеизмъ*, коего лишь болѣе или менѣе слабыя признаки мы могли видѣть раньше у разныхъ мыслителей, начиная съ орфиковъ и кончая пифагорейцами. Мы уже не разъ могли замѣчать стремленіе Ксенофана къ отождествленію Бога съ *цѣлымъ* (ὅλον) или *всѣмъ* (σύνπαν), т. е. съ вселенной, съ универсумомъ. Такое отождествленіе замѣтно, какъ въ основномъ положеніи философіи Ксенофана, окинувшаго взоромъ «цѣлое (ὅλον) небо» и сказавшаго вслѣдъ за тѣмъ: «Богъ—одно (ἓν)», такъ точно и въ указаніи на то, что «Богъ или все (σύνπαντα) есть умъ и мысль». Въ этомъ-же смыслѣ, по свидѣтельству Аристотеля, Ксенофанъ утверждалъ, что это его «единое» (ἓν) или «все» (πᾶν) есть «безпредѣльное (ἄπειρον), вѣчное (αἰδίων), такъ какъ не имѣетъ ни начала, ни конца» ²⁾, слѣдовательно утверждалъ вѣчность міра. Но къ чести Ксенофана должно сказать, что со стороны пантеистическаго направленія своего философска-

¹⁾ Вук. II, 9. 10.

²⁾ De Xenoph. p. 974. Bergolini, 1831. Что-же касается до «шаровидности (σφαιροειδῆ)» Бога, о которой говорятъ Риттеръ (I, 390), Новичкѣй (II, 249) и др., то это—мысль, принадлежащая Зенону, а не Ксенофану. См. тоже изданіе сочин. Аристотеля стр. 977.

го міровоззрѣнія онъ не такъ строго проводилъ пантеизмъ, какъ его ученики и преемники по школѣ, а въ разсужденіи о Богѣ стоялъ еще тверже, чѣмъ они, на почвѣ богословія. Тѣмъ не менѣе и не одного лишь пантеистическаго направленія онъ былъ главнымъ виновникомъ, а еще и *скептическимъ*, притомъ опять не только въ чисто философской области, но и въ отношеніи къ идеѣ Божества собственно. Размышляя о Богѣ, нашъ философъ пришелъ къ тягостному сознанию неизвѣстности Его по Его природѣ и существу. Но это-бы еще ничего: ибо кто можетъ познать непостижимое существо Божіе? *Божія никто-же вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. 2, 11; срав. 1 Тим. 16). А Ксенофанъ къ тому добавляетъ мысль, выражающую сомнѣніе въ достовѣрности познаваемого и познанія вообще. Вотъ слова его философской эпопеи:

«Несомнѣнно никто изъ смертныхъ Бога не видалъ.

«Кто узнаеть Его, и всю природу постигнетъ?

«Еслибъ и могъ человѣкъ облечь Совершеннаго въ слово,

«То и тогда-бы не зналъ: потому что жребій нашъ мягень» ¹⁾.

Такъ зародыши пантеизма съ одной и скептицизма съ другой стороны, столь замѣтные у основателя элейской философской школы, ожидали только удобной почвы, чтобы они возрасли и развились въ широкія отрасли заблужденія человеческого. Такая почва явилась уже въ ближайшихъ ученикахъ и преемникахъ Ксенофана по школѣ. Если Ксенофанъ много занимался содержаніемъ идеи Божества, то дальнѣйшіе элейцы почти совсѣмъ оставили ее въ сторонѣ. Если онъ начиналъ съ Бога, то они начинали прямо съ вопроса объ истинно сущемъ, о бытіи и не бытіи, о единствѣ и множественности въ чисто отвлеченномъ смыслѣ и т. п., что можно видѣть въ ученикѣ Ксенофана, Парменидѣ, въ Зенонѣ, Меліссѣ и другихъ. Впрочемъ еще въ тѣхъ чертахъ, которыми напр. *Парменидъ* описываетъ свое истинно-сущее, весьма за-

¹⁾ Изъ *Секста Эмпирика*. Переводъ *Кирцова*. См. у *Риттера* I, 396. Срав. *Катковъ* въ *Протил.* I, 328—329. Въ послѣднемъ мѣстѣ особенно показывается развитіе зачатковъ скептицизма, данныхъ Ксенофаномъ.

мѣтны черты идеѣ Божества, набросанныя его учителемъ Ксенофаномъ. Вотъ слова Парменида объ этомъ: Сущее

- «Все—изъ себя одного, непреложно, границъ не имѣеть;
- «Кто о немъ скажетъ, что было оно или будетъ? Оно только есть все.
- «Все и одно постоянно. Какое ему придумать рожденье?
- «Гдѣ его пища? Изъ не бытія-ли оно? Но и мысли
- «И слова объ этомъ представить нельзя; потому что ни мыслить,
- «Ни сказать ты не можешь того, чтобы не сущее было.
- «Да и зачѣмъ-бы ему не раньше, не позже лвиться?
- «Итакъ несомнѣнно, что все или ничто существуетъ,
- «Что изъ сущаго нечему быть, кромѣ сущаго въ мірѣ» ¹⁾.

Затѣмъ какъ-бы частію въ подтвержденіе мыслей Ксенофана о Богѣ, а частію въ дальнѣйшее развитіе Ксенофановскихъ и своихъ пантеистическихъ положеній, Парменидъ утверждаетъ о своемъ Сущемъ, что оно— «мысль и разумѣніе» ²⁾, при чемъ даже и добавляетъ, что «мысль—полнота бытія» (τὸ γὰρ πλεόν ἐστι νόημα) ³⁾, что оно ни въ чемъ не нуждается ⁴⁾ и т. д. И хотя у нѣкоторыхъ изъ древнихъ находятя мѣста, гдѣ будто-бы Парменидъ свое единое истинно Сущее называетъ Богомъ, однако, по болѣе точнымъ изслѣдованіямъ ученыхъ, сомнительно, чтобы это принадлежало самому Пармениду ⁵⁾. Впрочемъ за то нѣкоторыхъ другихъ мѣсть, подлинно ему принадлежащихъ, мы не можемъ опустить. Именно въ одномъ мѣстѣ своей философской поэмы Парменидъ говоритъ, что все состоитъ изъ свѣта или мрака, эфирнаго огня или ночи и т. д. подобно среднимъ пифагорейцамъ, опиравшимся на персидскомъ міровоззрѣніи, при чемъ первое называетъ онъ истиннымъ и сущимъ, а послѣднее—не истиннымъ, не сущимъ ⁶⁾. Затѣмъ міръ (или лучше все, сущее), по ученію Парменида шаровиденъ; внутри-же этого шара, въ центрѣ его находится духъ (δαίμων), который все приводитъ къ единству и всѣмъ управ-

¹⁾ *Mullach.* p. 121—122. Срав. переводъ Карпова у Риттера I, 404.

²⁾ *Mullach.* p. 123. *Ritter*, I, 407.

³⁾ *Mullach.* p. 129. *Ritter*, тамъ-же.

⁴⁾ *Mullach.* p. 120 sq. *Ritter*, I, 408.

⁵⁾ *Brandis.* p. 158. *Ritter*, I, 408 примѣч. 2.

⁶⁾ См. у *Rittera*, I, 413.

ляетъ ¹⁾. Въ такомъ ученіи опять нельзя не видѣть вліянія пифагорейства на ученіе элейской школы. При этомъ, какъ и у Эмпедокла, у Парменида являются двѣ силы движущія, условливавшія мірообразование: любовь и ненависть. Благодаря произведенному ими движенію первымъ изъ боговъ явился Эротъ; за нимъ—война, ненависть и пожеланіе, какъ силы, предшествующія смѣшенію элементовъ, стихій; потомъ изъ смѣшенія огня и земли явились вода и воздухъ ²⁾. Въ отношеніи къ человѣку нельзя также не отмѣтить той черты ученія Парменидова, что у него духъ (*δαίμων*) оказывается посылающимъ человека то въ свѣтъ, а то во мракъ, изъ свѣта во мракъ и обратно. Отсюда—недостовѣрность познаній человѣческихъ, призрачность самаго бытія человеческого ³⁾. Коротче сказать, не смотря на нѣкоторые проблески началъ вѣры, обнаруживающіеся въ томъ, въ чемъ Парменидъ скорѣе примыкалъ къ другимъ древнѣйшимъ, нежели раскрывалъ свои собственныя философскія мысли, начала разума во всемъ берутъ у него перевѣсъ по отношенію къ идеѣ Божества и собственно пантеизмъ и скептицизмъ сдѣлали большой шагъ впередъ въ его міровоззрѣніи.

Еще далѣе отъ идеи Бога и еще ближе къ пантеизму и скептицизму стоялъ любимый ученикъ и послѣдователь Парменида *Зенонъ*. Вся его заслуга для философіи состояла во всестороннемъ обоснованіи мысли о не бытіи множественности и въ діалектическомъ построеніи доказательствъ противъ движенія. О душѣ *Зенонъ*, подобно своему учителю, утверждалъ, что она состоитъ изъ четырехъ стихій (огонь, воздухъ, земля, вода) и въ перевѣсѣ чистой стихіи надъ нечистой видѣлъ чистоту и Божественность души ⁴⁾.

Наконецъ *Мелиссъ*, іоніецъ родомъ (изъ Самоса), но элеецъ по образу мыслей, былъ полнѣйшимъ выразителемъ тѣхъ мрачныхъ сторонъ, къ которымъ приводили основоположенія элейской философіи, данныя Ксенофаномъ и развитыя его по-

1) Тамъ-же, стр. 414. *Mullach* p. 127.

2) *Mullach* p. 127 sq. *Ritter*, I, 414, 415.

3) *Ritter*, I, 419, *Mullach*. p. 129—130.

4) См. *Rittera*, I, 431. (Изъ Диогена Лаэртія и Стобея).

слѣдователями. Онъ утверждалъ безконечность сущаго, но въ этомъ сущемъ видѣлъ лишь бытіе временное. Съ другой стороны, кромѣ обычнаго у элейцевъ отрицанія достовѣрности нашихъ познаній, онъ прямо заявлялъ, что «о богахъ разсуждать не должно; ибо мы не можемъ имѣть о нихъ никакого познанія»¹⁾.

Такъ, кромѣ пантеизма, переходившаго даже въ матеріалистическій²⁾, расширеніемъ области сомнѣнія и разрушеніемъ вѣковыхъ вѣрованій и убѣжденій, пролагался широкій путь софистикѣ.

9. *Софисты.* Уже у Гераклита, Анаксагора и Демокрита проводилась мысль о недостовѣрности нашихъ чувственныхъ познаній, слѣдовательно полагались основанія къ скептицизму. Но эта мысль была послѣдствіемъ изученія природы и опиралась на сознаніе необходимости болѣе точнаго познанія послѣдней. Элейская школа стала, какъ мы видѣли, отрицать достовѣрность нашихъ познаній вообще, чрезъ что скептицизмъ еще сильнѣе укоренялся въ умахъ грековъ, а діалектика, развившаяся въ элейской же школѣ, служила наилучшимъ способомъ къ обоснованію сомнѣнія и возведенію его въ систему. Но и элейская школа, занятая вопросами о единомъ, о бытіи и т. д., все еще только пролагала путь школѣ не только сомнѣнія, но и отрицанія, представителями которой служатъ софисты. Цѣлый рядъ противорѣчій, вызванныхъ разнообразными рѣшеніями вопросовъ о единствѣ и множественности, измѣняемости и неизмѣнности, движеніи и неподвижномъ и т. д. въ школахъ іонійской, съ ея продолжателями: Гераклитомъ, Эмпедокломъ, Анаксагоромъ, — атомистической, пифагорейской и элейской, требовалъ примиренія ихъ. Но пока полному примиренію еще не настало время, умъ терялся въ сомнѣніяхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо бросался въ бездну отрицанія. Такова вообще судьба переходныхъ эпохъ. Представительницею и выразительницею этой эпохи въ разсматриваемый періодъ и была софистика. Уже самый первый извѣст-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 433. (Изъ Діогена Лаэртія).

²⁾ Ср. *Аристотеля*, *Метаф.* I, 5 о Мелиссѣ.

ный намъ софистъ *Протагоръ*, современникъ Эмпедокла и Анаксагора, первый же употребившій и названіе софиста (*σοφιστής*) не въ смыслѣ мудреца, а въ особенномъ смыслѣ «наставника мудрости», высказалъ слѣдующую мысль, сдѣлавшуюся основоположеніемъ всей дальнѣйшей софистики: «мѣра всѣхъ вещей есть самъ человѣкъ, который признаетъ однѣ изъ нихъ существующими, а другія несуществующими» ¹⁾. Эта мысль есть прямой выводъ изъ мысли Гераклита: «ничто не существуетъ (*ἔστι*), а все только бываетъ (*γίνεται*)»; то есть существуетъ что либо и какъ либо только въ моемъ сознаніи и воображеніи; а существуетъ-ли оно, и если существуетъ, то такъ-ли именно существуетъ и въ дѣйствительности,—этого я не знаю. Дальнѣйшее развитіе той же мысли мы видимъ у дальнѣйшаго софиста, младшаго современника Протагорова *Горгія Леонтинскаго*, который говорилъ: «ничто не существуетъ; а если что либо и существуетъ, то его нельзя познать» ²⁾. Это, очевидно, прямо уже касалось области бытія и области гносеологической и отзывалось уже не сомнѣніемъ, а прямымъ отрицаніемъ. Но что было въ области гносеологической, то же было и въ области нравственно-политической и въ области религіи. Само собою разумѣется, что насъ болѣе всего интересуется, по прежнему, послѣдняя сторона мудрованій софистики. И что же? Начала сомнѣнія въ истинности вѣковыхъ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій, основанныхъ на богословіи Гомера и Гезіода, положенныя такими философами, какъ Ксенофанъ, Гераклитъ и др., у софистовъ, сообразно вышесказанному, въ концѣ концовъ должны были перейти въ прямое отрицаніе, именуемое безбожіемъ (атеизмомъ). Если уже философы, не желавшіе разрушенія народныхъ вѣрованій, какъ Эмпедоклъ, Анаксагоръ, атомисты и др. только въ аллегорическомъ объясненіи мѣровъ находили способъ примиренія съ народною религіею; если философы, стремившіеся, какъ и нѣкоторые изъ поэтовъ (Пиндаръ, Эсхилъ и др.), къ возвышенію единаго Ю-

1) См. изреченія Протагора въ жур. *Вѣра и Разумъ*, 1886, I, 629 отд. фил.

2) *Ritter-Preller*, p. 138. Ср. *Rechenberg* p. 34. Изреченія Горгія въ журналѣ *Вѣра и Разумъ* 1886, I, 630 и др.

жества и къ утверженію понятія о единствѣ Его, находили одинъ только къ тому способъ помимо разрушенія народной вѣры,—низведеніе божествъ народнаго политеизма на степень демоновъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ (Анаксагоръ, Иппонъ) обзываются были именами безбожниковъ: то софисты заслуживали это имя по всей справедливости и въ точномъ смыслѣ слова. Такъ уже Протагоръ, согласно основному положенію своего мудрованія («человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей»), возвѣстилъ: «о богахъ я не могу знать, существуютъ-ли они, или нѣтъ. Многое препятствуетъ мнѣ знать объ этомъ: и неясность предмета, и краткость человѣческой жизни»¹⁾. И хотя, по свидѣтельству передающаго это изреченіе Діогена Лаэртія, за это самое сочиненіе, въ которомъ оно было высказано, было публично предано сожженію въ Афинахъ, и Протагоръ самъ долженъ былъ удалиться въ Сицилію, однако мысль его не осталась безслѣдною. На мѣсто Протагора явились другіе софисты, которые уже безбоязненно возвѣщали тоже самое. Такъ еще *Продикъ* полагалъ, что «люди боготворили сначала солнце, луну, источники и т. д. по причинѣ пользы отъ нихъ происходящей, а въ послѣдствіи сдѣлали изъ нихъ личныя божественныя существа. Такъ египтяне обоготворили Нилъ, греки хлѣбъ, какъ Димитру, вино, какъ Діониса, воду подъ именемъ Посидона, огонь подъ именемъ Ифеста»²⁾. Въ этихъ словахъ уже нельзя не видѣть началъ разрушенія народной религіи, божествамъ которой приписывается отнюдь не сверхъестественное, а простое естественное происхожденіе. Дальше идутъ другіе софисты. *Критій* напр., одинъ изъ 30 тиранновъ въ эпоху Пелопоннесской войны, въ своемъ «Сизифѣ» считалъ вѣру въ Божество за хитрую выдумку народныхъ правителей. Вотъ какъ онъ развиваетъ и обосновываетъ эту мысль свою: «Первоначально, говоритъ онъ, люди жили безъ законовъ, подобно животнымъ; сила была правомъ и не было опредѣлено награды за добро и наказанія за зло. Затѣмъ, чтобы поло-

1) См. изреченія Протагора въ жур. *Вѣра и Разумъ* 1886, I, 629 отд. фил. Справ. выше приведенныя слова Мелисса о томъ-же.

2) *Sext. Emp. Adv. Physic. lib. IX p. 541 sq. Lipsiae, 1841. Cicer. De nat. deor. I, 42.*

жить предѣль насиліямъ и своевольству, люди ввели законы и за каждое преступленіе противъ нихъ наказывали. Но законы, если и могли обуздывать тѣхъ, которые нарушали чужія права открытою силою, не могли однако же противодѣйствовать скрытой неправдѣ. Поэтому надлежало еще придумать иное средство для удержанія людей отъ тайнаго зла, отъ тайныхъ дурныхъ поступковъ, словъ и мыслей,—и какой нибудь благоразумный и прощпцательный человекъ нашелъ такое средство, выдумавъ безсмертныхъ боговъ, которые будто бы все видятъ и слышатъ, отъ которыхъ не можетъ укрыться ни одинъ дурной поступокъ, ни одна злая мысль, и которые награждаютъ за добро и наказываютъ за зло. Онъ помѣстилъ ихъ на небѣ. Тамъ царствуютъ боги, говорилъ онъ, откуда смертные поражаются величественными и страшными явленіями, гдѣ мерцаютъ звѣзды и загорается молнія, откуда слышны раскаты грома и падаетъ дождь, оплодотворяющій землю. Мысль эту о бытіи боговъ онъ распространилъ между людьми и, внушивъ имъ страхъ боговъ, истребилъ тѣмъ своеволие и покушеніе даже на скрытое нарушеніе закона. Такое происхожденіе религіи доказывается самымъ разнообразіемъ религій: если-бы вѣра въ боговъ утверждалась на естествѣ (φύσει) то всѣ чтили-бы однихъ и тѣхъ же боговъ; между тѣмъ различіе боговъ лучше всего подтверждаетъ, что ихъ почитаніе произошло только изъ человѣческаго изобрѣтенія и произвольнаго согмашенія» ¹⁾. *Фразимахъ* Халкидонскій отвергалъ промысль Божій ²⁾. Наконецъ *Диогоръ* Милосскій, бывшій и софистомъ и поэтомъ диэирамбическимъ, въ своемъ сочиненіи: *Φρύγιοι λόγοι* или *Ἀποπορύϊζοντες*, въ которомъ онъ обнаружилъ мистеріи, напалъ на самую сущность греческой религіи и прямо отрицалъ бытіе Божіе, за что и прозванъ былъ безбожникомъ (атеистомъ—*ἄθεος*) ³⁾. Такъ, въ заключеніе, уже неопновенно *рече безумна въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога* (Псал.

¹⁾ *Sext Emp. Adv. Physic. IX, p. 558 sqq.* Срав. *Новинкаю II, 334--335.*

²⁾ *Zeller, I, 1011 Anm. 2. Leipzig, 1876.*

³⁾ *Sext. Emp. ibid. p. 556 sqq.: μεθρημόσατο εἰς τὸ λέγειν μὴ εἶναι θεόν—* (рѣчь о Мелвествѣ).

13, 1). Съ такими понятіями гносеологическими, съ понятіями о бытіи, религіи и Божествѣ шли въ согласіи у софистовъ и нравственные понятія, при чемъ они внушали заботиться только о земномъ благополучіи, считали всѣ дѣйствія человѣческой воли за нравственно-безразличныя, справедливымъ считали только право сильнаго и т. п. ¹⁾ Діалектика и эристика сослужили свою службу софистикѣ въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ; а риторика, искусство краснорѣчія, учительская практика для самихъ софистовъ были наилучшимъ, могущественнѣйшимъ средствомъ къ тому, чтобы проводить эти и подобныя мысли и понятія въ народъ.

Теперь спрашивается: что же приобрѣло или потеряло въ софистикѣ религіозно-философское міросозерцаніе древней Греціи?—Нѣтъ сомнѣнія, что софисты внесли свою долю добраго вклада въ сокровищницу этого міросозерцанія. Хотя они уже и въ самой древней Греціи, со временъ Сократа, пользовались дурною славою, особенно за то, что на деньги мѣняли свою мудрость, за цѣну давали уроки послѣдней, тѣмъ не менѣе это не были просто только шарлатаны. Это были люди, по большей части высоко нравственные, обладавшіе обширнѣйшими, едва не энциклопедическими свѣдѣніями, нерѣдко истинно мудрые. Такъ напр. Горгій Леонтинскій, умершій въ глубокой старости (говорятъ, онъ умеръ около 100 лѣтъ отъ роду), будучи спрошенъ о томъ, при какомъ образѣ жизни достигъ онъ столь глубокой старости, отвѣчалъ: «ничего никогда я не дѣлалъ для одного лишь удовольствія, ни въ ѣдѣ, ни въ другихъ отиравленіяхъ тѣла» ²⁾. Съ другой стороны, благодаря глубокой мудрости, Продика, составила даже поговорка относительно кого бы то ни было, славившагося также мудростію: «онъ мудрѣе Продика» ³⁾. Софисты раскрыли тайники внутренне-противорѣчивой жизни современнаго имъ общества. Общество ихъ времени уже выросло, а въ нѣкоторыхъ слояхъ своихъ даже и выросло духовно

1) См. у Новицкаго II, 337 и дал.

2) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1886, I, 631 отд. фил.

3) См. тамъ-же, стр. 632.

настолько, что въ рамки сознанія его не укладывалось то мировоззрѣніе, которое можно назвать гомерическимъ, какъ ни старались люди благоразумные поддержать связь его съ послѣднимъ. Преданія добраго стараго времени, въ томъ числѣ и релігіозныя, еще хранились, какъ національная, заветная святыня, по каждый изъ болѣе или менѣе развитыхъ, образованныхъ грековъ въ частности едва не на каждомъ шагу нарушали уставы этого преданія, противорѣчившіе современнымъ требованіямъ мысли и жизни, какъ рабъ, тайкомъ. Софисты, не замыкавшіеся въ глубину своего умозерцанія, какъ древніе философы, а стоявшіе близко къ жизни по своей учительской дѣятельности среди народа, не могли не знать всѣхъ изгибовъ этой жизни: а будучи сами передовыми людьми новаго направленія назрѣвавшаго сознанія, они, подобно юношамъ, не скрывающимъ своихъ мыслей и впечатлѣній, смѣло выступили противъ тѣхъ представителей общества, которые маскировали то-же въ сущности направленіе и согласное съ нимъ настроеніе благовидными формами старовѣрства. Во всеоружіи діалектики и эристики, они не боялись борьбы съ мнѣніями большинства. Но за то какъ юноши нерѣдко, увлекаясь потокомъ разрушенія и сами стремясь испровергнуть все установившееся вѣками и даже тысячелѣтіями, не создаютъ ничего положительнаго, потому что еще не имѣютъ подъ собою твердой почвы, такъ и софисты, разрушая старое, не создали ничего новаго, положительнаго; ибо нельзя же считать положительнымъ то, что они утвердили школу сомнѣнія (скептицизма) и отрицанія. А отсюда нельзя не признать, что въ историческомъ значеніи софистики была именно только та доля добраго, какую можно усматривать въ разрушительныхъ опытахъ молодого поколѣнія для плодовъ мысли болѣе зрѣлыхъ лѣтъ того же поколѣнія, а отнюдь не болѣе. Печальная картина разрушенія все же остается печальною, какъ ни восхваляй ея историческое значеніе ¹⁾. Такъ въ общемъ. Но такъ же и въ частностяхъ,

---

¹⁾ Срав. сказанное у Корша въ Исторіи всеобщей литературы I, 2. стр. 1097 и далѣе.

и ближе всего въ отношеніи гносеологическомъ. Доля пользы и здѣсь принесена была софистами. Доселѣ греческая философія занималась исключительно почти изслѣдованіемъ природы внѣшней, и только изрѣдка, какъ бы мимоходомъ затрогивала, какъ мы видѣли, вопросъ о познавательной способности человѣка. Но такъ какъ философскія ученія появились на различныхъ, отдаленныхъ одинъ отъ другаго пунктахъ обширной греческой территоріи, то, при разобщеніи понятій о природѣ, и въ ученіи о познавательной способности человѣка являлось великое разногласіе. Когда же, послѣ персидскихъ войнъ, побѣдоносныя Аѳины сдѣлались центромъ общегреческаго просвѣщенія, то здѣсь сосредоточились и всѣ отрасли умственной жизни грековъ. Сюда же отовсюду стали собираться и философы и послѣдователи разныхъ ученій. Тогда эти ученія, лицомъ къ лицу поставленные другъ противъ друга, уже не могли оставаться въ прежнемъ мирѣ и покоѣ; они должны были столкнуться между собою въ самыхъ своихъ началахъ и взаимно оспаривать ихъ годность. Вышепоказанныя противорѣчія должны были выступить во всей своей наготѣ. Кому же было рѣшать споръ между философскими школами и примирять все разнообразіе ихъ ученій? Ни одно изъ нихъ само по себѣ не могло быть судьей всѣхъ другихъ и вмѣстѣ самого себя. Какое усвоить ученіе, когда всѣ они имѣютъ одинаковое притязаніе на истинность и всѣ одинаково опровергають одно другое? Быть можетъ, всѣ они только относительно истинны, а въ большей своей части ложны. При этомъ естественно возникало сомнѣніе не только въ достовѣрности познаній человѣческихъ, но и въ компетентности самой познавательной способности человѣческой. Въ такомъ именно положеніи очутились софисты; при видѣ равносильной борьбы между человѣческими понятіями, нерѣдко весьма различными относительно одного и того-же предмета, они невольно приходять къ мысли, что общепризнанной истины нѣтъ, но что, напротивъ, для cadaго человѣка истинно то, что собственно ему, съ его собственной точки зрѣнія, представляется истиннымъ. «Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей». Высказавъ чрезъ это ту мысль, что духъ выше природы, субъектъ важнѣе

внѣшняго объекта, софисты провозгласили великую истину и въ этомъ заключается тайна того непреодолимаго обаянія, какое производили они въ свое время на умы не только юношей, но и зрѣлыхъ мужей, каковы напр. Перикль, Эукидидъ, Еврипидъ и др. Для того времени эта мысль была новостію и производила неслыханное движеніе въ жизни и понятіяхъ. Подъ ея вліяніемъ пало глубокое благоговѣніе предъ видимою природою, доселѣ тяготѣвшее надъ сознаніемъ человѣческимъ. На первый планъ выступаетъ теперь человекъ съ его силами, мыслями, дѣлами и назначеніемъ. Съ такою переменною положенія открылся неожиданно цѣлый новый міръ свободы мысли, столь заманчивой для всякаго, особенно еще не извѣдавашаго ея. Но здѣсь же крылась и опасность, особенно на первыхъ порахъ. Легко было, при такой широтѣ свободы, слишкомъ далеко увлечься чувствомъ собственнаго достоинства и значенія, дойти до крайней необузданности своеволія. Это и случилось съ софистами. Правда, и въ этомъ они уже не такъ были виноваты, чтобы ихъ очень упрекать. Они признали, что истина заключается въ самомъ духѣ, а не внѣ его, въ природѣ; но они еще не имѣли, да и не могли имѣть надлежащаго понятія о самомъ духѣ. На мѣсто объективности внѣшней они поставили субъективность внутреннюю; но они не знали еще законовъ послѣдней и степени зависимости ея, въ свою очередь, отъ природы внѣшней. Въ этомъ заключалось заблужденіе софистики, что она, отринувъ истинность міра объективнаго, не утвердила истинности за міромъ субъективнымъ. Это же есть и самая главная причина всей безнравственности и легкомыслія, каковыя внесены были софистами въ міръ древнегреческій. Чтобы поправить дѣло, которое могли испортить и уже начали портить своими основоположеніями софисты, нужно было точнѣе опредѣлить понятіе о самомъ духѣ человѣческомъ, — о свободѣ, мышленіи его и т. д., нужно было обосновать ту мысль, что критерій истинности заключается не въ томъ, что я именно или другой такъ *мыслимъ*; короче сказать, вмѣсто субъективности эмпирической нужно было основнымъ началомъ поставить субъективность абсолютную или идеальную, общечеловѣческое мышленіе и

разумную общечеловѣческую же волю. Эта задача и разрѣшена была философіею Сократа.

Мы не будемъ говорить много о пользѣ, которую софисты принесли своимъ содѣйствіемъ развитію греческой словесности, такъ какъ это мало идетъ къ дѣлу нашего изслѣдованія въ настоящемъ случаѣ. Скажемъ только то, что не только ораторское краснорѣчіе, равно какъ драматическое искусство, грамматика и т. д., но и философская проза софистамъ обязаны своими успѣхами. Не даромъ-же Перикль велъ дружбу съ Протагоромъ; не даромъ Эуклидъ и Еврипидъ были усердными слушателями его. Однако и здѣсь, кромѣ пользы, не мало было и вреда отъ софистовъ, которые много тратили времени и труда на развитіе искусства доказывать истинность и ложность, бытіе и не бытіе одного чего либо въ одно и тоже время, а равно и приносящаго столь обильные плоды въ наше время искусства—въ судебныхъ рѣчахъ по произволу черное дѣлать бѣлымъ и наоборотъ.—Обратимся къ области религіи. Мы уже видѣли поступательное движеніе мысли софистовъ отъ сомнѣнія къ полному отрицанію въ этой области, отъ неувѣренности въ бытіи Божіемъ къ совершенному безбожію. Указывали мы также на постепенное разрушеніе или вѣковыхъ народныхъ вѣрованій. Теперь у насъ вопросъ лишь о степени пользы или вреда отъ такого отношенія софистовъ къ дѣлу религіи для исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи. Повидимому, излишне было-бы и предлагать такой вопросъ послѣ всего сказаннаго: вредъ самъ собою очевиденъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Иначе мы должны будемъ счесть за вредныя и попытка предшествовавшихъ уже извѣстныхъ намъ мыслителей—поэтовъ и философовъ, также служившихъ такъ или иначе постепенному потрясенію и разрушенію вѣковыхъ религіозныхъ вѣрованій народа. Да и самый народъ, въ значительной своей части, какъ мы видѣли, уже былъ подготовленъ къ иному, нежели гомерическое, воззрѣнію на предметы религіи. Софисты же прямо и откровенно высказывали то, что давно уже сознавалось и въ ихъ время чувствовалось почти всѣми мыслящими людьми. Своими нападеніями на религію такимъ образомъ они побудили

тѣхъ изъ послѣднихъ, которые были глубоко вѣрующими. призадуматься болѣе надъ предметами религіи и постараться подтвердить обосновать свои вѣрованія. Это, какъ мы увидимъ въ свое время, и дѣлали такіе мыслители, какъ Сократъ, Платонъ и др. Тѣмъ не менѣе картина разрушенія, какую представляли въ отношеніи къ религіи софисты, за ихъ-то собственно время, все же была картиною разрушенія, а не созиданія, такъ какъ софисты, какъ мы замѣчали, вмѣсто отрицаемаго, не давали чего либо положительнаго въ разсматриваемомъ отношеніи. И много, много слабыхъ-ли то или даже и болѣе или менѣе крѣпкихъ, но не имѣвшихъ подъ собою твердой почвы умовъ упало, благодаря софистикѣ, въ бездну отрицанія и погребло въ ней. пока еще не явилась сильная рука не юноши, а мужа, которая была способна извлечь изъ этой бездны еще не погибшихъ въ ней людей. Эта благодѣтельная рука не кому другому принадлежала, какъ тому же Сократу, который по началу и самъ былъ софистомъ.

Но прежде нежели перейти къ этому сильному борцу за все священное, что попорано было софистами, мы считаемъ нужнымъ бросить заключительный взглядъ на всю архаическую, досократовскую философію, конечно главнымъ образомъ въ отношеніи къ раскрытію идеи Божества.

Философія архаическая обыкновенно характеризуется, и нами раньше охарактеризована, какъ философія *природы*, въ виду того, что космологическій принципъ, вопросъ о мірѣ внѣшнемъ, его началѣ и бытіи является на первомъ планѣ у философовъ архаическаго, досократовскаго періода. Вопросъ о человѣкѣ съ его познавательною способностію поднимается лишь изрѣдка и только къ концу періода, особенно подъ вліяніемъ Анаксагорова ученія объ умѣ. въ софистикѣ сталъ подвергаться болѣе разностороннему, чѣмъ прежде, обсужденію. Но и софистика представляла собою лишь переходную ступень къ полному и всестороннему обсужденію этого вопроса, совершившемся лишь въ кругу философовъ аттического періода, истиннымъ первоначальникомъ котораго является Сократъ. Она также и начала съ вопроса о мірѣ и бытіи и продолжала къ нему примыкать постановкою вопро-

совъ сомнѣнія въ истинѣ бытія и познанія, чѣмъ она главнымъ образомъ заявила себя въ исторіи философіи. Это можно видѣть уже изъ основоположенія, высказаннаго Протагоромъ относительно познанія бытія вещей и уже извѣстнаго намъ. Онъ же говорилъ, напр., что «матерія текуча и такъ какъ она постоянно течеть, то постоянно же одно прибавляется, а другое убавляется», примыкая такимъ образомъ къ іонійской школѣ и Гераклиту, хотя впрочемъ уже и къ этому добавляя: «и чувства измѣняются соотвѣтственно возрастамъ и устройству тѣла» ¹⁾. Или онъ же и подобно тому же говоритъ: «Основанія всѣхъ видимыхъ вещей заключаются въ матеріи, такъ что матерія сама по себѣ можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она является». И къ тому опять добавляетъ: «но люди въ разное время различно принимаютъ все видимое, смотря по расположенію своего духа» ²⁾. Подобное же можно встрѣтить и у другихъ софистовъ. За тѣмъ нечего уже и говорить объ іонійскихъ фізіологахъ и атомистахъ въ отношеніи къ тому же космологическому принципу. Даже и пифагорейскія числа выражаютъ собою только всеобщую форму чувственнаго бытія, и элейское единство представляетъ собою лишь отвлеченное понятіе чувственной же субстанціи. Такъ въ отношеніи къ главному предмету и основному принципу философіи. Въ гносеологическомъ же отношеніи весь архаическій періодъ является, соотвѣтственно сейчасъ сказанному, философіею *представленія*. Всѣ выводы, къ какимъ пришла философія этого періода, основывались на воспріятіи чувственнаго бытія и наблюденіи надъ природою внѣшнею; умозаключенія дѣлались отъ частей къ цѣлому и наоборотъ, а не отъ общаго къ частному и наоборотъ, какъ въ философіи понятія, основателемъ которой является Сократъ ³⁾. При этомъ софистика, впервые указавшая на рядъ противорѣчій въ области философіи представленія, составляя переходную ступень къ фи-

¹⁾ См. изреченія Протагора въ жур. *Вѣра и Разумъ* 1886, I, 629 отд. фил.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ сочиненіи М. А. Остроумова «Исторія философіи въ отношеніи къ открытію», стр. 129 и дал. Харьковъ, 1886.

лософіи понятія, была еще также не болѣе какъ скептицизмомъ представленія ¹⁾. Въ томъ и другомъ отношеніи философія архаическаго періода служила, какъ мы замѣтили раньше, высшимъ выраженіемъ и своеобразнымъ отраженіемъ міросозерцанія Гомерова, стоявшаго, какъ извѣстно, также на степени представленія, но при томъ такъ, что и Гезіодово и орфическое міросозерцанія, имѣвшія болѣе или менѣе тѣсную связь съ Гомеровымъ и подобно послѣднему также стоявшія на степени представленія, равнымъ образомъ, въ своей мѣрѣ каждое, не оставались безъ значенія для разсмотрѣннаго періода. И это не только въ частностяхъ, но и по отношенію къ принципамъ, которые преслѣдуемы были тѣми или другими философиами этого періода, слѣдовательно не только въ отношеніи къ явленіямъ природы, но и въ отношеніи къ основаніямъ всякаго бытія. Ибо не только боги и богини народной религіи, игравшіе столь важную роль въ явленіяхъ природы, согласно мѣологіи Гомеровой, развитіемъ которой служатъ теокосмогонія Гезіода и ученіе орфиковъ, не оставляются безъ вниманія въ философіи архаическаго періода, начиная съ философіи семи мудрецовъ, но и мысль Гомера объ Океанѣ и Тѣнѣсѣ, отъ коихъ «все родилось», не прошла даромъ въ той же философіи (іонійскіе фізіологи) и стремленіе того же Гомера къ монизму (Зевсъ), такъ дружно поддержанное Гезіодомъ (Зевсъ-мыслитель—вѣнецъ теокосмогоніи) и орфиками (Зевсъ = πᾶν), нашло себѣ твердое обоснованіе и своеобразное приложеніе въ пантеистическомъ илюозипзмѣ іонійской школы, въ теистическомъ дуализмѣ Анаксагора, въ монизмѣ и въ то же время пантеизмѣ элейской и пифагорейской школы и т. д. Самое потрясеніе и разрушеніе основаній народной вѣры, начатое древними философиами и довершенное софистами, повело только къ большому и большому утвержденію означеннаго сейчасъ стремленія Гомера и его продолжателей къ монизму и привело, подъ руководствомъ Сократа и его продолжателей, къ большому очищенію и возвышенію самой монистической тенденціи въ ея приложеніи къ философскому раскрытію идеи Божества, какъ увидимъ дальше.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15-го Декабря № 23. 1888 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887/88 учебный годъ (продолженіе).—Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ.

(Продолженіе *).

Г. Воспитательницы.

1. Воспитательница приготовительнаго класса, дѣвица Анастасія Александровна *Ястремская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ и 30 руб. ежегоднаго вознагражденія; въ настоящей должности съ 28 января 1888 года.

2. Воспитательница I класса, вдова поручика Евдокія Павловна *Сорокина*, окончила курсъ Харьковской женской гимназій, жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 руб. въ годъ и 30 р. ежегоднаго вознагражденія; въ настоящей должности съ 13 сентября 1871 г. по 3 августа 1884 года и вторично съ 10 августа 1887 г.

3. Воспитательница II класса, дѣвица Маріамна Павловна *Попова*, она же завѣдывала фундаментальною библіотекою; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. и 60 р. въ годъ за завѣдываніе фундаментальною училищною библіотекою и 30 р. ежегоднаго вознагражденія; въ настоящей должности съ 16 августа 1882 года.

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 22.

4. Воспитательница III класса, дѣвица Людмила Ефимовна *Дьякова*, окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ и 30 руб. вознагражденія; въ настоящей должности съ 10 сентября 1872 года.

5. Воспитательница IV класса, дѣвица Александра Ивановна *Левандовская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 руб. въ годъ и 30 р. ежегоднаго вознагражденія, въ настоящей должности съ 7 февраля 1885 года.

6. Воспитательница V класса, дѣвица Зинаида Ивановна *Неловская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ и 30 руб. ежегоднаго вознагражденія, въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

7. Воспитательница VI класса, дѣвица Анна Гавриловна *Трошкая*, она же завѣдывала ученическою библіотекою; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 руб. и 25 руб. въ годъ за завѣдываніе ученическою библіотекою, 30 р. ежегоднаго вознагражденія, всего 295 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 г.

Д. Помощницы воспитательницъ.

1) Въ приготовительномъ классѣ, дѣвица Софія *Власова*; 2) въ I классѣ, дѣвица Акилина *Васильковская*; 3) во II классѣ—дѣвица Александра *Черняева*; 4) въ III классѣ—дѣвица Надежда *Согина*; 5) въ IV классѣ—дѣвица Екатерина *Гумилевская*; 6) въ V классѣ—дѣвица Марія *Яновская*; 7) въ VI классѣ—дѣвица Лидія *Навродская*; всѣ семь окончили курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашнихъ учительницъ; жалованья каждая получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, по 50 руб. и по 50 руб. на одежду въ годъ; въ настоящей должности всѣ съ 4 іюня 1887 года.

Е. Другія служащія въ училищѣ лица.

1. Врачъ при училищной больницѣ, Харьковскій губернскій врачебный инспекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайловичъ *Стефановичъ-Севастьяновичъ*, докторъ медицины; жалованья получаетъ 300 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 13 января 1877 года.

2. Надзирательница училищной больницы, вдова священника Лукія Павловна *Ковалева*, домашняго образованія; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 200 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 сентября 1871 года.

3. Помощница больничной надзирательницы, дѣвица Пелагія Петровна *Прокофьева*, окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 150 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 4 октября 1880 года.

4. И. д. эконома, мѣщанинъ Харитонъ Клементьевичъ *Невдиховъ*; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 400 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 13 апрѣля 1879 г.

Примѣчаніе. Кромѣ выше поименованныхъ лицъ, въ училищѣ состояли еще: а) *кастелянша*, заведующая бѣльемъ и одеждою воспитанницъ и б) *ключница*, заведующая, въ качествѣ помощницы эконома, столовою и буфетомъ.

II. Составъ учащихся.

Въ отчетномъ году въ училищѣ было семь классовъ: приготовительный и шесть нормальныхъ.

а) Въ началѣ 18^{87/88} учебнаго года всѣхъ воспитаницъ въ училищѣ, вмѣстѣ съ принятыми вновь, было 324, именно: въ приготовительномъ классѣ 50, въ I—51, во II—44, въ III—51, въ IV—56, въ V—47 и въ VI—25 воспитанницъ.

Въ теченіе года вышло изъ училища 11 воспитанницъ, именно: изъ приготовительнаго класса 2 воспитанницы (1 умерла и 1 уволена по просьбѣ отца), изъ II класса 2 воспитанницы (обѣ уволены по просьбамъ родителей), изъ III класса 1 воспитанница (уволена по просьбѣ отца) и изъ IV класса 6 воспитанницъ (1 умерла, 4 уволены по просьбамъ родителей и 1 уволена по малоуспѣшности).

Вновь принято въ училище въ теченіе года 5 воспитанницъ: 3 въ приготовительный и 2 во II классъ.

Такимъ образомъ ко времени годовыхъ испытаній въ училищѣ числилось 318 воспитанницъ, именно: въ приготовительномъ классѣ 51, въ I—51, во II—44, въ III—50, въ IV—50, въ V—47 и въ VI—25 воспитанницъ.

б) Изъ послѣдняго общаго числа учащихся (318) 1 приходившая воспитанница была освобождена отъ платы, на церковно-епархіальныя средства содержалось 70 воспитанницъ, на стипендіи разныхъ лицъ и вѣдомствъ 28 дѣвицъ, своекоштныхъ пансіонерокъ съ полнымъ взносомъ (75 руб. въ годъ безъ необязательныхъ предметовъ) было 198, пансіонерокъ съ уменьшеннымъ взносомъ (50 р. въ годъ) 16 и за 5 воспитанницъ свѣтскаго происхожденія вносились по 200 руб. въ годъ.

в) Изъ того-же общаго числа учащихся дочерей духовенства Харьковской епархіи было 307, въ томъ числѣ дочерей протоиереевъ и священниковъ 241, дочерей діаконовъ 29 и дочерей псаломщиковъ 37; воспитанницъ свѣтскаго происхожденія было 11, именно: 2 дочери умершаго смотрителя духовнаго училища Харьковской епархіи, 1 дочь умершаго помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, 2 дочери умершаго регента архіерей-

скаго хора, 2 дочери дворянъ, 1 дочь коллежскаго ассесора, 1 дочь губернскаго секретаря, 1 дочь рядоваго и 1 дочь крестьянина.

г) За исключеніемъ одной приходящей воспитанницы, дочери живущаго вблизи училища псаломщика, всѣ остальные воспитанницы помѣщались въ училищномъ корпусѣ.

III. Учебно-воспитательная часть.

а) Недѣльное распределение уроковъ съ объясненіемъ причинъ уклоненій отъ предписаній программы.

Недѣльное распределение уроковъ въ училищѣ въ отчетномъ году было слѣдующее: аа) *въ подготовительномъ классѣ: въ понедѣльникъ*—Законъ Божій, русскій языкъ, чистописание, диктовка; *во вторникъ*—русскій языкъ, ариметика, церковное пѣніе, руководѣліе; *въ среду*—русскій языкъ, ариметика, чистописание, диктовка; *въ четвергъ*—русскій языкъ, церковное пѣніе, Законъ Божій, руководѣліе; *въ пятницу*—русскій языкъ, ариметика, чистописание, диктовка, рисованіе; *въ субботу*—Законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, руководѣліе. бб) *Въ I классѣ: въ понедѣльникъ*—аритметика, чистописание, Законъ Божій, французскій языкъ; *во вторникъ*—Законъ Божій, чистописание, руководѣліе, русскій языкъ; *въ среду*—диктовка, русскій языкъ, ариметика, руководѣліе; *въ четвергъ*—аритметика, Законъ Божій, русскій языкъ, диктовка; *въ пятницу*—церковное пѣніе, Законъ Божій, чистописание, русскій языкъ, рисованіе; *въ субботу*—аритметика, французскій языкъ, церковное пѣніе, чистописание; вв) *Во II классѣ: въ понедѣльникъ*—чистописание, ариметика, французскій языкъ, Законъ Божій; *во вторникъ*—географія, русскій языкъ, Законъ Божій, диктовка; *въ среду*—аритметика, руководѣліе, русскій языкъ, церковное пѣніе; *въ четвергъ*—французскій языкъ, ариметика, русскій языкъ, Законъ Божій; *въ пятницу*—географія, чистописание, руководѣліе, русскій языкъ, рисованіе; *въ субботу*—диктовка, Законъ Божій, ариметика, церковное пѣніе; гг) *Въ III классѣ: въ понедѣльникъ*—географія, Законъ Божій, ариметика, диктовка; *во вторникъ*—французскій языкъ, Законъ Божій, руководѣліе, русскій языкъ; *въ среду*—диктовка, ариметика, церковное пѣніе, русскій языкъ; *въ четвергъ*—Законъ Божій, географія, ариметика, французскій языкъ; *въ пятницу*—Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе, чистописание, рисованіе; *въ субботу*—руководѣліе, ариметика, чистописание, русскій яз. дд) *Въ IV классѣ: въ понедѣльникъ*—французскій языкъ, географія, русскій языкъ, церковное пѣніе; *во вторникъ*—чистописание, Законъ Божій, географія, славянскій языкъ; *въ среду*—руководѣліе, исторія, русскій языкъ, ариметика; *въ четвергъ*—диктовка, французскій языкъ, Законъ Божій, ариметика; *въ пятницу*—чистописание, Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе, рисованіе; *въ субботу*—географія, руководѣліе, ариметика, исторія. ее) *Въ V классѣ: въ понедѣльникъ*—географія, русскій языкъ, педагогика, исторія; *во вторникъ*—диктовка,

французскій языкъ, Законъ Божій, географія; *въ среду*—церковное пѣніе, арифметика, исторія, русскій языкъ; *въ четвертъ*—арифметика, Законъ Божій, физика, исторія; *въ пятницю*—Законъ Божій, церковное пѣніе, географія, русскій языкъ, рисованіе; *въ субботу*—французскій языкъ, арифметика, исторія, физика. ажъ) *Въ VI классъ: въ понедѣльникъ*—Законъ Божій, французскій языкъ, церковное пѣніе, педагогика; *во вторникъ*—Законъ Божій, географія, русскій языкъ, геометрія; *въ среду*—космографія, церковное пѣніе, физика, исторія; *въ четвертъ*—Законъ Божій, физика, исторія, русскій языкъ; *въ пятницю*—французскій языкъ, географія, русскій языкъ, физика, рисованіе; *въ субботу*—геометрія, исторія, русскій языкъ, педагогика. 1-й урокъ продолжается отъ 9 до 10 часовъ, 2-й урокъ отъ 10¹/₄ до 11¹/₄ часовъ, 3-й урокъ отъ 11³/₄ до 12³/₄ часовъ, 4-й урокъ отъ 1 до 2 часовъ и 5-й урокъ отъ 3 до 5 часовъ.

Сравнительно съ 18⁸⁶/₈₇ учебнымъ годомъ, въ отчетномъ году въ этомъ росписаніи произошла только та перемена, что въ IV классѣ вновь назначенъ отдѣльный урокъ церковно-славянскаго языка, для усиленія преподаванія этого предмета, во исполненіе 3-го пункта опредѣленія Св. Синода отъ 30 іюля и 12 августа 1886 г.

(Продолженіе будетъ).

РОСПИСАНІЕ

очереднаго проповѣданія Слова Божія протоіереями и священниками города Харькова и подгороднихъ селеній въ Каѳедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1889 года.

ВЪ ЯНВАРѢ.

Въ каѳедральномъ соборѣ: 1. Новый годъ преподаватель Семинаріи священникъ *Николай Маминевскій*; 6. Богоявленіе священникъ *Іоаннъ Левитскій*; 8. Недѣля по просвѣщеніи священникъ *Андрей Любарскій*; Въ домовоі церквѣ: 16. Поклоненіе веригамъ Апостола Петра священникъ *Стефанъ Любицкій*; 17. Святаго Антонія Великаго протоіерей *Василій Добротворскій*. Въ каѳедральномъ соборѣ: 22. Недѣля 31 по Пятидесятницѣ священникъ *Іоаннъ Крушгородскій*; 29. Недѣля о Мытарѣ и Фарисеѣ священникъ *Іоаннъ Левитскій*.

ВЪ ФЕВРАЛѢ

Въ каѳедральномъ соборѣ: 2. Срѣтеніе Господне священникъ *Георгій Волобуевъ*; 5. Недѣля о блудномъ сынѣ священникъ *Павелъ Четвериковъ*; 12. Недѣля мясопустъ священникъ *Василій Кунцынъ*; 19. Недѣля сыропустъ 1 седмица Великаго поста протоіерей *Павелъ Ковалевскій*; 26. День рожденія Государа Императора священникъ *Никандръ Оникевичъ*.

ВЪ МАРТѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 2. Восшествіе на престолъ Государя Императора ректоръ Семинаріи о. протоіерей *Іоаннъ Крапировъ*; 5. Недѣля 2 Великаго поста священникъ *Николай Мощенковъ*; 12. Недѣля 3 Великаго поста. священникъ *Николай Пантелеимоновъ*; 19. Недѣля 4 Великаго поста протоіерей *Павелъ Тимофѣевъ*; 25. Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы протоіерей *Василій Левандовскій*. Въ приходской церкви: священникъ *Аполлонъ Ильишевъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 26. Недѣля 5 Великаго поста священникъ *Димитрій Скрынниковъ*.

ВЪ АПРѢЛѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 2. Недѣля Ваіи цвѣтоносная протоіерей *Александръ Федоровскій*; 7. Въ Великій пятокъ священникъ *Панкратій Ивановъ*; 8. Въ Великую субботу священникъ *Стефанъ Петровскій*; 9. Пасха Христова протоіерей *Андрей Дюковъ*; 16. Недѣля о Ѳомѣ священникъ *Василій Ветуховъ*; 22. Перенесеніе чудотворнаго образа Озерянской Божіей Матери изъ Харькова въ Куряжскій монастырь священникъ *Павелъ Григоровичъ*; 23. Недѣля жень Мироносицъ священникъ *Василій Добровольскій*; 30. Недѣля о разслабленномъ священникъ *Михаилъ Румянцевъ*.

ВЪ МАѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 3. Преполовеніе священникъ *Николай Сокольскій*; 6. Рожденіе Государя Наслѣдника Цесаревича священникъ *Николай Соколовскій*; 7. Недѣля о Самарянинахъ священникъ *Василій Лихницкій*; 8. Апостола Іоанна Богослова священникъ *Николай Пантелеимоновъ*. Въ приходской церкви: 9. Перенесеніе мощей Святаго Николая Чудотворца протоіерей *Павелъ Солнцевъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 11. Свят. Кирилла и Меводія священникъ *Григорій Бѣляевъ*; 14. Недѣля о Слѣпомъ священникъ *Павелъ Четвериковъ*; 15. Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ священникъ *Тимовей Буткевичъ*. Въ приходской церкви: 18. Вознесеніе Господне священникъ *Григорій Томашевскій*. Въ кафедральномъ соборѣ: 21. Недѣля св. отецъ въ Никее священникъ *Петръ Милулинъ*; 28. Пятидесятница день Святой Троицы протоіерей *Іоаннъ Чижевскій*. Въ приходской церкви: 29. День Святаго Духа протоіерей *Николай Лащенко*.

ВЪ ІЮНѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 4. Недѣля 1 Всѣхъ Святыхъ священникъ *Петръ Полтавцевъ*; 11. Недѣля 2 по Пятидесятницѣ священникъ *Николай Гутниковъ*; 18. Недѣля 3 по Пятидесятницѣ священникъ *Василій Марченко*; 23. Владимірской Божіей Матери священникъ *Михаилъ Соколовскій*. Въ приходской церкви: 24. Рождество Іоанна Предтечи священникъ *Василій Куницынъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 25. Недѣля 4 по Пятидесятницѣ священникъ *Андрей Димитріевъ*; 29. Апостоловъ Петра и Павла священникъ *Филиппъ Соболевъ*. Въ приходской церкви: священникъ *Николай Пантелеимоновъ*.

ВЪ ІЮЛѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 2. Недѣля 5 по Пятидесятницѣ священникъ *Василій Поповъ*; 9. Недѣля 6 по Пятидесятницѣ протоіерей *Гавріилъ Федоровскій*; 16. Недѣля 7 по Пятидесятницѣ протоіерей *Павелъ Даргинскій*; 20. Пророка Іліи протоіерей *Андрей Щелкуновъ*; 22. Тезоименитство Государнии Императрицы священникъ *Андрей Балашовскій*. Въ приходской церкви: протоіерей Андрей Дюковъ. Въ кафедральномъ соборѣ: 23. Недѣля 8 по Пятидесятницѣ протоіерей *Николай Лащенко*. Въ приходской церкви: 27. Великаго муч. Пантелеимона священникъ *Василій Ветуховъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 30. Недѣля 9 по Пятидесятницѣ протоіерей *Павелъ Солтцевъ*.

ВЪ АВГУСТѢ.

Въ приходской церкви: 6. Преображеніе Господне священникъ *Михаилъ Румянцевъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 13. Недѣля 11 по Пятидесятницѣ протоіерей *Симеонъ Илларионовъ*; 15. Успеніе Пресвятыя Богородицы протоіерей *Тимовей Павловъ*; 20. Недѣля 12 по Пятидесятницѣ священникъ *Николай Мощенковъ*; 27. Недѣля 13 по Пятидесятницѣ протоіерей *Василій Левандовскій*; 29. Усѣкновеніе главы пророка Предтечи и крестителя Господня Іоанна священникъ *Андрей Руминскій*. Въ приходской церкви: священникъ *Георгій Волобуевъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 30. Тезоименитство Государя Императора священникъ *Аполлонъ Млышевъ*.

ВЪ СЕНТЯБРѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 3. Недѣля 14 по Пятидесятницѣ священникъ *Георгій Чеботаревъ*; 8. Рождество Пресвятыя Богородицы священникъ *Василій Кунцынъ*. Въ приходской церкви: священникъ *Стефанъ Петровскій*; священникъ *Василій Добровольскій*. Въ кафедральномъ соборѣ: 10. Недѣля предъ Воздвиженіемъ протоіерей *Павелъ Ковалевскій*. Въ приходской церкви: 14. Воздвиженіе Креста Господня протоіерей *Андрей Щелкуновъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 17. Недѣля по Воздвиженіи священникъ *Георгій Волобуевъ*; 24. Недѣля 17 по Пятидесятницѣ священникъ *Павелъ Четвериковъ*. Въ домовоі церкви: 26. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова ректоръ Семинаріи о. протоіерей *Іоаннъ Крутировъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 30. Перенесеніе Чудотворнаго Образа Озерянской Божіей Матери изъ Куржскаго монастыря въ гор. Харьковъ священникъ *Николай Малиновскій*.

ВЪ ОКТЯБРѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 1. Покровъ Пресвятыя Богородицы протоіерей *Іоаннъ Чижевскій*; 8. Недѣля 19 по Пятидесятницѣ священникъ *Василій Проскурниковъ*; 15. Недѣля 20 по Пятидесятницѣ священникъ *Николай Гутниковъ*; 17. Служеніе въ память чудеснаго спасенія отъ угрожавшей опасности Государя Императора, Государнии Императрицы и Царской Семьи священникъ *Тимовей Буткевичъ*; 22. День Казанской Иконы Божіей Матери протоіерей *Павелъ Даргинскій*. Въ приходской церкви: 26. Св. Вел. Дмитрія Солунскаго священникъ *Петръ Милулинъ*. Въ кафедральномъ соборѣ 29. Недѣля 22 по Пятидесятницѣ священникъ *Георгій Чеботаревъ*.

ВЪ НОЯБРѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 5. Недѣля 23 по Пятидесятницѣ священникъ *Іоаннъ Крушодольскій*. Въ приходской церкви: священникъ *Григорій Томашевскій*; 8. Соборъ Архистратига Михаила протоіерей *Іоаннъ Оедоровъ*. Въ кафедральномъ соборѣ: 12. Недѣля 24 по Пятидесятницѣ священникъ *Андрей Рудинскій*; 14. Рожденіе Государини Императрицы священникъ *Василій Добровольскій*; 19. Недѣля 25 по Пятидесятницѣ священникъ *Василій Лихницкій*; 21. Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы священникъ *Николай Соколовскій*; 23. Великаго князя Александра Невскаго священникъ *Петръ Полтавцевъ*; 26. Недѣля 26 по Пятидесятницѣ священникъ *Василій Поповъ*.

ВЪ ДЕКАБРѢ.

Въ кафедральномъ соборѣ: 3. Недѣля 27 по Пятидесятницѣ протоіерей *Павелъ Тимоньевъ*; 6. Святителя Николая Миръ Лікійскихъ Чудотворца священникъ *Николай Пантелеймоновъ*. Въ приходской церкви протоіерей *Александръ Оедоровскій*. Въ кафедральномъ соборѣ: 10. Недѣля 28 по Пятидесятницѣ протоіерей *Симеонъ Имаріоновъ*; 17. Недѣля Св Праотецъ священникъ *Аполлонъ Ильашевъ*; 24. Недѣля предъ Рождествомъ священникъ *Павелъ Григоровичъ*; 25. Рождество Христово священникъ *Андрей Любарскій*; 26. Соборъ Пресвятыя Богородицы священникъ *Андрей Балаховскій*.

Епархіальныя извѣщенія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, 19-го сего ноября, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать орденъ Св. Станислава 3-й степени — старостѣ Воскресенской церкви, въ городѣ Харьковѣ, потомственному почетному гражданину Ивану Величченко—за заслуги по духовному вѣдомству.

— По указу Св. Синода отъ 28 ноября н. г. за № 5781 въ причтѣ Георгіевской церкви слободы *Поповки*, Изюмскаго уѣзда, открыты вакансіи: второго священника и второго псаломщика, которыя уже и замѣщены.

— Священникъ Троицкой церкви села Поповки, Богодуховскаго уѣзда, Стефанъ *Бойковъ* утвержденъ помощникомъ благочиннаго 1-го округа Богодуховскаго уѣзда.

— Священникъ Трифонъ *Богунскій* утвержденъ законоучителемъ Марашовскаго народнаго училища Купянскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Успенской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, Петръ *Крыжановскій* перемѣщенъ къ церкви села Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда, на должность псаломщика.

— Сынъ священника Петръ *Лобковскій* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Николаевской церкви слоб. Жихора, Харьковскаго уѣзда.

— 16 ноябрю умеръ заштатный протоіерей Николаевской церкви г. Купянска Александръ *Оомиръ*.

— 23 ноября умеръ діаконъ Рождество-Богородичной церкви села Удъ, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Сильванскій*.

— Утверждены въ должности старостъ: къ Сергіевской церкви сл. Колодяжной, Купянскаго уѣзда, землевладѣлецъ Андрей Порфирьевичъ *Грещукъ*, къ Успенской церкви г. Зміева крестьянинъ Исидоръ *Гриневъ*.

— Потомственный дворянинъ *Яковъ Щеголевъ* по прошенію уволенъ отъ должности церковнаго старосты при домової церкви Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, а на его мѣсто на эту должность опредѣленъ Харьковскій 1-й гильдіи купецъ Павелъ Павловичъ *Рыжовъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Общество для доставленія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. — По поводу уѣздныхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ. — Къ вопросу объ обезпеченіи духовенства. — Мѣры для успѣшной борьбы съ сектантами. — Состояніе церквей въ Прибалтійскомъ краѣ. — Мошенничество при сборѣ пожертвованій на Аничъ. — Полезное объявленіе. — Некрологъ.

24 сентября сего года открылось въ С.-Петербургѣ новое благотворительное учрежденіе — «Общество для доставленія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ», которое милостиво приняла подъ свое высокое покровительство Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна.

Уставъ Общества утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 20 марта 1888 года. Общество имѣетъ дѣлью рекомендовать, преимущественно въ провинцію, надежныхъ наставницъ, надзирательницъ, гувернантокъ и преподавательницъ наукъ, языковъ и искусствъ и способствовать окончившимъ образованіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, или получившимъ соотвѣтствующіе дипломы, — къ полученію мѣстъ и занятій.

Для достиженія этихъ цѣлей, Общество: а) принимаетъ на себя посредничество между ищущими мѣста и занятія и предлагающими таковыя; б) рекомендуетъ на мѣста лицъ, о которыхъ имѣетъ вселяющія довѣріе свѣдѣнія; в) приглашаетъ въ провинціи дамъ, пользующихся особымъ довѣріемъ Общества, принять на себя содѣйствіе и покровительство лицамъ, рекомендованнымъ Обществомъ; г) образуетъ запасный капиталъ для выдачи ссудъ и пособій достойнѣйшимъ изъ состоящихъ подъ его покровительствомъ наставницамъ и учительницамъ, и д) принимаетъ на себя ходатайство о назначеніи, согласно существующимъ законамъ, отъ правительства пенсій тѣмъ наставницамъ, которыя не менѣе 25 лѣтъ занимались воспитаніемъ или обученіемъ дѣтей внѣ Петербурга и постоянно объ этомъ представляли въ Общество отчеты и удостовѣренія.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, соревнователей и сотрудницъ. Члены дѣйствительные и соревнователи вносятъ ежегодно по 3 р. или одновременно не менѣе 50 р. Дѣйствительные члены участвуютъ, кромѣ того, безвозмездно своимъ трудомъ въ веденіи дѣлъ Общества. Сотрудницами признаются окончившія курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ или получившія соотвѣтствующіе дипломы, въ случаѣ принятія ихъ подъ покровительство Общества. Сотрудницы вносятъ ежегодно въ кассу Общества 1⁰/₀ изъ получаемаго ими жалованья.

Средства Общества состоятъ изъ членскихъ взносов и пожертвованій. Завѣдываніе дѣлами Общества ввѣрено Правленію, Дамскому Комитету и Общему Собранію членовъ. Правленіе въ настоящее время состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ, назначенныхъ самою Августѣйшею Покровительницею Общества: сенатора, тайнаго совѣтника П. П. Семенова (предсѣдателя), Гофмейстерины Двора Е. И. В. Великой Княгини Екатерины Михайловны Е. П. Голохвастовой, супруги сенатора О. В. Лерхе, супруги тайнаго совѣтника барона Е. Г. Дурново, С. А. Давыдовой, дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона О. О. Буксгевдена (завѣдующаго дѣлами Общества), О. К. Адеркаса (его помощника) и П. И. Гримма (казначей).

Дамскій Комитетъ, состоящій изъ 12 дамъ, имѣетъ назначеніе рѣшать вопросъ о возможности или невозможности рекомендаціи лицъ, ищущихъ мѣстъ, и руководствуется при этомъ собранными относительно надежности просительницъ свѣдѣніями.

Свѣдѣнія эти собируются такъ называемыми дежурными дамами, завѣдующимъ дѣлами и его помощниками.

Дежурныя дамы поочереды дежурятъ въ конторѣ Общества, принимаютъ заявленія какъ ищущихъ мѣстъ, такъ и предлагающихъ таковыя, собираютъ свѣдѣнія для опредѣленія степени надежности и познаній лицъ, обращающихся въ Общество съ просьбами о рекомендаціи, и присутствуютъ въ засѣданіяхъ Дамскаго Комитета, по дѣламъ тѣхъ просительницъ, о которыхъ наводили справки.*

Для привлеченія провинціальныхъ органовъ къ участию въ дѣятельности Общества, оно, на основаніи устава, предполагаетъ обращаться къ супругамъ попечителей учебныхъ округовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства, къ предсѣдательницамъ дамскихъ благотворительныхъ обществъ и мѣстныхъ управленій Краснаго Креста, къ начальницамъ провинціальныхъ женскихъ учебныхъ заведеній и вообще къ дамамъ, пользующимся особымъ довѣріемъ

Общества и предлагать имъ содѣйствовать достиженію цѣлей Общества своимъ покровительствомъ и участіемъ къ рекомендованнымъ Обществомъ лицамъ.

Дежурства для пріема заявленій и просьбъ будутъ на первое время происходить по два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, отъ 3 до 5 часовъ пополудни, въ конторѣ Общества, помѣщающейся въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Михайловскаго дворца (входъ съ Михайловской площади, противъ театра). Всѣ заявленія и просьбы принимаются безплатно.

Учрежденіе новаго Общества вызвано весьма настоятельною потребностью въ установленіи такого органа, который могъ бы принять на себя посредничество между ищущими мѣста и предлагающими таковыя. Всѣмъ извѣстно, до какой степени бѣдствуютъ многіи изъ бывшихъ воспитаницъ С.-Петербургскихъ женскихъ учебныхъ заведеній, не находя для себя мѣсть и занятій въ Петербургѣ. Между тѣмъ въ провинціи учебныя заведенія и частныя лица очень часто нуждаются въ надежныхъ учительницахъ и наставницахъ.

Для успѣшныхъ и безостановочныхъ дѣйствій Общества необходимо, чтобы въ немъ постоянно получались въ достаточномъ числѣ заявленія не только отъ ищущихъ мѣсть, но еще болѣе и отъ предлагающихъ таковыя, особенно изъ провинціи.

Въ этихъ видахъ, Общество обращается ко всѣмъ лицамъ, желающимъ воспользоваться его услугами или содѣйствовать ему въ томъ или другомъ видѣ, — съ просьбою: присылать всѣ подобныя заявленія, а равно и членскіе взносы и другія пожертвованія или въ контору Общества (по вышеозначенному адресу), или къ завѣдующему дѣлами Общества, дѣйствительному статскому совѣтнику барону Отто Оттовичу Буксгевдену (С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. № 50), или же къ другимъ членамъ Правленія.

— По поводу учрежденія уѣздныхъ отдѣленій епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, въ «Рязан. Епарх. Вѣд.» помѣщены слѣдующія прекрасныя строки, которыя могутъ быть весьма полезны для всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Отнынѣ весь успѣхъ нашей возродившейся церковно-приходской школы будетъ зависѣть отъ того участія къ дѣлу, почина, изобрѣтательности, энергіи и усердія, съ какимъ отнесутся къ нуждамъ и интересамъ школы уѣздныя отдѣленія. Будемъ надѣяться, что оо. предсѣдатели и члены отдѣленій вложатъ въ дѣло прежде всего ту любовь и сердечность, безъ которыхъ не можетъ успѣшно развиваться никакое дѣло,

тотъ трудъ и заботливость, которые, не ограничиваясь сухимъ канцеляризмомъ и выполненіемъ бумажныхъ формальностей, проникаютъ въ самую душу любимаго дѣла, и тотъ тактъ, который умѣетъ согласовать разносторонніе интересы, не затрогивая ни личныхъ, ни сословныхъ самолюбій, и утилизировать въ пользу дѣла всѣ живыя мѣстныя силы и средства. Въ особенности важна и отвѣтственна, по нашему мнѣнію, должность предсѣдателей отдѣленій. Въ рукахъ предсѣдателя сосредоточиваются всѣ главнѣйшія нити и пружины дѣла. Поэтому, обладая въ возможномъ совершенствѣ вышеуказанными качествами, предсѣдатели должны заботиться о привлеченіи участія въ дѣлу различныхъ свѣтскихъ и преимущественно земскихъ элементовъ, а потому должны озаботиться о расширеніи своихъ общественныхъ связей въ уѣздѣ съ цѣлью утилизировать ихъ въ интересахъ дѣла. Вообще предсѣдатель долженъ, по нашему мнѣнію, видѣть прямую свою обязанность во всестороннемъ изученіи своего уѣзда. Не ограничиваясь знакомствомъ съ представителями мѣстной администраціи, землевладѣльцами, чинами городского и земскаго представительства и духовенства, предсѣдатель долженъ быть знакомъ съ количествомъ и распределеніемъ народонаселенія въ уѣздѣ, съ числомъ дѣтей школьнаго возраста и вообще съ положеніемъ запроса тѣхъ или другихъ мѣстностей на школьное образованіе и грамотность, а также съ экономическимъ положеніемъ уѣзда и существующими средствами народнаго просвѣщенія. Важный и серьезный трудъ собиранія такихъ свѣдѣній облегчается участіемъ въ совѣтѣ членовъ различныхъ сословій и вѣдомствъ и въ особенности мѣстныхъ наблюдателей, которые, поддерживая постоянныя сношенія съ предсѣдателемъ и, по возможности, постоянно участвуя въ засѣданіяхъ совѣта, какъ его непремѣнные члены, являются живыми свидѣтелями мѣстныхъ нуждъ, условій и обстоятельствъ, каждый по своему наблюдательному округу. Позволимъ себѣ указать еще на одно драгоцѣнное качество, какое желательно было бы видѣть въ лицѣ каждаго уѣзднаго предсѣдателя и которое само собою вытекаетъ изъ правильнаго взгляда на обязанность предсѣдателя съ одной стороны и потребности дѣла съ другой. Это такъ называемая «доступность» предсѣдателя. Лица, обладающія этимъ простымъ, но высокимъ качествомъ, не смотря на важность служебнаго положенія, усердно и любезно идутъ на встрѣчу каждому дѣлу, каждой нуждѣ, гдѣ бы они ни отрывались и какъ бы ни были незначительны по своему общественному положенію лица, являющіяся представителями этихъ дѣлъ и нуждъ.

Опытъ четырехлѣтняго управленія школами епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ показать, что дѣло церковно-приходской школы слагается не изъ однихъ только крупныхъ и важныхъ вопросовъ, но большею частью изъ дѣлъ и нуждъ мелкихъ, но требующихъ участливаго отношенія и безотлагательнаго удовлетворенія. Пусть каждый причетникъ свободно идетъ къ предсѣдателю, зная, что его маленькое предпріятіе и просьба о дѣлѣ встрѣчены будутъ съ тѣмъ разумѣніемъ и сочувствіемъ, какія ему нужны, а не съ холодною важною сановника, едва допускающаго къ себѣ неважнаго просителя, отклоняющаго просьбу или безучастно обѣщающаго дать ей формальное движеніе. Предсѣдатель, по нашему мнѣнію, долженъ быть, по апостолу, всѣмъ для всѣхъ, т. е. усерднѣйшимъ слугою слугъ Божіихъ.

— Вопросъ объ обезпеченіи духовенства опять выступаетъ на видное мѣсто. Архіепископъ ярославскій Іонаанъ, 13 октября, обратился къ гражданамъ г. Углича съ воззваніемъ объ устройствѣ помѣщеній для священнослужителей городского собора и церкви Елѣдбищенской, называемой у угличанъ «убогимъ домомъ». Оренбургское епархіальное попечительство, съ утвержденія епископа, 16 августа, предложило всѣмъ благочиннымъ тѣхъ округовъ, въ которыхъ еще не открыты попечительные совѣты о бѣдныхъ духовнаго званія, или же прекратили свои дѣйствія, открыть таковые и, согласно установленнымъ правиламъ для означенныхъ совѣтовъ, на благочинническихъ сѣздахъ изыскать средства къ обезпеченію сиротъ духовнаго званія, проживающихъ въ каждомъ округѣ, избрать членовъ совѣтовъ, и въ веденіи и представленіи отчетности неуклонно слѣдовать означеннымъ правиламъ. Духовенство рижской епархіи, заботясь о своихъ престарѣлыхъ и больныхъ собратіяхъ, о своихъ вдовахъ и сиротахъ, несетъ очень большія жертвы: во вспомоgetельный, квартирный и погребальный капиталы духовенство вноситъ ежегодно тринадцатую часть своего штатнаго содержанія; при все томъ, оно постоянно волнуется слухами о непрочности капиталовъ, особенно вспомоgetельнаго, и перѣдко видитъ необезпеченность вдовъ, сиротъ и заштатныхъ собратій. Поэтому бывший въ августѣ сѣздъ этого духовенства имѣлъ намѣреніе какъ можно точнѣе провѣрить капиталы, чтобы можно было вывести вѣрное заключеніе о ихъ прочности или непрочности и, сообразно съ этимъ, обсудить правила о капиталахъ, составленныя прежнимъ сѣздомъ. Но такой провѣрки сѣздъ пока не могъ сдѣлать, и такимъ образомъ одинъ изъ особенно тревожащихъ духовенство

епархіи вопросовъ, именно о пересмотрѣ правилъ вспомогательнаго капитала, не могъ быть рѣшенъ.

— Духовенство въ матеріальномъ отношеніи сравнительно хорошо обставлено въ очень не многихъ епархіяхъ. Къ этимъ епархіямъ принадлежитъ, наиримѣрь, рижская. Здѣсь сельскій священникъ получаетъ жалованья 1,300 руб.; кромѣ того у большей половины причтовъ, именно у 90 изъ 165, есть земельные надѣлы. Но въ подобныхъ условіяхъ живетъ лишь сравнительно небольшая часть православнаго духовенства. Скучность средствъ большинства духовенства даетъ себя особенно чувствовать осиротѣвшимъ семьямъ духовныхъ лицъ. Табъ, по заявленію «Вол. Е. В.», послѣ смерти одного священника, умершаго—замѣтимъ—уже на 65 году отъ роду, «весь оставшійся реманентъ и сборы съ угодій оцѣнены по описи всего въ 220 рублей, а таковыхъ средствъ на содержаніе оставшагося по немъ семейства недостаточно и на непродолжительное время». Въ той же епархіи однимъ умершимъ пономаремъ оставлено семьѣ изъ семи человѣкъ имущества всего на 9 руб. 75 коп., кромѣ того на пропитаніе 3 корца ржи и четверикъ проса.

Къ счастью, эмеритальныя кассы духовенства упрочиваются по немногу. Открываются и новыя эмеритуры. Въ началѣ января будущаго 1889 года будетъ открыта эмеритальная касса для духовенства новгородской епархіи съ цѣлю обезпеченія быта заштатныхъ священноцерковнослужителей и вообще служащихъ въ духовномъ вѣдомствѣ, а также вдовъ и сиротъ ихъ. Духовенство владикавказской епархіи возбудило ходатайство о принятіи его въ число членовъ ставропольской епархіальной братской кассы, наравнѣ съ духовенствомъ черноморскаго округа сухумской епархіи. Вопросъ этотъ, согласно постановленію правленія кассы, 13 октября, переданъ на обсужденіе благочинническихъ съѣздовъ епархіальнаго духовенства. («Церк. Вѣстн.»).

— «День» сообщаетъ, что спеціальною комиссіею выработано положеніе о мѣрахъ для успѣшной борьбы православныхъ миссіонерскихъ миссій съ молоканами, хлыстами, балтистами, птундистами и другими сектантами. Мѣры эти направлены, главнымъ образомъ, противъ благопріятствующихъ распространенію сектъ обстоятельствъ. Признается необходимымъ:

- 1) Введеніе въ кругъ преподаванія въ высшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ обличенія сектантскихъ лжеученій;
- 2) снабженіе приходовъ, гдѣ есть послѣдователи рационалистическихъ сектъ, нужными для ихъ обличительной дѣятельности кни-

гами; 3) назначеніе въ такіе приходы священниковъ, имѣющихъ достаточное богословское образованіе и доброй нравственности; 4) установленіе надзора за правильнымъ писаніемъ иконъ, дабы устраненъ былъ всякій поводъ къ нападенію на нихъ со стороны сектантовъ и 5) повсемѣстное, гдѣ есть сектанты, введеніе бесѣдъ съ послѣдними, съ употребленіемъ при оныхъ общаго пѣнія молитвъ, псалмовъ и т. д.

Мѣры, выработанныя комиссіею. по отношенію къ улучшенію быта православныхъ крестьянъ, живущихъ среди сектантовъ, по обсужденію ихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, будутъ препровождены со всѣми относящимися къ нимъ данными на заключеніе и распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Епископъ рижскій и митавскій, воспользовавшись собраніемъ въ Ригѣ благочинныхъ — депутатовъ XXI епархіальнаго съѣзда, бесѣдовалъ съ ними о нуждахъ и вообще о состояніи церковныхъ дѣлъ и положеніи духовенства въ епархіи. Епископъ говорилъ между прочимъ о сельскихъ храмахъ, что ихъ непредставительность внѣшняя и бѣдность внутренняя вызываютъ слезы. Нечего говорить уже о молитвенныхъ домахъ и особенно о молитвенныхъ домахъ новооткрытыхъ приходоу, помѣщающихся въ наемныхъ тѣсныхъ и неудобныхъ избахъ. Вотъ вамъ комната, часто тѣсная низкая, не свѣтлая; впереди столикъ—это св. престолъ, въ сторонѣ шкафъ для ризницы и для храненія св. сосудовъ, налѣво тоже столикъ—это жертвенникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько иконъ поставлены въ формѣ иконостаса, а въ другихъ мѣстахъ иконы развѣшены по стѣнамъ въ переднемъ углу; иконостаса же вовсе нѣтъ. «Во многихъ храмахъ, говорилъ преосвященный, я видѣлъ, что дешевыя панкадила висѣли безъ свѣчей, а въ нѣкоторыхъ вставлены маленькія свѣчи. Свѣчная продажа во многихъ храмахъ самая ничтожная. А ризница почти во всѣхъ храмахъ бѣдная, во многихъ и скудная: есть молитвенные дома, въ которыхъ нѣтъ ни одной траурной ризы. Нельзя сказать, чтобы православные жители прибалтійскаго края были бѣднѣе другихъ православныхъ обитателей въ Россіи; но по вліянію протестантизма они не привыкли благотворить своимъ храмамъ, не покупаютъ свѣчей, не кладутъ въ кошелекъ денегъ». На какомъ языкѣ отпращивать богослуженіе? Конечно, на томъ, который дозволенъ и утвержденъ высшимъ начальствомъ какъ языкъ богослужебный, т. е. для латышей—на латышскомъ, для эстонцевъ—на эстонскомъ. Впрочемъ, желательно было-бы, чтобы для тѣхъ и другихъ иногда

нѣкоторыя части богослуженія отправлялись по-славянски. Относительно епархіальнаго духовенства преосвященный сказалъ, между прочимъ, что оно, не исключая и исаломщиковъ, стоитъ на надлежащей высотѣ въ образовательномъ отношеніи. Одобряя все духовенство и въ особенности священниковъ, во имя правды, слѣдуетъ указать и на нежелательныя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ явленія. «Тутъ я», сказалъ владыка, «разумѣю какую-то въ нихъ свѣтскость и отсутствіе смиренія и кротости. Въ отношеніи къ прихожанамъ священнику отнюдь не подобаетъ вести себя по барски: онъ долженъ быть кротокъ, обязателенъ, доступенъ и участливъ.

— Нѣсколько времени назадъ въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ появилось сообщеніе о получаемыхъ многими русскими купцами и сельскими жителями письмахъ съ приглашеніемъ жертвовать на извѣстные монастыри на Аѳонѣ, при чемъ въ письмахъ предлагалось, въ виду затрудненія получать денежные письма изъ Россіи въ Константинополь, пересылать деньги на имя извѣстныхъ лицъ, которыя и будутъ отправлять пожертвованія по назначенію. Въ письмахъ даже приводилась и подробная такса за ежедневныя и еженедѣльные поминовенія и упоминанія въ молитвахъ именъ жертвователей и ихъ родственниковъ. Находилось не мало лицъ, которыя высылали по указанному адресу свои пожертвованія. Недавно оказалось, что Одесса была центромъ, куда направлялись эти пожертвованія. Обнаружено это слѣдующимъ образомъ: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, агентъ Общества страхованія и транспортированія кладей «Надежда», г. Козленко, получилъ изъ Константинополя отъ нѣкоего Юліуса Клейна письмо, въ которомъ говорилось, что, имѣя надобность получить деньги за образцы товаровъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, онъ проситъ г. Козленко разрѣшить адресовать эти деньги на его имя въ Одессу, съ тѣмъ, чтобы г. Козленко отправлялъ ему получаемыя деньги въ Константинополь до востребованія, за что и предлагать 3% коммисіонныхъ. Способъ пересылки денегъ такимъ путемъ Клейнъ объяснялъ тѣмъ, что денежные корреспонденціи въ Константинополь могутъ быть отправляемы не изъ всѣхъ мѣстъ Россіи. Г. Козленко сперва не отвѣтилъ на это предложеніе, находя это дѣло мелкимъ, а затѣмъ, получивъ въ августѣ повтореніе, поручилъ одному изъ служащихъ отвѣтить Клейну, что онъ согласенъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ особыхъ конвертахъ, стали получаться изъ разныхъ мѣстъ Россіи деньги для переотправки въ Константинополь. Получая денежные пакеты для Клейна, г. Козленко былъ крайне удивленъ, что ни въ одномъ

изъ пакетовъ не было никакихъ дѣловыхъ писемъ; деньги же прислались въ размѣрѣ 3, 5, 10 руб. и болѣе. Но въ одномъ изъ пакетовъ оказалось письмо, въ которомъ выражалась просьба помолиться за такихъ то и такихъ то лицъ. Зная, что Клейнъ получаетъ деньги за образцы товаровъ, г. Козленко заподозрилъ неладное и сообщилъ объ этомъ полиціи. Между тѣмъ, деньги для Клейна продолжали высылаться и собралась сумма до 300 руб. Для обнаруженія мошенничества и задержанія виновника, живущаго въ Константинополѣ, не представлялось возможности. Но на дняхъ къ г. Козленко явился «уполномоченный» торговаго дома «Юліусъ Клейнъ и К^о». Уполномоченный этотъ оказался бывшимъ одесскимъ купцомъ Смирновымъ, судившимся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по дѣлу о составленіи подложныхъ векселей отъ имени купца Штыхнова. Полиція его задержала. По имѣющимся даннымъ, для собиранія денегъ путемъ мошенничества была организована шайка, которая имѣла въ разныхъ мѣстахъ Россіи своихъ агентовъ, сообщавшихъ адреса зажиточныхъ лицъ въ городахъ и деревняхъ. (Моск. Вѣд.).

— Въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее важное и полезное извѣстіе. Во Франціи недавно, по распоряженію министра земледѣлія, выставлены по лѣснымъ и полевымъ дорогамъ доски съ такими надписями:

«Ежъ питается мышами, улитками, личинками — животными крайне вредными для земледѣлія. Не убивайте ежей!»

«Кротъ постоянно ѣстъ личинки разныхъ вредныхъ гусеницъ. Въ его желудкѣ никогда не находили растительной пищи. Не убивайте кротовъ!»

«Жаба истребляетъ каждый часъ отъ 20 до 30 гусеницъ. Не истребляйте жабъ!»

«Хрущъ (майскій жукъ) и его личинка — главные враги земледѣлія. Хрущъ кладетъ 60 и 100 яичекъ, изъ которыхъ выводятся личинки и новые хрущи. Убивайте хрущей».

«Гусеницы наносятъ странъ вредъ милліонами. Только птицы могутъ справиться съ гусеницами, такъ какъ онѣ ими питаются. Птицы — помощники земледѣльца. Дѣти, не вынимайте яицъ и птенцовъ изъ птичьихъ гнѣздъ!»

Эти умныя правила нужно затвердить и нашему сельскому населенію, которое ежегодно терпитъ въ своемъ хозяйствѣ огромныя убытки отъ разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ. Особенно нужно беречь птицъ полевыхъ, главныхъ истребителей мышей и насѣкомыхъ, — замѣчаетъ газета.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

Въ ночь на 16-е ноября н. г. отъ грудной водяной умеръ по напутствованіи Св. Тайнамъ и Елеосвященіемъ духовникъ 1-го благочинническаго округа, г. Купянска Николаевской церкви протоіерей Александръ Григорьевичъ Томинъ на 66-му году отъ рожденія. Покойный. по окончаніи курса въ Харьковской духовной семинаріи въ 1847 году во 2-мъ разрядѣ, съ 1848 года проходилъ должность наставника греческаго и церковно-славянскаго языка въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, каковую должность занималъ до 1871 года. Въ 1855 году рукоположенъ во священника къ Купянскому собору. Въ 1871 году согласно его прошенію перевѣщенъ былъ къ Купянской же Николаевской церкви съ назначеніемъ на должность законоучителя въ свѣтскомъ уѣздномъ училищѣ, каковую должность съ усердіемъ проходилъ до послѣдняго мѣсяца своей тяжелой болѣзни. За время своей службы былъ награжденъ пабедренникомъ, синодальною скуфією, кампавкою, саномъ протоіерея, наперснымъ крестомъ и сопричисленъ къ ордену Св. Анны 3-й степени. Имѣлъ свѣтлобронзовую медаль и наперсный крестъ въ память войны 1877 и 1878 годовъ.

Покойный протоіерей за свой кроткій и миролюбивый характеръ, за точное и примѣрно-ревностное прохожденіе пастырской обязанности, за постоянную заботу и труды по украшенію и расширенію своей приходской Николаевской церкви, пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе не только отъ своихъ признательныхъ прихожанъ, но и всѣхъ гражданъ Купянска. И любовь всѣхъ къ примѣрно нравственной его жизни и пастырской ревности о благѣ насомыхъ выражена была со стороны любившихъ его гражданъ скорбію въ началѣ его болѣзни, и вполне доказана ими во время его кончины тѣмъ, что не только домъ покойнаго, но и весьма просторная приходская его церковь не могли вмѣщать всѣхъ посѣтителей явившихся проститься съ любимымъ пастыремъ. Погребеніе тѣла покойнаго совершено было 18-го ноября пятью священниками и тремя діаконами.

Послѣ литургіи мѣстнымъ благочиннымъ сказано было приличное случаю слово, а во время погребенія г. смотритель духовнаго училища почтилъ покойнаго надгробною рѣчью. Отъ земства возложенъ былъ вѣнокъ на гробъ покойнаго. Да будетъ вѣчная память почившему!

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и ви́ншей политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Последнія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи «Южнаго Края». VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ). IX. Ви́ншія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетоны: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Слѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты и Харьковскаго военно-Окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднымъ	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовою экземпляръ по соглашенію съ Редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ ПЕТЕРБУРГѢ—въ конторахъ подписки и объявленій Ф. ПЕТРИЦЪ, Невскій просп. № 8 и П. МАТИСЕНА, Невскій, у Казанскаго моста № 28--12. Въ МОСКВѢ—въ конторахъ объявленій и подписки: А. СЕНЪ-МАРГЕНЪ, Неглинный проездъ, д. Молчапова; П. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи; Н. А. МЕЙЕРА, Покровка, д. Молчанова; въ центральной конт. объявленій бывш. Л. МЕТЦЛЬ, Мясницкая, д. Спиридоновова и въ справочномъ Бюро Н. ДОНИЧЪ и Ко, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ ПОЛТАВѢ—въ конторѣ Н. А. ДОХМАНА. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Havas, Lafite и Co, Place de la Bourse.

Редакторъ-издатель А. А. Тозефовичъ.

„ПРОПОВѢДНИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будеть издаваться въ слѣдующемъ 1889 г. по прежней программѣ:

1) Въ Проповѣдническомъ Листѣ будутъ помѣщены поученія на всѣ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни; а въ видѣ приложений—и на разные случаи (погребеніе, вѣнчаніе и т. д.). 2) Поученія будутъ кратки, но содержательны. 3) По изложению будутъ просты. 4) Поученія будутъ высылаться за мѣсяць до того времени, на которое они назначены.

За прежніе годы—1882, 1883, 1884, 1885, 1886 и 1888, можно получать листокъ по 1 рублю за годъ съ перес.; а за 1887 годъ (въ увеличен. видѣ)—по 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Обращаться исключительно на имя профессора Кіевской духовной Академіи *Маркеллина Алекс. Оленичаго*.

ОТЪ ІЕРУСАЛИМСКОЙ ПАТРІАРХІИ.

Въ виду появленія въ Россіи значительнаго числа мнимыхъ сборщиковъ въ пользу Св. Гроба Господня и св. мѣстъ Палестины, считаю долгомъ предупредить христіанскихъ благотворителей, что пожертвованія въ пользу Св. Гроба Господня и св. мѣстъ Палестины принимаются по уполномочию его блаженства, патріарха іерусалимскаго Никодима, исключительно Іерусалимскаго патріаршаго подворья въ Москвѣ, что на Арбатѣ, архимандритомъ Мелетіемъ, который и проситъ въ виду крайняго и затруднительнаго матеріальнаго состоянія церкви Іерусалимской въ дѣлѣ защиты православія отъ нападокъ ипохристныхъ пропагандъ не отказать ей въ посильной помощи и пособіи для удовлетворенія настоятельнымъ пуждамъ и потребностямъ св. мѣстъ Палестины, гдѣ имена благочестивыхъ жертвователей и будутъ поминаться во св. мѣстахъ прославленныхъ и освященныхъ рожденіемъ, жизнью, страданіемъ, смертью, воскресеніемъ и вознесеніемъ Спасителя нашего Господа Іисуса Христа.

Архимандритъ Мелетій.

Состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Великой Княгини Екатерины Михайловны Дамское Общество для доставленія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ рекомендуетъ бесплатно, на основаніи тщательно собранныхъ свѣдѣній, наставницъ, надзирательницъ, гувернантокъ и учительницъ, и проситъ всѣхъ ищущихъ таковыхъ обращаться съ заявленіями объ имѣющихся свободныхъ мѣстахъ въ Правленіе Общества (С.-Петербургъ, Михайловскій Дворецъ, входъ съ Михайловской площади, противъ театра) или къ завѣдующему дѣлами Общества, дѣйствительному статскому совѣтнику барону Оттону Оттоновичу Буксгевдену (С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. № 50).

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Твореній Св. Отцевъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 18—31 Іюля 1884 года выписка духовнаго журнала «Творенія Св. Отцевъ» съ прибавленіями духовнаго содержанія сдѣлана обязательною для Академій и Семинарій и имѣющихъ достаточныя средства монастырей, соборныхъ и приходскихъ церквей Россійской Имперіи.

Творенія Св. Отцевъ издаются при Московской Духовной Академіи и выходятъ по четыре книжки въ годъ, изъ которыхъ въ каждой отъ 15 до 20 листовъ текста. Въ будущемъ 1889 году въ переводной части будетъ продолжаемо печатаніе твореній Св. Кирилла Александрійскаго. Въ прибавленіяхъ будутъ помещаемы статьи, касающіяся ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи церкви и сверхъ того статьи критико-библіографическія.

Въ концѣ каждой книжки будутъ печатаемы журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи.

Цѣна годоваго изданія въ Россіи ПЯТЬ рублей, за границу ШЕСТЬ руб. съ пересылкою.

Редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ адресоваться *въ Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію Твореній Св. Отцевъ.*

Изъ редакціи Твореній Св. Отцевъ могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія:

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Творенія Св. Ефрема 1—6 том. 9 р., Твор. Св. Василія Великаго 2—7 том. 9 р., Твор. Св. Аванасія Александр. 3—4 т. 3 р., Тв. Св. Григорія Нисскаго 8 т. 12 р., Тв. Св. Исаака Сиріина 1 т. 2 р. 30 к., Тв. Св. Кирилла Іерусалим. 1 т. 1 р. 50 к., Тв. Св. Іоанна Лѣствичника 1 т. 1 р. 50 к., Тв. Св. Нила Синайскаго 3 т. 4 р. 50 к., Тв. Св. Исидора Пелусіота 3 т. 4 р. 50 к., Тв. Св. Епифанія Кипрскаго 6 т. 9 р., Тв. Св. Блаженнаго Θεодорита 7 т. 12 р., Тв. Св. Макарія Египетскаго 1 т. 2 р., Тв. Кирилла Александр. 6 т. 9.

Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія за 1846 и 1847. съ 1852 по 1864 годъ включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годы могутъ быть прибрѣтаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 р. съ пересылкою. Прибавленія же отдѣльно отъ Твореній Св. Отцевъ съ 1844 по 1864 включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881 (два тома), 1882 (два тома), 1883 (два тома), 1884 (два тома), 1885 (два тома), 1886 (два тома), 1887 (два тома), 1888 (два тома) годы, за каждый томъ по 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

НА 1889 ГОДЪ.

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всемъ отдѣламъ Русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской жизни. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящіе съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью папства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокъ и Западъ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжка литопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная цѣна: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургъ (Невскій пр., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ. — А. Пономиревъ.*

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„Исторія Христіанской Православной Церкви, въ общедоступныхъ разсказахъ“,

составленная примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ. Священника Θεодора Миткевича. Цѣна 40 коп. На пересылку отъ 1 до 2 экзempl. прилагается 20 к. При выпискѣ большаго количества экземпляровъ, пересылка по разстоюшю.

Адресъ: въ Минскъ губ. священнику *Θеодору Миткевичу.*

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ,

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Въ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою последней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.